

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956

№ 3 (92) июль – сентябрь 2018 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (92) July – September 2018

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3003)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Панченко В.Я. Развитие науки в регионах — приоритетная задача РФФИ	9
---	---

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кочегаров К.А.

Гетман Иван Мазепа и русское правительство в 1706–1708 гг.: к дискуссии о причинах разрыва	13
--	----

Зубкова Е.Ю.

Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией»	26
--	----

ЭКОНОМИКА

Авраамова Е.М., Логинов Д.М.

Адаптационное поведение населения как фактор социального развития	36
---	----

Попкова Е.Г., Рагулина Ю.В.

Рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России	45
--	----

Борисов В.Н., Почукаева О.В.

Методический подход к оцениванию влияния инвестиционной активности на импортозамещение на рынках продукции машиностроения	53
---	----

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Козюк М.Н.

Теория медиации в дисциплинарном дизайне	63
--	----

Девятко И.Ф.

Источники норм, множественность нормативных систем и моральный релятивизм: объяснительные ресурсы социологической теории	72
--	----

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Власова М.Н.

Быт и фольклор «несуществующих» деревень	82
--	----

Вепрева И.Т., Купина Н.А., Ицкович Т.В.

Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города	97
--	----

Порохницкая Л.В., Теплякова С.М.

Концептуальная репрезентация политкорректного лексикона (на материале французского языка)	107
---	-----

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Черткова Ю.Д., Егорова М.С.

Роль негативных личностных черт в психологической адаптации	115
---	-----

Куфтяк Е.В.

Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрастах: динамика и детерминанты	126
--	-----

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е.

Экспедиционные исследования многослойного пещерного памятника Сельунгур (Ферганская долина, Кыргызстан)	135
---	-----

Бородихин А. Ю.

- Древние книги Сибири (по материалам археографических экспедиций
ГПНТБ СО РАН 2014–2017 гг.) 145

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ**Заболеева-Зотова А. В.**

- II Всероссийская научно-практическая конференция
«Совершенствование системы взаимодействия Российского фонда
фундаментальных исследований и субъектов Российской Федерации в вопросах
проведения региональных и молодёжных конкурсов» (Томск, 22–23 июня 2018 г.) ... 158

Функ Д. А., Игнатъев Р. Н., Филатова В. О.

- Международная конференция «Эксперименты и экспериментальность
в антропологии и междисциплинарных исследованиях» (Москва, 15–16 мая 2018 г.) ... 164

Лебедева Е. Г.

- Круглый стол «Прогресс России: женский аспект» (Москва, 15 мая 2018 г.) 171

Трубицина Н. А.

- Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Михаила Пришвина
в системе современного гуманитарного знания» (Елец, 20–21 апреля 2018 г.) 176

МИР КНИГИ РФФИ**Редин Д. А. —**

- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В. Город Сибир — городище Искер
(историко-археологическое исследование) / Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Ин-т российской истории РАН; Ин-т экологии растений и животных УрО РАН.
М.: Наука — Восточная литература, 2017. — 456 с.: ил. 182

Носов Е. Н. —

- Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост.
М. А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 264 с.: ил. 186

Басаргина Е. Ю., Хосроев А. Л. —

- Жебелёв С. А. Русское археологическое общество за третью четверть века
своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение:
Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост.,
вступит. ст. И. В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. — 672 с. (Серия Ad fontes:
Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5) 190

Барабина М. Н. —

- Баженова Т. Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое
описание. Самара: СГСПУ, 2017. — 190 с.: ил. 195

Тюхменева Е. А. —

- Моисеева С. В. Русские кистью современников: Портретная живопись
конца XVI – первой половины XVIII века в собраниях Европы и России. СПб.:
Дмитрий Буланин, 2017. — 304 с.: ил. 199

Москалюк М. В. —

- Голынец С. В. Лев Самойлович Бакст. М.: БуксМАрт, 2017. — 408 с.: ил. 203

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

- КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА РФФИ В МИДе РОССИИ** 207

CONTENTS

<i>Panchenko V.Ya. Regional Development of Science is a Priority Task of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR)</i>	9
--	---

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Kochegarov K.A.

Hetman Ivan Mazepa and the Russian Government in 1706–1708: Debates about the Breach Causes	13
--	----

Zubkova E. Yu.

Forced “Occupational Therapy” in the USSR: between the Gulag and “Big Chemistry”	26
--	----

ECONOMICS

Avraamova E.M., Loginov D.M.

People’s adaptive behavior as a social development factor	36
---	----

Popkova E.G., Ragulina Yu.V.

Framework Strategy for the Formation of Industry 4.0 in the Today’s Russia	45
--	----

Borisov V.N., Pochukaeva O.V.

Methodical Approach to Assessing the Impact of Investment Activities on Import Substitution in Machine-Building Product Marketsя	53
---	----

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Kozyuk M.N.

Theory of Mediation as a Branch of Knowledge	63
--	----

Devyatko I.F.

Sources of Norms, Plurality of Regulatory Systems and Moral Relativism: Explanatory Resources of Sociological Theory	72
---	----

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Vlasova M.N.

Life and Folklore of “Nonexistent” Villages	82
---	----

Vepreva I.T., Kupina N.A., Itskovich T.V.

Core Values and Their Reflection in the Speech of the Ural City	97
---	----

Porokhnitskaya L.V., Teplyakova S.M.

Conceptual Representation of a Politically Correct Vocabulary (Examined by the French Language)	107
--	-----

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Chertkova Yu.D., Yegorova M.S.

The Role of Negative Personality Traits in Psychological Adaptation	115
---	-----

Kuftyak E.V.

Vitality in Teenagers and Adolescents: Dynamics and Determinants	126
--	-----

FIELD RESEARCH

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Schneider S.V., Romanenko M.E.

Field Research of the Multilayer Selungur Cave (Fergana Valley, Republic of Kyrgyzstan)	135
--	-----

Borodikhin A.Yu.

- Ancient Books of Siberia (Based on Archaeological Expeditions of the State Public Scientific & Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2014–2017) 145

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA**Zaboleeva-Zotova A.V.**

- The 2nd Russian National Academic & Practical Conference "Improvement of interaction between the Russian Foundation for Basic Research and the regions of the Russian Federation in the issues of regional and youth competitions" (Tomsk, June 22–23, 2018) ... 158

Funk D.A., Ignatyev R.N., Filatova V.O.

- International Conference "Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary Studies" (Moscow, May 15–16, 2018) 164

Lebedeva E.G.

- Round table "Progress of Russia: women's aspect" (Moscow, May 15, 2018) 171

Trubitsyna N.A.

- Russian National Academic Conference "Mikhail Prishvin's Heritage in the System of Modern Humanities" (Yelets, April 20–21, 2018) 176

THE RFBR BOOK WORL**Redin D.A. —**

- Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. The Town of Sibir — Isker Fortress (Historical and Archaeological Research) / Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History of the RAS; Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka — Vostochnaya Nauka, 2017. — 456 p.: ill. 182

Nosov E.N. —

- Novgorod Stronghold and the Prince Court in the 11th–15th Centuries. / Editor-in-Chief M.A. Rodionova. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. — 264 p.: ill. 186

Basargina E.Yu., Khosroev A.L. —

- Zhebelyov S.A. Russian Archaeological Society in the Third Quarter Century of Its Existence. 1897–1921: Historical essay. Appendix: Bibliographic dictionary of the members of the Russian Academy of Education (1846–1924) / Editor-in-Chief, author, foreword by I.V. Tunkina. Moscow: Indrik, 2017. — 672 p. (Ad fontes series: Materials and research on the history of science. Supplementum 5) 190

Barabina M.N. —

- Bazhenova T.E. Vocabulary of Samara dialects: typological and lexicographical description. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 2017. — 190 p.: ill. 195

Tyukhmeneva E.A. —

- Moiseeva S.V. Russians painted by contemporaries: Portrait painting of late 16th — first half of the 18th century in the collections of Europe and Russia. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. — 304 p.: ill. 199

Moskalyuk M.V. —

- Golynets S.V. Bakst Lev Samoylovich. Moscow: BuksMart, 2017. — 408 p.: ill. 203

OFFICIAL DEPARTMENT

- BOOK FAIR OF THE RFBR IN THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF RUSSIA ... 207**

*Владислав Панченко,
академик РАН*

Развитие науки в регионах — приоритетная задача РФФИ

Забота о развитии науки в регионах страны — для нас это не просто красивый лозунг. Это приоритетная задача и повседневное руководство к действию. Начало этой важной работе было положено в 1997 г., когда РФФИ заключил первое соглашение о проведении региональных конкурсов с Иркутской областью и Республикой Бурятия. Его тематика охватывала проблемы озера Байкал и Байкальского региона. В тот год соглашения об организации совместных конкурсов и финансировании проектов на паритетной основе Фонд подписал с девятью регионами. С тех пор минуло 20 с лишним лет. За эти годы РФФИ накопил богатый опыт сотрудничества с администрациями и научными коллективами по всей России.

Новый импульс региональное направление деятельности Фонда получило в 2016 г., когда была утверждена Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. В этом основополагающем документе была поставлена актуальная задача «поддержки отдельных территорий (регионов) с высокой концентрацией исследований, разработок, инновационной инфраструктуры, производства и их связи с другими субъектами Российской Федерации в части, касающейся трансфера технологий, продуктов и услуг».

Реализуя положения Стратегии, Фонд более чётко определил область своего взаимодействия с регионами (ил. 1) и цели этого взаимодействия. Среди важнейших целей взаимодействия РФФИ и регионов — выявление и финансовая поддержка наиболее перспективных научных направлений, развивающихся в регионе, а также реализация потенциала фундаментальной науки для достижения целей государственной научно-технической политики, направленной на социально-экономическое развитие территорий страны. На конкурсной основе Фонд проводит отбор региональных научных проектов, которые могут послужить базой для инноваций, а также определяет возможности их практической реализации. В этой работе РФФИ опирается на мощную экспертную систему, сформировавшуюся за более чем четверть века деятельности Фонда. Сегодня она объединяет свыше шести тысяч наиболее квалифицированных учёных, активно работающих во всех областях науки:

Ил. 1. Взаимодействие РФФИ и регионов РФ

Участники конференции выразили общее мнение, что специфика региональных конкурсов требует решения целого ряда вопросов нормативно-правового характера на высшем законодательном уровне.

В поисках ответа на назревшие проблемы РФФИ обратился в Совет Федерации Федерального Собрания РФ с инициативой проведения круглого стола «Роль и место Российского фонда фундаментальных исследований в поддержке научных проектов, направленных на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации».

Такое заседание было проведено в ноябре минувшего года (ил. 2). Выработанные по итогам круглого стола рекомендации по вопросам совершенствования нормативно-правовой базы взаимодействия РФФИ и субъектов федерации были направлены в Правительство РФ и нашли отражение в обсуждаемом сейчас законопроекте «О науке и государственной научно-технической политике».

Не будет преувеличением сказать, что работа по взаимодействию с регионами проведена масштабная, и её результаты впечатляют. С 2015 по 2018 г. удвоилось финансирование региональных конкурсов, а число поданных на них заявок практически утроилось (ил. 3).

Сегодня Фонд сотрудничает с 63 субъектами РФ. Наиболее активными из них по числу выполняемых проектов и объёму финансирования являются Красноярский край, Томская область, Москва, Краснодарский край, Новосибирская и Ульяновская области, Республика Татарстан и Пермский край.

Важно подчеркнуть, что в рамках региональных конкурсов Фонда учёные ведут исследования по актуальным как для регионов, так и всей страны научным направлениям, среди которых:

- разработка теоретических основ и математических моделей рационального природопользования с учётом антропогенного и техногенного воздействия на окружающую среду;
- исследование природных закономерностей развития огромных регионов (Арктика, Западная Сибирь, Дальний Восток, Урал, Черноземье и др.);
- фундаментальные научные исследования, нацеленные на создание ресурсосберегающих технологий, новых возобновляемых источников энергии и новых материалов;

точных и естественно-научных, гуманитарных и общественных. Экспертная система РФФИ — это наше достояние, надёжная опора и действенный инструмент научной политики.

Проблемы взаимодействия РФФИ и регионов стали предметом обсуждения на Всероссийской научно-практической конференции, поддержанной Советом Федерации Федерального Собрания РФ и состоявшейся в 2016 г. в Уфе. Основное внимание было уделено совершенствованию методов проведения экспертизы на региональном и федеральном уровнях, нормативно-правовой базе сотрудничества Фонда и регионов, поиску новых форм проведения совместных конкурсов.

Ил. 2. Заседание круглого стола в Совете Федерации на тему «Роль и место Российского фонда фундаментальных исследований в поддержке научных проектов, направленных на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации»

– поиск новых путей ликвидации последствий загрязнений и реабилитации экосистем, включая улучшение условий жизни и здоровья людей;

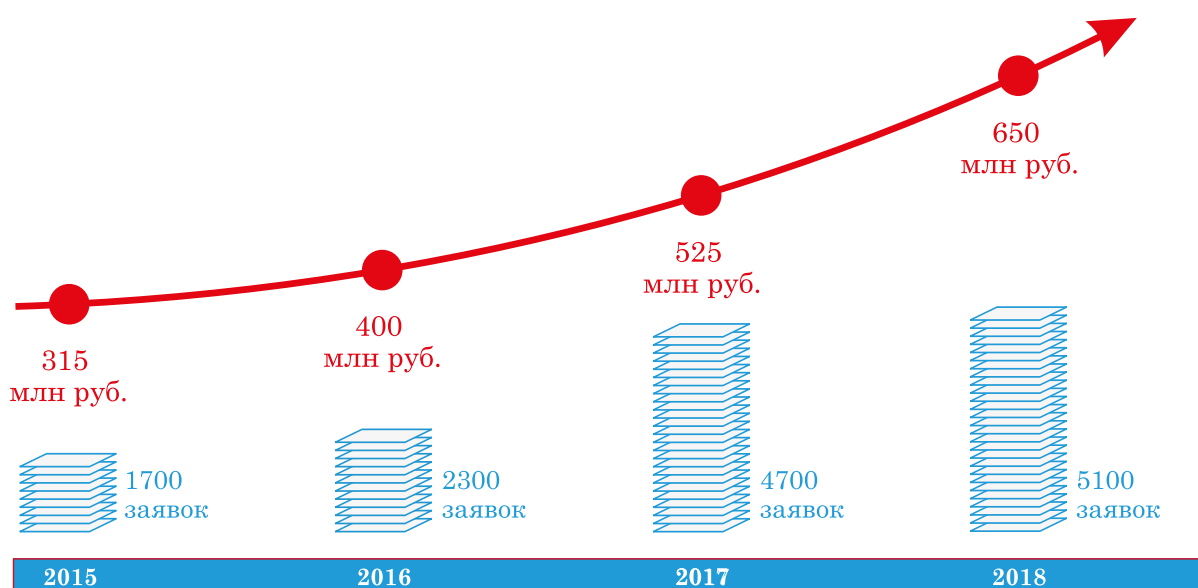
– сохранение и развитие национальной культуры и памятников культурного наследия.

Реализация новых научных идей, особенно в последние годы, зачастую не укладывается в рамки какой-либо одной области знаний, а уж если говорить о социально-экономических задачах региона, то здесь довольно часто приходится использовать междисциплинарный подход. Объединение в 2016 г. Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда внесло существенный вклад в развитие региональных программ РФФИ. Перед нами открылся значительно более широкий спектр регионально ориентированных задач, идеи для решения которых лежат на стыке технических и гуманитарных наук.

Новым шагом в совершенствовании системы взаимодействия РФФИ и субъектов Российской Федерации стало проведение в июне нынешнего года в Томске II Всероссийской научно-практической конференции совместно с Советом Федерации Федерального Собрания РФ, Федеральным агентством научных организаций, Администрацией Томской области и Национальным исследовательским Томским государственным университетом.

Выбор места проведения конференции не был случайным, ведь Томская область — один из лидеров в программах регионального развития науки. За 20 лет томичи при поддержке РФФИ реализовали четыре тысячи научных проектов. В Томске ярко была представлена цепочка, в которой старт — фундаментальные исследования, а финиш — индустриальный результат.

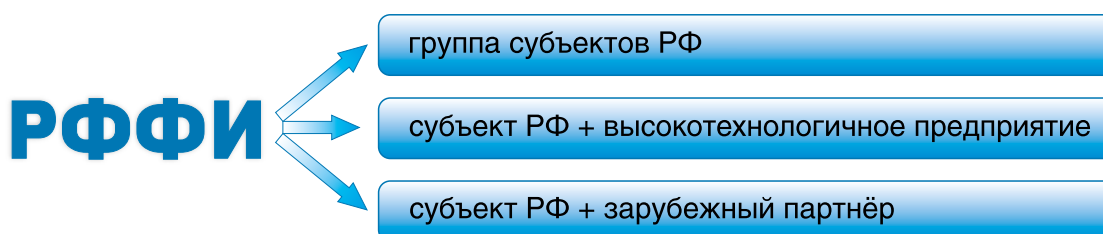
На пленарных и секционных заседаниях конференции было высказано и обсуждено много конструктивных предложений. Особое внимание участники форума обратили на новые виды конкурсных программ РФФИ. Среди них, прежде всего, конкурсы с при-

Ил. 3. Динамика финансирования и числа поданных заявок региональных конкурсов РФФИ с 2015 по 2018 г.

влечением высокотехнологичных предприятий, расположенных на территории тех субъектов, с которыми Фонд проводит конкурс. Эта инициатива принадлежит Красноярскому краю, и её особенно активно поддержали Томская и Ульяновская области.

Руководство Иркутского научного центра выступило с предложением о проведении многосторонних конкурсов с привлечением зарубежных партнёров. Эту инициативу поддержали Республика Татарстан и Новосибирская область (ил. 4).

Ил. 4. Новые варианты конкурсного взаимодействия РФФИ с субъектами РФ, основанные на многостороннем сотрудничестве

Подробнее об обсуждавшихся на конференции вопросах, выдвинутых инициативах и принятых решениях можно прочитать в статье, публикуемой в этом номере журнала под рубрикой «Конференции. Конгрессы. Симпозиумы», а также на сайте РФФИ (www.rfbr.ru).

В заключение хотелось бы обратить внимание на одно очень важное обстоятельство: учёные, проживающие и работающие в различных городах страны, могут участвовать не только в соответствующих региональных, но и в других конкурсах Фонда. В каждом номере журнала «Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» публикуются статьи, подготовленные учёными-гуманитариями из регионов. И номер, который вы держите в руках, — не исключение. На его страницах вы найдёте статьи правоведа М.Н. Козюка из Волгограда, коллектива лингвистов под руководством И.Т. Вепревой из Екатеринбурга, психолога Е.В. Куфтяк из Костромы, группы археологов из Новосибирска и др.

Региональное направление деятельности РФФИ — одно из наиболее динамично развивающихся. Много уже достигнуто, но ещё больше предстоит сделать, ведь только во взаимодействии с регионами и может полноценно развиваться российская фундаментальная наука.

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.А. КОЧЕГАРОВ*

Гетман Иван Мазепа и русское правительство в 1706–1708 годах: к дискуссии о причинах разрыва

УДК 94(47)
ГРНТИ 03.23.31
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-13-25

В статье анализируются последние тенденции в изучении сложного и неоднозначного периода русско-украинских отношений, предшествовавших измене гетмана Мазепы осенью 1708 г. В историографии существуют разные точки зрения на причины и предпосылки этого события. Особое внимание уделяется тем из них, которые так или иначе были связаны с политикой русского правительства в отношении гетмана Мазепы, украинского казачества и всей Малой России. Классический нарратив генезиса «мазепиной измены» базируется на известном источнике – письме Ф. Орлика митрополиту Стефану Яворскому. Отталкиваясь от этого, автор анализирует сформулированные в нём наиболее важные причины перехода Мазепы на шведскую сторону с учётом новейших исследований по проблематике русско-украинских отношений 1704–1708 гг., дополненных неизвестными ранее архивными материалами. Подобное исследование, с одной стороны, показывает несостоятельность попыток дополнить и развить идеологию письма Орлика некими концепциями «реформ», направленных на ликвидацию автономии Малой России, с другой – проясняет реальный уровень конфликтности в русско-украинских отношениях, которого самого по себе было явно недостаточно для возникновения острого кризиса. Поэтому катализатором для него послужил внешний фактор, которым и стал поход на Россию Карла XII.

Ключевые слова: Иван Мазепа, Пётр I, Северная война, русско-украинские отношения, Гетманщина

* **Кочегаров Кирилл Александрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, руководитель проекта «Русско-украинские отношения накануне измены гетмана И.С. Мазепы. 1704–1708 гг.» (15-01-00229а).
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Вот уже почти два века в исторической науке ведутся жаркие дискуссии относительно явления, которое российские историки зачастую именуют «изменой Мазепы», а их современные украинские коллеги — «отказом от царской протекции» или «рывком русско-украинского договора». За этими терминологическими разногласиями кроется глубокая пропасть в понимании тех процессов в русско-украинских отношениях, которые привели к поспешному и совершенно неожиданному для царя Петра I и его окружения побегу Мазепы в расположение шведских войск в ночь с 23 на 24 октября 1708 г.

Среди наиболее острых дискуссионных вопросов ключевое место занимает

Ил. 1. Гетман Иван Мазепа. Гравюра И. Бернигерота. Первая половина XVIII в.

проблема анализа возможных причин и предпосылок указанного события. Суть её в значительной мере заключается в попытках ответить на вопрос, насколько переход Мазепы (ил. 1) на сторону шведов был обусловлен российской политикой на Украине, а точнее теми мерами царского правительства, которые могли нести потенциальную угрозу автономии Малой России (Гетманщины).

Не претендуя на окончательные выводы, в данной статье хотелось бы рассмотреть последние тенденции в дискуссиях по указанной проблематике, скорректировав ряд существующих в историографии суждений с опорой как на неизвестные ранее архивные материалы, так и на новые трактовки уже известных ранее источников.

Послание Ф. Орлика: проблемы критики источника

В целом главной источниковой базой исследований, в той или иной мере касающихся генезиса «мазепиной измены» как реакции на угрозы со стороны «русского централизма» (термин З.Когута), является известное письмо гетманского писаря Филиппа Орлика рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, введённое в научный оборот Н.И.Костомаровым [1]. Оно было написано значительно позднее (в 1721 г.) изложенных в нём событий и не может считаться абсолютно достоверным источником. При этом ввиду ряда уникальных свидетельств его важная роль при реконструкции событий 1706–1708 гг. по-прежнему сохраняется.

Анализируя текст письма, можно выделить три основные причины, которыми его автор пытался объяснить поступок Мазепы:

- ♦ общее недовольство казачества, старшины и гетмана тяготами царской службы, особенно усилившимися в 1707–1708 гг. («козаки своими оброками служат далекими и долгими походами..., кровь свою проливают, и на разных местах, то в Инхлянтах, то в Полши, то в Литве,

то в Казанском государстве, то в Донских городах, погибают и умяляютца»);

- ◆ планы русского правительства реформировать казацкое войско, превратив его в некое подобие регулярной армии;
- ◆ попытки царского фаворита А.Д.Меншикова интриговать против Мазепы с целью завладения то ли Черниговским «княжеством», то ли гетманской булавой.

Очевидность первого фактора, подтверждающегося множеством других давно известных источников и в целом неплохо описанного в науке общим ходом событий Северной войны, резко контрастирует со сложностями критической перепроверки уникальных свидетельств Орлика относительно двух других причин. Историки в разное время пытались сделать это с разной степенью успешности. Так, уже в XIX в. было обращено внимание на документы, как будто бы подтверждавшие планы царского правительства по реформе казацкого войска [2, с. 295–296, 312–313]. Вообще следует подчеркнуть, что в украинских и некоторых отечественных работах речь идёт главным образом о том, чтобы найти дополнительные аргументы в пользу свидетельств Орлика, подведя тем самым более прочное обоснование под необходимость разрыва Мазепы с Петром I (ил. 2) и перехода на сторону Карла XII.

Тем не менее, источниковая база этой сложной и неоднозначной проблематики отнюдь не исчерпана. В научный оборот достаточно слабо введены огромные пласты переписки гетмана Мазепы и руководителей русских посольских дел Ф.А.Головина и Г.И.Головкина. Использование этих документов, как представляется, позволит не только расширить область верификации письма Орлика и критически проанализировать возникшие в поддержку его тезисов концепции, но и вообще выйти за рамки «Орликова нарратива», попытаться нащупать иные потенциально конфликтные точки в отношениях Москвы и Батурина накануне шведского нашествия на Россию.

Ил. 2. Пётр I. Художник Ж.М. Натье. 1717 г.

Украинское казачество в Северной войне

Это касается даже такой хорошо известной проблемы, как участие украинского казачества в Северной войне, в которую Малая Россия была вовлечена едва ли не шире всех остальных зависимых или полузависимых от Москвы автономных образований. В 1704–1705 гг. Мазепа со своими казаками совершил два похода на польскую Правобережную Украину, пытаясь, в том числе, закрепиться в Замостье; в 1706 г. принял участие в кампании Белоруссии, причём казацкие войска понесли чувствительные потери. В 1706–1707 гг. казаки были заняты на тяжёлых работах по сооружению Печерской крепости возле Киева, наконец, в 1707 г. в распоряжение польских союзников царя в Польшу был послан корпус казаков под командованием племянника Мазепы, А. Войнаровского.

Военная нагрузка на украинское казачество шла по нарастающей. В январе 1708 г.,

Ил. 3. Портрет канцлера Г.И. Головкина.
Художник И.Н. Никитин. 1720 г.

в разгар зимы, царь, реагируя на просьбы саксонского курфюрста и польского короля Августа II, приказал Мазепе вновь выдвинуться с частью войска на Правый берег Днепра, где гетман простоял до конца июня, сначала в районе Фастова, а затем – Белой Церкви [2, с. 251–263, 269–283, 286–291, 318–319, 322, 340, 401; 3, с. 345].

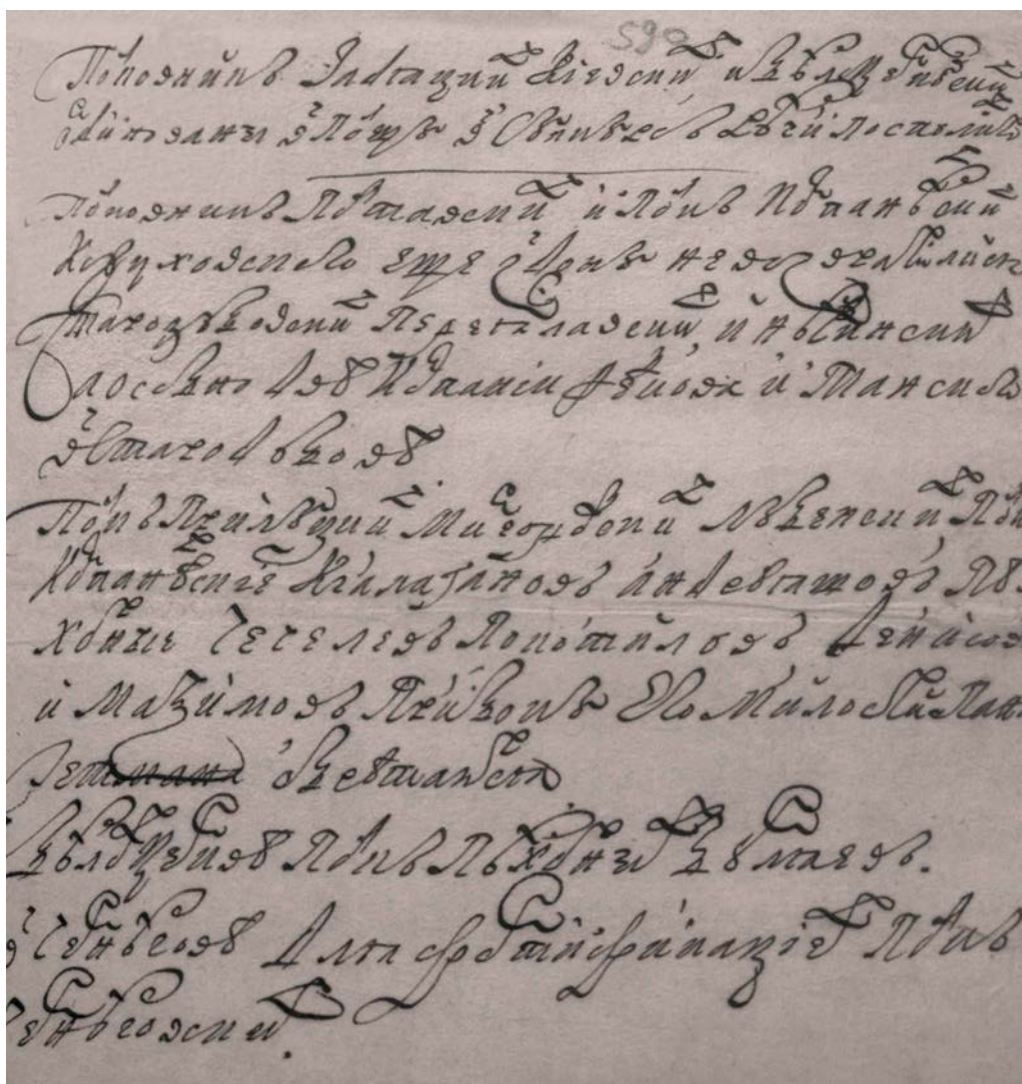
Тогда же по требованию ещё одного царского союзника, коронного гетмана Адама Сенявского, Мазепа отправил на Правобережье трёхтысячный вспомогательный отряд под командованием киевского и белоцерковского полковников. Поляки не давали ему продовольствия, изматывали утомительными маршами. Сенявский отправил их литовскому подскарбию Л.Потею на Брест-Литовский через болотистую и пустынную местность на Волини. В письме Г.И. Головкину (ил. 3) Мазепа обвинял коронного гетмана, что тот заслал «тое рейменту моего войско авксиллярное таким трактом в самое пекло, в пущи и в болота, которым летом жадною мерою невозможно пройти,

не током войскам, но и купцы туда никогда не ездят, где и зимою мало коли мерзнет, а до того и безлюдный край, который я совершенно знаю» [4, д. 3а, л. 454, 489].

Жалобами на недовольство и тяжесть службы пестрят письма указанных полковников Мазепе и Орлику [4, д. 3, л. 212, 318–318 об., 320–321]. Помимо этого, крупный казачий гарнизон находился в Быховской крепости (Белоруссия) [2, с. 318; 5, с. 106–109], а в августе Мазепа выслал из-под Киева на Пропойск и Смоленск, где ожидалось вторжение шведов, значительные военные контингенты [3, с. 355]. В письмах царю и его советникам за 1707–1708 гг. Мазепа часто сетовал на значительную вовлечённость войск своего регимента в выполнение самых различных заданий русского командования [2, с. 316–317; 4, д. 3, л. 138–139].

Участием в военных действиях против шведов и их союзников дело не ограничивалось. В 1707 г. крупный, полутысячный отряд казаков был послан аж в Поволжье для подавления всполохов Башкирского восстания [6]. Летом 1708 г. украинские отряды внесли весомый вклад в разгром основных сил выступивших против властей донских атаманов [2, с. 352–354]. Но и сами казаки понесли чувствительные потери. Даже полтавский полковник Левенец был тяжело ранен в боях с булавинцами в июне 1708 г. Как писал к Мазепе посланный с отрядом в Полтаву его приближённый А.Туранский, Левенец «барзо... хорый же и куль не винято, хочай и доктор бил з Белгорода присланный». Несмотря на визит русского лекаря из Белгорода, полковник чувствовал себя плохо: «вес бок отоком оточилос и не може вже хаты перейты, велми слабый zostает» [4, д. 3, л. 330].

Прибывший в распоряжение русских войск в Погар гетманский канцелярист Д.Болбот подал 15 октября 1708 г. записку о распределении на текущий момент украинских войск: Гадяцкий, Киевский и Белоцерковский полки находились в Польше; полтавский и компаней-

Ил. 4. «Роспись войску регименту гетманского», составленная канцеляристом Д. Болботом, прибывшим в ставку русских войск в Погар. 15 октября 1708 г. Российский государственный архив древних актов

ский полк Ю. Кожуховского «еще з Дону не возвратилися»; Стародубский, Переяславский и Нежинский и два компанейских полка посланы в Стародуб для обороны от наступающих шведов; при гетмане же находились Лубенский, Прилуцкий, Миргородский, а также несколько компанейских пехотных и конных полков и т.д. [4, д. 3, л. 596]. (Ил. 4).

Всё это не могло не вызывать скрытого брожения и недовольства внутри казачества, обращавшегося в первую очередь не на русского царя, а на самого гетмана и генеральную старшину. В ходе марша на Северщину к Мазепе дважды — под Салтыковой Девицей и под Борзной —

приходили депутации казаков, жалуясь на тяготы службы и прося не посылать их «за Десну». В последний раз, 16 октября 1708 г., Мазепе подали соответствующие «супплики» представители Лубенского, Миргородского и Прилуцкого полков.

В итоге по просьбам Мазепы марш за Десну был частично отменён. Гетман получил царский указ расположиться «в пристойных местех, не переходя Десны для бережения Украины от шатостей с обозом и з тяжелым войском», а «легкое» войско послать с наказным гетманом «меж Стародуб и Чернигов для промыслу над неприятелем». Однако Мазепа не успокоился на этом, прося русское

командование позволить ему распустить по домам городское казачество, оставив при себе «токмо полковников с старшиною полковою и з сотниками по несколку сот ис каждого полку надежных людей.., понеже многолюдствие опасно держать на обозе» — может вспыхнуть бунт. В отсутствие полковников и сотников волнения могут произойти и в городских полках, считал гетман [6, с. 22–24].

В свете того, что к октябрю замыслы перехода на сторону шведов Мазепы и генеральной старшины определились окончательно, можно предположить, что волнения казачества были отчасти инспирированы. Однако несомненно и то, что и сама казацкая верхушка во главе с гетманом находилась под определённым давлением, опасаясь, что в случае открытой вспышки недовольства, имевшего вполне натуральный характер и реальную почву, именно она падёт первой жертвой бунта.

Призрак военно-административных реформ и реальная политика царской власти на Украине

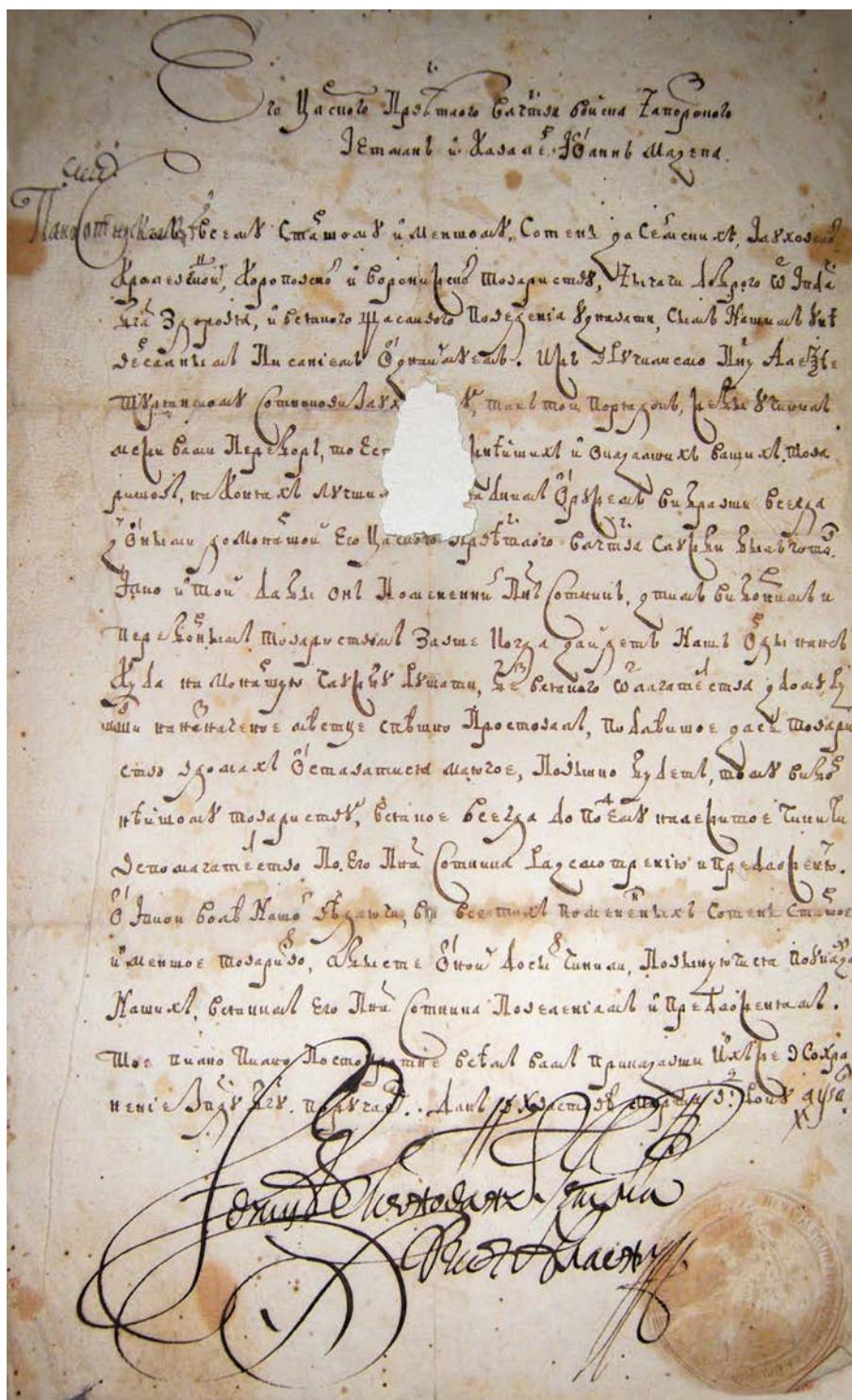
Военные тяготы как одна из причин, толкнувших Мазепу и его приближённых в объятия шведского короля, давно отмечалась и исследовалась в историографии, хотя, может быть, и недостаточно полно. В отличие от этого очевидного фактора, сомнения и дискуссии среди историков давно вызывали планы якобы имевшей место реформы казацкого войска, задуманной Петром I в 1706–1707 гг. С подачи Орлика, приводившего свидетельства казацких старшин И. Черныша и Д. Горленко, что русские военачальники якобы пытались обратить присланные к ним казацкие полки в драгун [1, с. 2–3], призрак «реформы», уничтожающей казацкую организацию, постоянно присутствовал во всех работах, так или иначе связанных с проблематикой русско-украинских отношений эпохи Северной войны.

Лишь недавние исследования позволили прояснить этот момент: всё оказалось гораздо прозаичней. Реформа дей-

ствительно планировалась и даже начала проводиться, однако преследовала совсем иные цели, нежели ликвидацию казацкого войска. Смысл её заключался в преобразовании украинских казацких полков по образцу проведённой ранее реформы слободских, с «перебором» казаков для разделения на зажиточных, способных нести военную службу и остальных — «подпомощников», которым полагалось платить подати на содержание выборных. Первые должны были составить так называемые компании, учреждение которых обсуждалось в переписке Мазепы и Головкина в 1707–1708 гг. Конечно же, речь никоим образом не шла о превращении казачества в подобие регулярной армии, а скорее о реформировании существовавшей сословной военной организации с целью повышения её боеспособности [7, с. 105–106, 111–112; 3, с. 340–358].

В рамках этих мер Мазепа в конце февраля – начале марта 1708 г. издал универсал о переводе на новую форму службы четырёх сотен Нежинского полка (так называемые Засеймские сотни), как писал сам гетман Головкину «к великороссийским городам ближайших» (ил. 5). Одновременно он просил отложить реформу остальных полков и сотен «до иного благополучнейшего времени». Гетман и ранее, с одной стороны, признавал необходимость реформы, с другой — сетовал на недовольство старшин, прося царское правительство не спешить с её проведением. В итоге преобразованиями Засеймских сотен всё и ограничилось, хотя объективная потребность проводить масштабные переборы казаков, аналогичные «устройению компаний» с целью формирования годных к службе подразделений и в дальнейшем давала о себе знать, и особенно — летом 1708 г. [3].

Как уже отмечалось, помимо вышеописанных мероприятий гетманской администрации в историографии в силу ошибочной интерпретации отдельных вырванных из контекста источников и фрагментов трудов историков XIX в. появлялись

Ил. 5. Универсал гетмана И.С. Мазепы о реформе Засеймских сотен.
2 марта 1708 г. Ранее ошибочно датировался 1701 г.
Черниговский исторический музей им. В.В. Тарновского

и другие концепты пресловутых «реформ» 1707–1708 гг., которые якобы несли угрозу военно-административному устройству Гетманщины. Первый из них возник в конце 1960-х гг. с подачи украинской со-

ветской исследовательницы Е.М. Апанович и касался локального явления — формирования в 1706 г. так называемой Украинской дивизии, которая включала в себя помимо слободских также и некоторые

полки Гетманщины, выведенные таким образом из-под командования («регимента») Мазепы.

Однако, как показали в своём исследовании екатеринбургские историки М. Киселев и Я. Лазарев, тезис этот — не что иное, как результат ошибочной трактовки Е. М. Апанович соответствующего пассажа из труда Е. А. Альбовского по истории Харьковского полка, который в свою очередь восходит к работе И. И. Квитки, издавшему в 1812 г. краткий обзор истории слободских полков. Всеми известными источниками существование «украинской дивизии» в 1706–1708 гг., да и позднее, никак не подтверждается [8].

В 2011 г. петербургская исследовательница Т. Г. Таирова-Яковлева выдвинула концепцию административных преобразований царского правительства 1707–1708 гг., целью которых, ни много ни мало, была ликвидация автономии Малой России и её включение в состав Киевской губернии. В основе этого концепта лежала искажённая трактовка решения царского правительства о передаче ведения «старыми» воеводскими крепостями в Нежине, Чернигове, Киеве, Переяславле из Малороссийского приказа в Разрядный с припиской их к Белгородскому разряду в рамках общей политики сосредоточения в этом органе однотипных функций и подготовки крепостей к обороне ввиду опасности шведского нашествия. Сами по себе гарнизоны в вышеозначенных крепостях были весьма малочисленны (чуть более 3 тыс. человек на все четыре города; причём больше половины из них в Киеве) и потенциальной военной угрозы не представляли. В целом указанная мера никак не меняла статус четырёх «черкасских замков», а, следовательно, не таила никаких опасностей для автономии Гетманщины, так же, впрочем, как и фактическое переименование киевского воеводы в губернатора (административные функции при этом никак не изменились), произошедшее ещё в 1700 г.

Сами планы создания губерний, появившиеся у Петра I в конце 1707 г., предусматривали отнесение к Киевской губернии, помимо городов Белгородского и Севского разрядов, также только четырёх вышеозначенных «замков». Проект, следовательно, учитывал административные границы Украинской автономии и никак не затрагивал ни полки гетманского «регимента», ни самоуправляющиеся городские общины Малой России [9]. Вопреки утверждениям Т. Г. Таировой-Яковлевой, не было и какого-то специального расквартирования царских войск на Гетманщине до появления на её северных рубежах шведских войск (т.е. до осени 1708 г.) [10, с. 266–267].

Нельзя, однако, сказать, что в 1707–1708 гг. вообще не было никаких иных признаков вмешательства царского правительства во внутренние дела Гетманщины, которые, как и компанейская реформа, могли вызвать реальное беспокойство казацкой верхушки и гетмана. Приведём два ярких и в то же время малоизвестных до недавнего времени примеры. В 1707 г., впервые с 1685 г., царское правительство вмешалось в выборы киевского митрополита, прямо указав на кандидата, который должен был занять опустевший после смерти владыки Варлаама Ясинского престол. Пётр I настоял на кандидатуре киево-печерского архимандрита Иоасафа Кроковского, тогда как гетман Мазепа рассчитывал на избрание патриаршего местоблюстителя Стефана Яворского, но вынужден был подчиниться монаршей воле [11].

В том же году царское правительство без одобрения гетмана вдруг решило утвердить полковником Стародубского полка Ивана Черныша, который каким-то образом заручился поддержкой царского фаворита А. Д. Меншикова. Это шло вразрез с интересами Мазепы, желавшего передать полковничий пернач своему племяннику А. Войнаровскому. Гетман, однако, не решился высказать своё несогласие открыто, прикрывшись

недовольством новым назначением самих стародубских казаков. Этого хватило, чтобы русское правительство отказалось от своих планов, однако и Войнаровский также полковником не стал [12]. Сам этот сюжет лишний раз показал хрупкость отношений между гетманом и русскими властями в сферах, где полномочия не были чётко разграничены и базировались не столько на гарантиях, зафиксированных в царских статьях и жалованных грамотах Войску Запорожскому, сколько на сложившейся практике взаимоотношений, согласно которой Москва крайне редко напрямую вмешивалась во внутриукраинские дела, традиционно относившиеся к компетенциям гетмана, ограничиваясь, как правило, формальной санкцией в отношении его решений.

Мазепа и Меншиков

Одним из нарушителей хрупкого баланса под пером Орлика предстаёт Меншиков, и отражение в историографии созданного гетманским писарем нарратива обязательно предусматривает акцент на напряжённость отношений между Мазепой и царским фаворитом как один из драйверов вызревания конфликта гетмана и царского правительства в целом (ил. 6). Между тем детальное исследование взаимоотношений Мазепы и царского фаворита показало, что о каком-то особенном, системном конфликте между ними говорить нельзя. На фоне широкого поля военно-административной деятельности светлейшего князя вряд ли можно сказать, что Украина являла собой некий особенно вожделенный объект приложения его активности. Отдельные эпизоды меншиковских распоряжений в адрес Мазепы объясняются его влиянием как военачальника, облечённого царским доверием, и только предвзятый взгляд может увидеть за ними какие-то замыслы специально унижить гетмана или подчинить его своей власти. Особенно ярко это проявилось в истории о якобы инициированном Меншиковым для своего «возвы-

Ил. 6. А.Д. Меншиков. Неизвестный художник. 1710–1720-е гг.

шения» и, соответственно, «понижения» Мазепы походе на Вольнь, в котором гетман, если верить Орлику, должен был участвовать под командой царского фаворита. На самом деле поход был инициирован царём по просьбе польского союзника Августа II, Меншиков же полагал, что участие в нём отрядов Мазепы совсем не обязательно. Не исключено, что светлейший князь претендовал на черниговскую вотчину на Украине, но вряд ли стремился получить булаву (в чём его обвинял Мазепа), которая с точки зрения карьеры при царском дворе не давала ему особых выгод.

Для Мазепы взаимодействие с Меншиковым имело двоякий аспект, весьма выгодный для гетмана. С одной стороны, контакты с царским фаворитом являлись сами по себе важным каналом неформального взаимодействия с царским правительством, облегчая решение многих важных для Мазепы вопросов. С другой стороны, описываемые Орликом неосторожные выходки светлейшего князя имели значение в рамках отношений гетмана

Ил. 7. «Изображение малороссийского сотника». Рисунок из книги А.И. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках» (М., 1846)

и генеральной старшины. Мазепа, пользуясь этим, мог лишний раз устроить последнюю пугалом «московской тирании», заставив её видеть в гетмане своего единственного защитника от «крутой руки» царя и его приближённых [13].

Накануне шведского вторжения

Подводя итог, следует констатировать, что в 1706–1708 гг. уровень напряжённости в русско-украинских отношениях несколько возрос, хотя определённо не достиг некоей критической массы. По первым просьбам казацкой старшины и Мазепы военная реформа казацких полков была свёрнута. Наиболее трудным для русского правительства шагом был бы отказ от использования гетманских войск в качестве вспомогательных, однако события осени 1708 г. показали, что в царской ставке готовы услышать просьбы Мазепы и пересмотреть планы

использования украинских полков в кампании на Северщине. Остальные проблемы, возникавшие в указанный период в русско-украинских отношениях, и все носили локальный характер.

Вместе с тем, пытаясь выяснить реальные причины побега Мазепы к шведам в конце октября 1708 г., важно принимать во внимание не только те или иные шаги царского правительства, которые гипотетически могли повлиять на гетманский выбор, но и то, как воспринимали их гетман и казацкая верхушка. Действительно, военные реформы, инициированные Мазепой по соглашению с царским правительством, не затрагивали фундаментальных организационных основ Войска Запорожского, а их необходимость была очевидна. Однако украинская старшина рассматривала их как угрозу нарушения казацких «прав и вольностей» (видела, как писал Орлик, в предлагаемых реформах «степень... до устройства в драгуны

Ил. 8. Пушкарь времени гетмана Ивана Мазепы. Художник С.И. Васильковский. 1900 г.

и солдаты» [1, с. 11]) уже просто потому, что это была мера, исходившая, в том числе, и от центральной власти.

Факт недовольства старшины подтверждается и письмами Мазепы к Головкину, а потому сомнению не подлежит. С этой точки зрения любое российское вмешательство, будь то выборы киевского митрополита или назначение стародубского полковника, могло восприниматься как угроза неких системных изменений сложившегося баланса сил в русско-украинских отношениях, даже если за этими шагами не стояло никаких реальных планов царского правительства по ущемлению статуса малороссийской автономии, не говоря уже о её ликвидации (ил. 7, 8).

Что касается рассмотренной выше приказной реорганизации и планов создания Киевской губернии, то говорить о том, какое впечатление они могли произвести на Мазепу и генеральную старшину, вообще преждевременно, поскольку до сих пор не ясно, были ли они в курсе этих шагов. Известное из письма Орлика заявление гетмана, будто царское правительство намеревается «города в свою область отобрать и воевод или губернаторов в них поставить», было сделано в 1706 г., т.е. более чем за год до передачи

«черкасских замков» в Разряд и тем более намного ранее возникновения планов губернской реформы. Тезис этот мог вполне быть отражением традиционных политических фобий казацкой верхушки, а осведомлённость гетмана касательно вышеуказанных мер требует отдельного документального подтверждения, которого в распоряжении историков пока нет.

Таким образом, в основе недовольства гетмана и части казацкой старшины состоянием русско-украинских отношений лежали не столько реальные планы и шаги царской власти, сколько те представления о них, которые формировались у Мазепы, его советников и приближённых, их страхи и пессимистические ожидания, не имевшие именно в такой форме реальной почвы. К этому добавлялись ропот и недовольство казаков участием в тяжёлых военных походах, которые старшинская верхушка также не могла игнорировать. Однако всего этого очевидно не хватало для наступления полномасштабного кризиса в русско-украинских отношениях. Необходим был некий катализатор, которым и стал внешний фактор – поход на Россию Карла XII летом – осенью 1708 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Орлика к Стефану Яворскому // Основа. 1862. № 10. Отд. [IX]: Исторические акты. С. 1–28.
2. Костомаров Н.И. Мазепа // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. Т. 16. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1885.
3. Кочегаров К.О. Спроби реформування військової організації городових полків у 1707–1708 рр. // Українська держава другої половини XVII–XVIII ст.: політика, суспільство, культура Київ, 2014. С. 340–358.
4. Российский государственный архив древних актов. Ф. 124. Оп. 1. 1708 г. Д. 3; Д. За.
5. Труды императорского Русского военно-исторического общества. Т. 1: Документы Северной войны. Полтавский период (июль – октябрь 1708 г.) / Под общ. рук. А.К. Баиова; ред. Н.Л. Юнаков. СПб.: Типолиитография т-ва «Свет», 1909.
6. Кочегаров К.О. Участь козаків Лубенського полку в придушенні Башкирського повстання 1704–1711 рр. // Український історичний журнал. 2010. № 6. С. 18–33.
7. Сокирко О. Козацьке військо під прицілом модернізації // Соціум. Альманах соціальної історії. Київ, 2003. Вип. 2. С. 101–116.

8. Киселёв М.А. Лазарев Я.А. Историографический призрак «украинской дивизии»: к вопросу о российско-украинских отношениях в 1706–1708 годах // Славяноведение. 2013. № 2. С. 41–50.
9. Киселёв М.А. Лазарев Я.А. Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 г. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 31–49.
10. Кочегаров К.А. Издание документов эпохи И.С. Мазепы из архива походной канцелярии А.Д. Меншикова: полемические заметки // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 1. С. 257–275.
11. Кочегаров К.А. Россия, гетман Мазепа и избрание киевским митрополитом Иоасафа Кроковского. 1707–1708 годы // Славяноведение. 2016. № 4. С. 25–40.
12. Кочегаров К.А. Русское правительство и право гетмана И.С. Мазепы назначать казацких полковников Войска Запорожского: казус Ивана Черныша 1707 года // Славяноведение. 2016. № 2. С. 29–40.
13. Кочегаров К.А. Мазепа и Меншиков: человеческие отношения и политическое сотрудничество // Меншиковские чтения – 2015: Материалы Российской научной конференции: Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, 27–28 ноября 2015 г.) / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2015. Вып. 10. С. 68–89.

ENGLISH

Hetman Ivan Mazepa and the Russian Government in 1706–1708: Debates about the Breach Causes

Kirill Aleksandrovich Kochegarov – Cand. Sc. of History, senior researcher of the Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “The Russian-Ukrainian relationships just before the treason of the hetman I. S. Mazepa. 1704–1708” (15-01-00229a).
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

The research describes the latest trends in the study of the complex and ambiguous period of the Russian-Ukrainian relationships before the treason by the hetman Mazepa in the fall of 1708. The historiography features different points of view on the causes and prerequisites of this event. A particular focus is given to those of them, which were somehow linked with the attitude of the Russian government to the hetman Mazepa, the Ukrainian Cossacks and the whole Little Russia. The classic narrative of the genesis of “Mazepa’s treason” is based on a well-known source – the letter written by F. Orlik to the Metropolitan Stefan Yavorsky. The author explores the most crucial reasons of Mazepa’s defect to the Swedish side described in the version taking into account the latest insights into the Russian-Ukrainian relationships in 1704–1708 backed up by the previously unknown archival records. This research, on the one hand, demonstrates the inconsistency of attempts to supplement and develop the ideology of Orlik’s letter with some concepts of “reforms” aimed at destroying the autonomy of Little Russia, on the other, clarifies the real level of conflict in the Russian-Ukrainian relationships, which itself was clearly insufficient for the acute crisis. Therefore, it was triggered by an external factor: the invasion of Russia by Charles XII.

Keywords: Ivan Mazepa, Peter I, Great Northern War, Russian-Ukrainian relationships, Hetmanate

REFERENCES

1. Pis'mo Orlika k Stefanu Yavorskomu // Osnova. 1862. № 10. Otd. [IX]: Istoricheskie akty. S. 1–28 (in Russian).
2. Kostomarov N.I. Mazepa // Kostomarov N.I. Istoricheskie monografii i issledovaniya. T. 16. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1885 (in Russian).
3. Kochegarov K.O. Sprobi reformuvannya viys'kovoï organizatsii gorodovikh polkiv u 1707–1708 rr. // Ukraïns'ka derzhava drugoï polovini XVII–XVIII st.: politika, suspil'stvo, kul'tura Kiïv, 2014. S. 340–358.
4. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov. F. 124. Op. 1. 1708 g. D. 3; D. 3a (in Russian).
5. Trudy imperatorskogo Russkogo voenno-istoricheskogo obshchestva. T. 1: Dokumenty Severnoy voyny. Poltavskiy period (iyul' – oktyabr' 1708 g.) / Pod obshch. ruk. A.K. Baiova; red. N.L. Yunakov. SPb.: Tipolitografiya t-va «Svet», 1909 (in Russian).
6. Kocherarov K.O. Uchast' kozakiv Lubens'kogo polku v pridushenni Bashkirs'kogo povstannya 1704–1711 rr. // Ukraïns'kiy istorichniy zhurnal. 2010. № 6. S. 18–33.
7. Sokirko O. Kozats'ke viys'ko pid pritsilom modernizatsii // Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii. Kiïv, 2003. Vip. 2. C. 101–116.
8. Kiselyov M.A. Lazarev Ya.A. Istoriograficheskiy prizrak «ukrainskoy divizii»: k voprosu o rossiysko-ukrainskikh otnosheniyakh v 1706–1708 godakh // Slavyanovedenie. 2013. № 2. C. 41–50 (in Russian).
9. Kiselyov M.A. Lazarev Ya.A. Voенно-administrativnye preobrazovaniya v «Maloy Rossii» nakanune shvedskogo vtorzheniya 1708 g. // Slavyanovedenie. 2018. № 2. C. 31–49 (in Russian).
10. Kochegarov K.A. Izdanie dokumentov epokhi I.S. Mazepy iz arkhiva pokhodnoy kantselyarii A.D. Menshikova: polemicheskie zametki // Quaestio Rossica. Vol. 5. 2017. № 1. C. 257–275 (in Russian).
11. Kochegarov K.A. Rossiya, getman Mazepa i izbranie kievskim mitropolitom Ioasafa Krovkovskogo. 1707–1708 gody // Slavyanovedenie. 2016. № 4. C. 25–40 (in Russian).
12. Kochegarov K.A. Russkoe pravitel'stvo i pravo getmana I.S. Mazepy naznachat' kazatskikh polkovnikov Voyska Zaporozhskogo: kazus Ivana Chernysha 1707 goda // Slavyanovedenie. 2016. № 2. C. 29–40 (in Russian).
13. Kochegarov K.A. Mazepa i Menshikov: chelovecheskie otnosheniya i politicheskoe sotrudnichestvo // Menshikovskie chteniya – 2015: Materialy Rossiyskoy nauchnoy konferentsii: Beryozovo (Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug – Yugra, 27–28 noyabrya 2015 g.) / Otv. red. P.A. Krotov. SPb., 2015. Vyp. 10. C. 68–89 (in Russian).

УДК 01-115
ГРНТИ 03.23.55

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-26-35

Е.Ю. ЗУБКОВА*

Принудительная «трудотерапия» в СССР: между ГУЛАГом и «большой химией»

В статье представлен процесс трансформации идей и практик социального контроля в СССР 1950-х – 1960-х гг. по отношению к различным категориям населения, маркированным как «лица, ведущие антиобщественный образ жизни» (тунеядцы). Этот процесс нашёл отражение в либерализации уголовного законодательства, практик наказания и изменении отношения к лицам с девиантным поведением. В фокусе исследования находится социальная категория «тунеядец» и дискурс принудительного труда, который переводится в плоскость «трудотерапии» (по отношению к «тунеядцам»). Трансформация норм и практик социального контроля представлена в контексте общественно-политических перемен периода «оттепели», что позволяет поставить более общие вопросы: о качестве и пределах жизнеспособности советской системы, её способности реагировать на вызовы времени, адаптироваться к изменившейся социальной реальности и новым общественным настроениям. Статья основана на комплексе новых архивных источников, а также на материалах советской прессы.

Ключевые слова: Россия/СССР, социальный порядок, социальный контроль, девиантное поведение, тунеядцы, общественность, включение/исключение, принудительный труд

В январе 2017 г. в России начал применяться новый вид уголовного наказания – принудительные работы как альтернатива лишению свободы. Работа над законопроектом велась несколько лет, ещё несколько лет ушло на то, чтобы норма закона вступила в силу. Появление закона о принудительных работах вызвало довольно оживлённую дискуссию в рос-

сийских СМИ. Первое, что приходило журналистам на ум, – аналогии с советским опытом, когда на смену жёстким практиками принудительного труда в сталинском ГУЛАГе пришла так называемая *химия* – привлечение правонарушителей к обязательным работам под контролем, но без лишения свободы. Слово «*химия*» в данном контексте впервые стало использоваться в дис-

* **Зубкова Елена Юрьевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель проекта «Свои» и «чужие» в советском социуме: трансформация норм, практик и институтов социального контроля в 1950-е – 1960-е гг.» (17-01-00442а).
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

сидентских кругах, его происхождение не вполне ясно, но вместе с тем очевидно, что распространение практики принудительных работ как альтернативной меры наказания не случайным образом совпало с бурным развитием в СССР химической промышленности и соответственно со строительством предприятий *большой химии*. На эти стройки и предприятия со сложными и вредными условиями труда и направлялись в первую очередь люди, осуждённые за различные правонарушения — реальные и мнимые. Наибольшее распространение «химия» как вид принудительных работ получила в середине 1960-х и 1970-е гг. До этого времени в течение почти десяти лет в Советском Союзе происходил своего рода поисковый процесс — ревизия концепции и практик принудительного труда сталинского периода [1]. Смысл и вектор этого процесса определяли два контекста — международный и внутренний.

Изменение практик наказания в контексте новых тенденций эпохи «оттепели»

Международный контекст был связан прежде всего с попытками советского руководства во главе с Н.С. Хрущёвым выстроить новый формат отношений с Западом, уйти от конфронтации послевоенных лет, наладить диалог. А диалог, в свою очередь, требовал определённого соответствия западным стандартам, в том числе и в правовой сфере. Одним из первых шагов на этом пути стало присоединение Советского Союза к ряду международных соглашений, в том числе Конвенции № 29 Международной Организации Труда (МОТ) о запрете принудительного труда.

Внутренний контекст корректировки практик наказаний определял процесс десталинизации (либерализации), затронувший принципы организации социального порядка, а также сферу законодательства, где предстояло новые тенденции нормативно закрепить. В процессе либе-

рализации практик социального контроля изменялись критерии стратификации общества, причём в самой главной, базовой для сталинского периода градации — делении общества на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших». Суть этого главного тренда можно кратко обозначить следующим образом: «не наши», «чужие» перекодировались — переводились в категорию «наших», т.е. «своих». Процесс перекодирования коснулся не всех, траектория его развития тоже не была линейной и поступательной. Важно другое: государственная концепция социального порядка, десятилетиями строившаяся на принципе исключения, изоляции и культивирования аутсайдеров, начинает переориентироваться на поиски новых — адаптационных и инклюзивных — социальных стратегий.

В 1958 г. были приняты «Основы уголовного законодательства», предусматривающие гуманизацию этой сферы. В результате уже в следующем году учтённая преступность сокращается на 30,2% [2]. В июне 1961 г. проблема роста преступности — впервые в практике функционирования партийных структур — выносится на обсуждение пленума ЦК КПСС. Ключевым понятием новой линии в борьбе с социальными девиациями, своего рода паролем стало слово «*перевоспитание*». Говоря о перевоспитании, Н.С. Хрущёв, в сущности, не придумал ничего нового: и ГУЛАГ, основу которого составляли так называемые *исправительно-трудовые лагеря*, и «великие стройки коммунизма» — всё это советская идеология представляла как программу «перевоспитания», «перековки» граждан. Новшество хрущёвских времен состояло в том, что смещался фокус «воспитательной работы»: отныне ею должны были заниматься не карательные органы, не суды и прочие государственные институты, а «общественность». Идея «общественного перевоспитания» реализовывалась в конкретных практиках — товарищеских судах, системе коллективной ответственности

Рис. 1. Плакат «Среди вас нет таких?». Худ. Н. Вележева. 1958 г.

(когда правонарушителя брал на поруки коллектив), привлечении в трудовые коллективы так называемых трудных подростков [3].

Политика по вовлечению «общественности» в борьбу с социальными аномалиями нашла отражение в нормативных документах, в практиках разработки законодательства, направленного против «антиобщественных элементов», «паразитов». Логика, казалось бы, была проста: бороться с *антиобщественными* (явлениями, элементами, образом жизни) должна именно *общественность* (рис. 1). Другое дело, что эта идея оказалась ещё одной утопией хрущёвского десятилетия.

От репрессий к «трудотерапии»

Изменяется отношение к преступности и другим разновидностям девиантного поведения: они рассматриваются

как своего рода болезнь, которую необходимо лечить. В конце 1950-х гг. слово *лечение* станет одним из главных понятий в дискурсе социальных аномалий наряду с другими, более знакомыми — *исправление* и *перевоспитание*. Раньше в качестве главного «воспитательного» средства выступал *труд* — добровольный или принудительный, теперь труд выступает и в роли универсального «лекарства». Таким образом, концепт принудительного труда переводится в плоскость *трудотерапии*. На первый взгляд, дискуссии 1950-х – 1960-х гг. о «перевоспитании преступника трудом» ничего, кроме скепсиса, вызвать не могут. Во-первых, они не так далеко ушли от пропагандистских упражнений сталинских времён о «перековке» и «переплавке». Во-вторых, идею воспитания трудом не Сталин придумал. Всё это очень напоминало класси-

ческую утопию, и утопией, по сути, было. Не случайно идея воспитания трудом нашла своё отражение в главном утопическом документе советского времени — Программе КПСС 1961 г. (рис. 2).

Вместе с тем в дискурсе и практиках наказания хрущёвской эпохи присутствовал один важный нюанс: принудительные работы рассматривались и применялись как мера наказания, не связанная с лишением свободы, хотя и предусматривалось существенное её ограничение. Либерализация практик наказания за отдельные правонарушения была связана также с целевым контингентом принудительной «трудотерапии». Назывался этот контингент по-разному: *антиобщественные элементы, лица, ведущие паразитический образ жизни («паразиты»), тунеядцы*.

Содержательные границы этих категорий отличались нечёткостью и подвижностью: они то сужались до конкретных представителей социального андеграунда (например, нищих и бродяг), то приобретали совершенно расплывчатые очертания, маркируя как антиобщественное

любое поведение, не вписывающееся по тем или иным критериям в советский канон. Каноном считался *общественно полезный труд* — категория тоже весьма нечёткая и конъюнктурная, кроме одного неперемного условия: общественно полезным считался только труд на государство, все остальные виды занятости или их отсутствие должны были восприниматься как отклонение от нормы. Поэтому к разряду *паразитов* и *тунеядцев* причислялись деятели теневого сектора экономики, люди, сдающие квартиры внаём, свободные художники и литераторы, молодые бездельники и др.

Разработка закона против «тунеядцев» и общественный резонанс

Среди нормативных документов, так или иначе связанных с кампанией против *тунеядцев*, наибольшую известность приобрёл указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический об-

Рис. 2. Плакат «Программа построения коммунизма». Худ. Н. Смолин. 1961 г.

раз жизни». Разработка закона против «антиобщественных элементов» («тунеядцев») заняла почти семь лет, в результате его окончательный вариант существенно отличался от первоначального замысла [4]. Проект закона был опубликован в газете «Советская Россия» 21 августа 1957 г. [5].

Публикация проекта вызвала довольно большой общественный резонанс. Многие его положения были подвергнуты критике, прежде всего со стороны юристов. Против принятия закона в предложенной редакции выступило Министерство иностранных дел СССР. Заместитель министра Н.С.Патоличев обратил внимание на то, что одно из основных положений проекта закона (об *обязательном* привлечении осуждённых к труду по месту ссылки) противоречит нормам международного права, отражённым в Конвенции Международной Организации Труда № 29 [6]. Однако предложения МИДа по внесению изменений в проект закона не были приняты, кроме одного: из текста было исключено слово «*обязательный*» применительно к труду осуждённых [7].

Вместе с разработкой закона против «паразитов общества» дискурс «паразит» выводится в публичную сферу: в августе 1960 г. в прессе стартует масштабная кампания под лозунгом «*Кто не работает, тот не ест*». Началась кампания с «теоретической конференции» (!?) партийной организации прессы корпуса Московского автозавода им. Лихачёва. Её организаторы решили прикрыться авторитетом рабочего класса, который в отличие от сомневающихся юристов и «теоретиков» дал своё определение, кого считать тунеядцем. Как и следовало ожидать, рабочий класс не подвёл: виртуальная *скамейка тунеядцев* оказалась весьма широкой — от пьяниц и хулиганов до «расхитителей социалистической собственности». Отчёт о конференции был напечатан в «Правде» [8].

Публикация вызвала «цепную реакцию» откликов: на предприятиях, в учреждении

ях стали искать и осуждать своих «тунеядцев». Типовое содержание этих откликов, регулярно появлявшихся в «Правде», свидетельствовало об организованном характере кампании по демонстрации «общественной поддержки». Фактор включения в процесс общественности подкреплялся и формой откликов, среди которых преобладали коллективные письма. «Пусть тунеядцы трепещут перед силой общественности», — предупреждали рабочие Новгородского завода электрооборудования [9]. Ту же тему развивали рабочие нефтеперерабатывающего завода Баку: «Нужно дать больше прав коллективам трудящихся. Суд дружеский и суровый — лучшее средство борьбы с теми, кто не хочет по-настоящему трудиться» [Там же].

Кампания проходила с общесоюзным размахом: на публикацию в «Правде» откликнулись другие газеты — от центральных до районных. Рефреном статей на ставшую столь злободневной тему коллективных и индивидуальных писем стал призыв: «Надо заставить тунеядцев работать» [10].

Однако одними публикациями и устными угрозами в адрес граждан, заподозренных в уклонении от труда на благо общества, дело не ограничилось. Уже в сентябре по стране прокатилась волна показательных общественных судов над «тунеядцами». В качестве обвиняемых на этих судах выступали главным образом молодые люди, занимающиеся фарцией (перепродажей дефицитных вещей, как правило, зарубежного производства) или просто «праздношатающиеся».

Первый показательный суд прошёл 2 сентября 1960 г. в Ленинграде, на заводе «Красный выборжец». Судили молодого человека, Виктора Богданова. Специальный репортаж об этом событии появился в «Комсомольской правде» [11]. Общественный суд в Ленинграде вынес решение о высылении обвиняемого из города. Так был создан прецедент, который потом активно заимствовали аналогич-

ные «суды над тунеядцами» в других городах. С точки зрения нормы эти общественные приговоры были абсолютно незаконными — по крайней мере, на территории РСФСР, поскольку соответствующий закон в республике на тот момент так и не был принят.

Помимо показательных судов в ходе кампании проводились комсомольские рейды по отлову тунеядцев, превентивные беседы в райкомах партии и комсомола. В Грузии комсомольцы даже составили специальную «картотеку лоботрясов». Практически все печатные издания — центральные и региональные — так или иначе включились в процесс обсуждения проблемы тунеядства. Подводя первые итоги кампании, редакция «Правды» заключала: «Советские люди, ведущие беспощадную борьбу с тунеядством, твёрдо уверены, что этот отвратительный пережиток прошлого будет уничтожен» [12].

В публичном дискурсе тунеядства для идентификации этого явления и описания методов борьбы с ним активно использовалась не политическая или социальная, а скорее естественно-научная лексика — язык биологии, ботаники, медицины. Тунеядцев называли паразитами в биологическом смысле этого слова — *клещами*, *сорняками*, а тунеядство — болезнью на здоровом теле общества [13] (рис. 3).

В ходе этой кампании впервые в публичное пространство вбрасывается идея «принудительной трудотерапии». Газеты призывают «принудительно лечить бездельников трудом», провести «немедленное хирургическое вмешательство», «выписать рецепт на самое действенное лекарство — общественно-полезный труд» [14]. В качестве «лечебных» учреждений предлагалось организовать специальные трудовые колонии для тунеядцев, отправлять их на стройки, где формиро-

Рис. 3. Б. Тимофеев. Сорняки (фельетон). Худ. Н. Семёнов (Правда. 1960. 18 октября)

вать из них специальные «бригады бездельников», делать соответствующую отметку в паспорте и т.д. [15]. Когда спустя несколько месяцев, 4 мая 1961 г., обсуждаемый проект в РСФСР стал законом, общественное мнение было к этому событию соответствующим образом подготовлено.

Реализация указа 1961 г.: пределы эффективности

Таким образом, долгая история разработки закона против «паразитов» наконец завершилась. Однако вопросы, которые были предметом дискуссий на стадии разработки законопроекта, остались и в полной мере заявили о себе в практиках исполнения вступившего в силу закона. Главная проблема, как и прежде, заключалась в нечёткости критериев отнесения тех или иных людей к «паразитам» (правда, теперь в ходу было иное слово – «тунеядцы»). Принципы маркирования были

настолько размытыми, что ставили в тупик не только обычных граждан, но и сотрудников милиции. Граждане (т.е. «общественность»), которых теперь, согласно новым веяниям, приглашали принять активное участие в процессе выявления «паразитов» и «тунеядцев», забрасывали советские и партийные органы письмами. В них они просили и требовали объяснить – кто есть паразит, а кто нет [16].

Непонимание «буквы» закона сотрудниками милиции обходилось дороже: оно вело к злоупотреблениям и нарушению гражданских прав. Первые же месяцы применения указа о «паразитах» выявили многочисленные нарушения, допущенные со стороны органов милиции. Как свидетельствовали материалы проверки исполнения указа, «многие работники административных органов не учитывают того, что основной целью указа является приобщение лиц, ведущих паразитический образ жизни, к труду», и применяют штрафные санкции «формально и поспешно». В результате – следовал вывод – указ о «паразитах» применяется к лицам, «которые по сути таковыми не являются» [17].

К началу августа 1961 г. – за три месяца применения указа – всего по РСФСР были направлены в суды и на рассмотрение «общественности» дела о выселении на 7810 чел. Решение о выселении было принято в отношении 5664 чел.: из них 5358 чел. выселены по постановлению судов и только 306 чел. – по общественному приговору [18]. Всего за год применения указа по РСФСР за «злостное тунеядство» выселили 20 938 чел. [19] (рис. 4).

Как свидетельствует статистика, общественность, т.е. обычные граждане, включилась в процесс вяло, подавляющее большинство приговоров о выселении (95%) выносилось не общественными судами, а «народными судами», которые, несмотря на созвучность названия, в отличие от первых являлись официальными государственными судебными органами. Суды, со своей стороны, достаточно диф-

Рис. 4. Плакат «Вон дармоедов с тёпленьких мест...». Худ. О. Масляков, Е. Цвик. 1961 г.

ференцированно подходили к личности и проступкам обвиняемого и выносили решение о выселении и принудительных работах не в отношении граждан, занятых теневым бизнесом, а в отношении хулиганов и алкоголиков, досаждающих своим асоциальным поведением окружающим. В результате в местах поселения скапливался соответствующий маргинальный контингент, методам «трудотерапии» часто просто не поддающийся. Руководители предприятий в районах выселения отказывались принимать таких людей на работу, рассматривая их в качестве балласта [20].

Уже спустя несколько месяцев после вступления в силу указ 1961 г. по отношению к социальным маргиналам практически перестал применяться. Но ему нашли другое назначение — стали использо-

вать как средство борьбы с инакомыслием в обществе, когда к категории тунеядцев причислялись люди, по тем или иным причинам считавшиеся политически неблагонадёжными. В конце 1960-х гг. понятие «трудотерапия» в качестве идеологического камуфляжа принудительных работ в системе наказаний постепенно выходит из официального употребления. В разговорной лексике ему на смену приходит другое слово — «химия». На юридическом языке, согласно уголовному кодексу Российской Федерации 1960 г., так назывались «исправительные работы без лишения свободы». В начале 1990-х гг. практика принудительных работ как вид наказания в России была отменена. Однако о «трудотерапии» и «химии» советских времён неожиданно, но не случайно снова вспомнили — уже в современном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степашин В.М. Проблемы применения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45). С. 156–161; Kott S., Golb J. The forced labor issue between human and social rights, 1947–1957 // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development. 2012. № 3. P. 321–335.
2. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ. М.: Норма, 1999. С. 63.
3. Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48. № 3. P. 403–425; Жидкова Е. Практики разрешения семейных конфликтов в 1950–60-е годы: обращения граждан в общественные организации и партийные ячейки // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 266–289.
4. Фицпатрик Ш. «Паразиты общества»: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика. Сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: Вариант, 2008. С. 219–254; Зубкова Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е годы // Российская история. 2009. № 5. С. 101–118.
5. Проект Закона «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» // Советская Россия. 1957. 21 августа.
6. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 32. Д. 6416. Л. 71–73.
7. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 911. Л. 3.
8. Кто не работает, тот не ест — великий принцип социализма // Правда. 1960. 24 августа.
9. Кто не работает, тот не ест. Отклики читателей // Правда. 1960. 28 августа.
10. Тунеядцы // Правда. 1960. 26 августа.
11. Преловская И., Скрыпник А. Позор тунеядцам! Рабочие «Красного выборжца» судят бездельника и спекулянта // Комсомольская правда. 1960. 4 сентября.
12. Трудиться обязан каждый. Обзор писем // Правда. 1960. 18 октября.

13. Тимофеев Б. Сорняки // Правда. 1960. 18 октября; Для тунеядцев – жёсткие условия // Комсомольская правда. 1960. 6 сентября.
14. Комсомольцы ударной строки предлагают: принудительно лечить бездельников трудом // Комсомольская правда. 1960. 6 сентября; Бабаев М. «Частное» или нечестное? Заметки народного судьи // Комсомольская правда. 1960. 29 октября.
15. Закон нашей жизни: «Кто не работает – тот не ест» // Комсомольская правда. 1960. 28 августа; Очистим наше общество от тунеядцев! // Комсомольская правда. 1960. 3 сентября; Тунеядцев – на суд общества // Там же. 1960. 17 сентября.
16. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 373. Л.29–31
17. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 293. Л. 36.
18. РГАНИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 293. Л. 34–41.
19. Об особенностях применения указа в разных регионах см.: Крушанова Л.А. Закон о «тунеядцах» 1961 г. и его реализация на Дальнем Востоке // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 122–128; Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): Юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 212–229.
20. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 217. Л. 123–130.

ENGLISH

Forced “Occupational Therapy” in the USSR: between the Gulag and “Big Chemistry”

Elena Yuryevna Zubkova – Dr. Sc. of History, chief researcher of the Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Insiders” and “Outsiders” in the Soviet society: the transformation of norms, practices and institutions of social control in the 1950s-1960s” 17-01-00442a).
E-mail: elena.zubkova@mail.ru

The paper focuses on the process of transformation of ideas and practices of social control in the USSR in the 1950s-1960s in relation to various categories of people named as “persons with an antisocial way of living” (lazy freeloaders). This process was reflected in the liberalization of the criminal law and punishment practices, as well as in the changing attitudes towards people with deviant behavior. The study focuses on the social category of “lazy freeloaders” and the discourse of forced labor construed as “occupational therapy” (when applied to “lazy freeloaders”). The transformation of social control norms and practices is described in the context of socio-political changes during the “thaw” period helping to raise questions that are more general: quality and limits of the Soviet system’s viability, its ability to face the challenges of time, adapt to changing social realities and new public sentiments. The paper is based on some new archival sources, as well as on the materials of the Soviet press.

Keywords: Russia/USSR, social order, social control, deviant behavior, lazy freeloaders, the public, inclusion/exclusion, forced labor

REFERENCES

1. Stepashin V.M. Problemy primeneniya prinuditel'nykh rabot // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2015. № 4 (45). S. 156–161 (in Russian); Kott S., Golb J. The forced labor issue between human and social rights, 1947–1957 // Humanity: An International Journal of Human Rights, Humanitarianism, and Development. 2012. № 3. P. 321–335.
2. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossiyskie tendentsii. Mirovoy kriminologicheskiy analiz. M.: Norma, 1999. S. 63 (in Russian).
3. Gorlizki Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades' Courts in Retrospect // The American Journal of Comparative Law. 1998. 48. № 3. P. 403–425; Zhidkova E. Praktiki razresheniya semeynykh konfliktov v 1950–60-e gody: obrashcheniya grazhdan v obshchestvennye organizatsii i partiynye yacheyki // Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985. M.: Variant, 2008. S. 266–289 (in Russian).
4. Fitspatrik Sh. «Parazity obshchestva»: kak brodyagi, molodye bezdel'niki i chastnye predprinimateli meshali kommunizmu v SSSR // Sovetskaya sotsial'naya politika. Stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985. M.: Variant, 2008. S. 219–254; Zubkova E.Yu. Na «krayu» sovetskogo obshchestva. Marginal'nye gruppy naseleniya i gosudarstvennaya politika. 1940–1960-e gody // Rossiyskaya istoriya. 2009. № 5. S. 101–118 (in Russian).
5. Proekt Zakona «Ob usilenii bor'by s antiobshchestvennymi, paraziticheskimi elementami» // Sovetskaya Rossiya. 1957. 21 avgusta (in Russian).
6. GARF. F. 8131. Op. 32. D. 6416. L. 71–73 (in Russian).
7. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 911. L. 3 (in Russian).
8. Kto ne rabotaet, tot ne est – velikiy printsip sotsializma // Pravda. 1960. 24 avgusta (in Russian).
9. Kto ne rabotaet, tot ne est. Otkliki chitateley // Pravda. 1960. 28 avgusta (in Russian).
10. Tuneyadtsy // Pravda. 1960. 26 avgusta (in Russian).
11. Prelovskaya I., Skrypnik A. Pozor tuneyadtsam! Rabochie «Krasnogo vyborzhtsa» sudyat bezdel'nika i spekulyanta // Komsomol'skaya pravda. 1960. 4 sentyabrya (in Russian).
12. Trudit'sya obyazan kazhdyy. Obzor pisem // Pravda. 1960. 18 oktyabrya (in Russian).
13. Timofeev B. Sornyaki // Pravda. 1960. 18 oktyabrya; Dlya tuneyadtsev – zhyostkie usloviya // Komsomol'skaya pravda. 1960. 6 sentyabrya (in Russian).
14. Komsomol'tsy udarnoy stroki predlagayut: prinuditel'no lechit' bezdel'nikov trudom // Komsomol'skaya pravda. 1960. 6 sentyabrya; Babaev M. «Chastnoe» ili nechestnoe? Zametki narodnogo sud'i // Komsomol'skaya pravda. 1960. 29 oktyabrya (in Russian).
15. Zakon nashey zhizni: «Kto ne rabotaet – tot ne est» // Komsomol'skaya pravda. 1960. 28 avgusta; Ochistim nashe obshchestvo ot tuneyadtsev! // Komsomol'skaya pravda. 1960. 3 sentyabrya; Tuneyadtsev – na sud obshchestva // Tam zhe. 1960. 17 sentyabrya (in Russian).
16. RGANI. F. 5. Op. 30. D. 373. L.29–31 (in Russian).
17. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 293. L. 36 (in Russian).
18. RGANI. F. 13. Op. 1. D. 293. L. 34–41 (in Russian).
19. Ob osobennostyakh primeneniya ukaza v raznykh regionakh sm.: Krushanova L.A. Zakon o «tuneyadtsakh» 1961 g. i ego realizatsiya na Dal'nem Vostoke // Sovetskiy Dal'niy Vostok v stalinskuyu i poststalinskuyu epokhi. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2014. S. 122–128; Lastovka T. Tuneyadstvo v SSSR (1961–1991): Yuridicheskaya teoriya i sotsial'naya praktika // Antropologicheskiy forum. 2011. № 14. S. 212–229 (in Russian).
20. RGANI. F. 5. Op. 33. D. 217. L. 123–130 (in Russian).

ЭКОНОМИКА

УДК 338.2

ГРНТИ 06.58

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-36-44

**Е.М. АВРААМОВА,
Д.М. ЛОГИНОВ***

Адаптационное поведение населения как фактор социального развития

В статье изложены основные подходы к исследованию социального развития; показано, что адаптационные стратегии населения могут выступать в качестве фактора социального развития в условиях замедленного экономического роста. Исследованы адаптационные ресурсы населения, количественно оценены группы населения с низким, средним и высоким адаптационным потенциалом; описан социально-демографический состав соответствующих групп.

Рассмотрены наиболее распространённые адаптационные стратегии населения, основанные на различной комбинации имеющихся в его распоряжении социально-экономических ресурсов развития, в том числе: трудовые и финансовые стратегии, инвестиции в человеческий капитал, занятость в личном подсобном хозяйстве. Изучена связь реализуемых стратегий с динамикой благосостояния групп населения. Построена типология адаптационного поведения. Показано, что низкий ресурсный потенциал большинства населения препятствует формированию и реализации эффективных форм адаптации.

Ключевые слова: адаптационное поведение, социальное развитие, ресурсы развития, социально-экономическое неравенство, человеческий капитал, социально-экономическая дифференциация

Постановка проблемы

Изменение макроэкономических параметров актуализирует проблему адаптации различных слоев и групп населения

к новым условиям. С необходимостью население будет формировать и осваивать модели социально-экономического поведения, адекватные требованиям изменяю-

* **Аврамова Елена Михайловна** — доктор экономических наук, заведующая лабораторией Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), руководитель проекта «Социальные факторы экономического неравенства» (15-02-00196а).
E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Логинов Дмитрий Михайлович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования (РАНХиГС), исполнитель того же проекта.
E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

щейся внешней среды. Важно, чтобы соответствующие модели носили конструктивный, а не архаичный характер и основывались на развитии человеческого капитала.

Перспективы и барьеры социального развития рассматриваются в рамках различных научных школ и направлений. Фундаментальные проблемы, связанные с институциональными барьерами социального развития, наиболее полно рассмотрены в работах В.М.Полтеровича [1, 2] и представителей его школы. Важные особенности институционального развития описаны в работах В.А.Мау [3, 4]. Другое направление, связанное с исследованием социальных ресурсов, способствующих развитию на индивидуальном и групповом уровнях, развивает целая группа учёных, ведущих исследования в рамках так называемого ресурсного подхода. Здесь можно выделить труды Н.Е.Тихоновой [5] и её сотрудников. Отметим, что ресурсный подход вытекает из работ А.Сена [6], рассматривающего ресурсы как возможности изменений моделей социально-экономического поведения. Социальный капитал, представляющий собой, согласно А.Бурдье [7], особый социальный ресурс, также достаточно плодотворно исследуют многие авторы, рассматривающие различные аспекты этой категории. Из относительно недавних работ наиболее интересными представляются публикации Р.Флориды [8], Р.Инглхарта и К.Вельцеля [9]. Ещё одно важное направление изучения проблем социального развития связано с исследованиями в области социальной стратификации. Множество подходов к выделению страт в настоящее время слилось в единое направление, в рамках которого в основе статусных демаркаций лежит не один, а несколько признаков, образующих идентификационное пространство для отдельных слоёв населения. Это направление начало формироваться в работах Э.Гидденса [10], затем было развито Т.И.Заславской [11] и рядом других авторов [12–14], исследующих динамику развития стратифи-

кционных групп. Наконец, важнейшее направление исследований социального развития связано с разработкой концепта человеческого капитала. Прежде всего это труды классика в этой области Г.Бэкера [15, 16], а также работы отечественных и зарубежных учёных, достаточно глубоко разработавших это направление как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях.

Стратегии экономического поведения населения в непростых внешних условиях имеют адаптационную направленность, поскольку их целью является сохранение, если не повышение, достигнутого уровня благосостояния. Построение индивидуальных и групповых адаптационных стратегий происходит на основе понимания индивидом или группой сущности происходящих в обществе изменений, их внутреннего принятия или неприятия, что в значительной степени связано с успешностью социально-экономической адаптации к вновь формирующейся институциональной среде. В начале 2000-х гг., когда российская социально-экономическая система обрела устойчивость и сложились эффективные паттерны трудового и социального поведения, исследования в области адаптации прекратились как утратившие актуальность, но в современных условиях они обретают новый смысл.

В рамках настоящего исследования социально-экономическую адаптацию мы понимаем как формирование моделей поведения, отвечающих внешним вызовам. Представляется, что надёжной теоретической основой исследования адаптационного поведения в такой интерпретации может стать теория рационального выбора [17–20], в соответствии с которой индивиды преследуют цель максимизации своего благосостояния в условиях существующих структурных ограничений. Социологический подход, в отличие от чисто экономического, в рамках которого математически рассчитывается функция полезности произведённого действия, больше внимания уделяет

эмпирическому анализу данных на основе исходных предположений о рациональном выборе, совершаемом акторами. Возможности подобного рационального выбора особенно расширяются в периоды резких социально-экономических и политических переходов, когда прежние модели поведения утрачивают свою эффективность. В такие периоды индивиды и домохозяйства становятся акторами, стремящимися действовать рационально, т.е., по формулировке Т.Пирирайнена [21], стремятся получить доступ к максимальному количеству жизненных шансов при одновременной минимизации затрат и риска.

Теория рационального выбора удачно дополняется ресурсным подходом к исследованию моделей поведения [22–24], поскольку, с одной стороны, в центр внимания помещаются разнообразие и степень развитости монетарных и немонетарных ресурсов, которые могут быть использованы при формировании адаптационных практик, а с другой — рассматривается вопрос востребованности тех или иных ресурсов внешней средой. В этом смысле формы адаптации находятся в зависимости от количества и качества ресурсов, которыми располагают акторы.

При исследовании адаптационных стратегий населения мы использовали данные мониторинга «Социальное самочувствие населения», реализуемого ИНСАП РАНХиГС в виде восьми волн репрезентативных опросов населения ежегодно с выборкой, насчитывающей 1600 респондентов.

Оценка адаптационного потенциала населения

Анализ адаптационного поведения связан с оценкой адаптационного потенциала населения, складывающегося из совокупности монетарных и немонетарных ресурсов, которые могли быть задействованы при реализации соответствующих практик:

- текущие доходы и сбережения;

- недвижимость в виде второго жилья;
- уровень образования и профессиональный статус;
- социальный капитал.

Балльная оценка адаптационных ресурсов (каждый из ресурсов оценён по шкале с максимальным значением, равным трём баллам) позволила реализовать группировку адаптационного потенциала населения:

- низкий адаптационный потенциал (до 7 баллов) — 39,2%;
- средний адаптационный потенциал (8–9 баллов) — 40,4%;
- высокий адаптационный потенциал (10 и более баллов) — 20,4%.

Группы с различным адаптационным потенциалом дифференцированы по гендерному, возрастному, образовательному и территориальному признакам.

Группа с высоким адаптационным потенциалом равно наполнена с точки зрения гендерного представительства. При этом минимальный потенциал адаптации в большей степени характеризует женщин (60%).

Средний возраст представителей группы с низким адаптационным потенциалом составляет 49 лет (медианный — 50 лет). Возрастные характеристики снижаются в более ресурсообеспеченных слоях населения, достигая среднего возраста 42 года (медианный — 39) в наиболее благополучных. При этом доля населения с высоким адаптационным потенциалом максимальна в возрастной когорте 36–40-летних.

Высокий адаптационный потенциал наиболее типичен для крупных городов. Ресурсы жителей других типов поселений заметно скромнее; при этом треть населения с низкими адаптационными возможностями сосредоточена в сельской местности.

Важной дифференцирующей характеристикой адаптационных возможностей населения выступает уровень образования. «Пороговым» значением является среднее профессиональное образование: при достижении этого уровня образования низкий адаптационный потенциал перестаёт

быть нормой, закрывающей многие пути эффективной социально-экономической адаптации. Почти две трети представителей группы с высоким адаптационным потенциалом имеют высшее образование.

Суженный адаптационный потенциал существенно ограничивает возможности стабильной занятости. В группе с низкими ресурсными возможностями работу имеют лишь 40%. С ростом адаптационного потенциала доля занятых существенно увеличивается, достигая 74% в наиболее ресурсообеспеченных слоях населения.

Анализ субъективных оценок динамики материального положения свидетельствует о том, что наличие монетарных и немонетарных адаптационных ресурсов позволило сгладить негативные последствия макроэкономического неблагополучия последних лет. За годы кризиса, проявившегося начиная с 2014–2015 гг., более половины населения с низким адаптационным потенциалом ощутило существенное ухудшение собственного материального положения, тогда как в наиболее ресурсообеспеченной группе доля таких оценок не превысила 30%.

Стратегии современного адаптационного поведения

Первой реакцией населения на кризисные явления в экономике стало сокращение расходов на товары и услуги, вплоть

до отказа от некоторых из них, причём в режим экономии включилось абсолютное большинство россиян, независимо от материального и социального статуса. Эта тенденция продолжилась и после острой фазы кризиса (табл. 1).

Второй стратегией стала активизация использования личного подсобного хозяйства (ЛПХ) — наиболее традиционная форма реакции на кризисные явления в экономике, которую стало использовать около 30% населения. Эта стратегия наиболее явно проявилась в сельской местности и небольших городах, однако возможности подсобного хозяйства, пусть и в меньшей степени, активизировали и жители мегаполисов.

Постепенно начали складываться и приобретать массовость другие формы адаптационного поведения. Агрегировав различные способы адаптации, которые проявились в дополнение к стратегии экономии, можно выделить формы адаптационного поведения, нашедшие распространение к концу 2017 г. (табл. 2).

Типологизация активных способов адаптации, в которых задействован человеческий капитал, иллюстрирует следующую распространённость подобных усилий:

- активизация стратегий в финансовой сфере — 21,7%;
- активизация стратегий на рынке труда — 19,2%;

Таблица 1

Доля респондентов, подверженных актуальным или потенциальным рискам в сфере потребления, по субъективной оценке; ноябрь 2017 г.

Риски в сфере потребления	Число респондентов, % от ранее потреблявших соответствующие услуги
Приобретение относительно дорогих продуктов питания, предметов одежды и обуви	70,7
Поддержание здоровья (покупка лекарств и/или приобретение медицинских услуг)	57,3
Развитие образовательного потенциала (приобретение услуг основного и/или дополнительного образования)	51,7
Рекреационные услуги (расходы на отдых и/или проведение отпуска)	74,4

Таблица 2

**Адаптационное поведение; ноябрь 2017 г.
(допускалось несколько вариантов)**

Типы адаптационного поведения	Виды адаптационного поведения	Формы адаптационного поведения	Доля респондентов, %
Активная адаптация	Активизация финансовых стратегий	Покупка валюты	7,6
		Покупка ценных бумаг	1,6
		Формирование сбережений	17,6
	Активизация трудовых стратегий	Нахождение второй работы	5,6
		Нахождение разовых приработков	13,1
		Нахождение регулярных приработков	8,2
	Вложения в человеческий капитал	Вложения в образование	5,7
Вложения в здоровье		24,6	
Пассивная адаптация	Активизация ЛПХ	Увеличение активности работы на приусадебном участке, подсобном хозяйстве	28,3

- активизация инвестиций в человеческий капитал – 26,4%.

Использование различных адаптационных стратегий дифференцировано по образовательным, возрастным и поселенческим группам населения.

Уровень образования оказывает существенное влияние на мотивации и возможности реализации активных адаптационных стратегий: чем он выше, тем чаще отмечаются активные виды адаптационного поведения. Высшее образование выступает фактором, критично расширяющим адаптационные возможности, увеличивая распространённость вложений в человеческий капитал в 1,5 раза, а активизацию финансовых стратегий – более чем вдвое, по сравнению с группой минимального образовательного уровня.

Различным является адаптационное поведение трёх укрупнённых возрастных групп. Для молодёжи в большей мере характерна активность в финансовой сфере и вложения в человеческий капитал за счёт потребления образовательных услуг; для среднего поколения – использование трудовых стратегий и ЛПХ, а для старших возрастов – ЛПХ и вложения

в человеческий капитал за счёт потребления медицинских услуг.

Проживание в городских населённых пунктах, особенно крупных, предоставляет значимо большие возможности для активной адаптации (табл. 3).

Полученные данные позволяют составить следующую классификацию адаптационного поведения:

- отсутствие адаптационного поведения вследствие сохранения уровня доходов в ситуации экономического кризиса – 32,1%;
- отсутствие адаптационного поведения за неимением адаптационных ресурсов – 26,9%;
- активное адаптационное поведение (одного или нескольких видов) – 19,6%;
- активное адаптационное поведение, дополненное использованием ЛПХ, – 13,6%;
- активизация ЛПХ без других видов адаптационного поведения – 7,8%.

В целом отсутствие адаптационного поведения характерно для двух противоположных групп населения – для тех, кто не имел никаких адаптационных ресурсов или имел их в минимальной степени,

Таблица 3

**Адаптационное поведение, по типам поселений;
ноябрь 2017 г. (допускалось несколько вариантов)**

Тип поселений	Виды адаптационного поведения, %			
	Финансовые стратегии	Трудовые стратегии	Вложения в человеческий капитал	Активизация ЛПХ
Города с населением 500 тыс. чел. и более	32,3	23,8	34,2	26,2
Города с населением до 500 тыс. чел.	18,8	16,5	25,2	24,3
Сельские поселения	13,1	17,5	18,5	37,8

Таблица 4

**Ожидаемая динамика материальной обеспеченности,
в зависимости от адаптационных усилий; ноябрь 2017 г.**

Адаптационные усилия	Ожидаемая динамика материальной обеспеченности, % по строке			
	Улучшение	Стабильность	Ухудшение	Затруднились ответить
Отсутствие адаптационного поведения вследствие сохранения уровня доходов	20,7	68,4	4,3	6,6
Отсутствие адаптационного поведения вследствие отсутствия адаптационных ресурсов	5,5	53,4	29,6	11,5
Активное адаптационное поведение	16,8	47,4	24,4	11,4
Активное адаптационное поведение, дополненное развитием ЛПХ	12,8	47,3	33,9	6,0
Активизация ЛПХ без других видов адаптационного поведения	2,4	48,4	36,5	12,7

и для тех, кого кризис практически не затронул.

Несмотря на явные признаки стабилизации экономической ситуации в стране, большинство населения не питает надежд на улучшение собственного финансового положения: доля положительных ответов составляет лишь 13%. Большинство же опрошенных (55%) предполагают, что их материальный достаток расти не будет. При этом адаптационные усилия увеличивают шансы на повышение уровня материального благосостояния (табл. 4).

Основные выводы

Активные стратегии адаптации прежде всего требуют использования разнообразных ресурсов, но эти ресурсы ограничены. Высоким ресурсным потенциалом, позволяющим выстраивать разнообразные адаптационные стратегии, обладает лишь пятая часть населения, в то время как низкий ресурсный потенциал характеризует вдвое большую численность населения.

Для представителей группы с низким ресурсным потенциалом основной стратегией адаптации стало, помимо сокраще-

ния расходов, использование ЛПХ — архаичной формы экономического поведения, не требующей реализации человеческого капитала. Активные формы адаптации, связанные с реализацией различных ресурсов,

характеризуют поведение лишь трети населения. Таким образом, обществу ещё предстоит сформировать массовые конструктивные адаптационные стратегии, способные повлиять на социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Журнал новой экономической ассоциации. 2017. № 3 (35). С. 198
2. Полтерович В.М. Институциональный эксперимент // Экономическая наука современной России. 2013. № 3. С. 14.
3. Мау В.А. На исходе глобального кризиса: экономические задачи 2017–2019 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 3. С. 5.
4. Идрисов Г.И., Мау В.А., Божечкова А.В. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5.
5. Тихонова Н.Е. Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 5.
6. Sen A. Social Justice and Distribution of Income. In Handbook of Income Distribution / Atkinson A.B. & Bourguignon F. (ed.), 2000, Ed. 1, Vol. 1, Chap. 1, P. 59.
7. Бурдье П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
8. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.
9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
10. Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
11. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.
12. Козырева П.М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2004 – 320 с.
13. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.
14. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект. Новосибирск, 2002.
15. Becker G.S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. No. 101(3), P. 385.
16. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2003.
17. Berk R.A. The New Home Economics: An agenda for sociological research. In Women and Household Labor. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
18. Berk S.F., Berk R.A. Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics. In Annual Review of Sociology. Vol. 9, Palo Alto, California: Annual Reviews Inc., 1983.
19. Coleman J.S. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // The American Journal of Sociology. 1986. May, Vol. 91. No. 6. P. 1309.
20. England P., Farkas G. Households, Employment, and Gender. New York: Aldine, 1986.
21. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997.
22. Аврамова Е.А., Логинов Д.Л. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3. С. 13.

23. Авраамова Е.М. Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития. М.: Дело, 2018.
24. Тихонова Н.Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 23.

ENGLISH

People's adaptive behavior as a social development factor

Elena Mikhailovna Avraamova – Dr. Sc. of Economics, lab head of the Institute for Social Analysis and Forecasting, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, supervisor of the project “Social factors of economic disparity” (15-02-00196a).

E-mail: avraamova-em@ranepa.ru

Dmitry Mikhailovich Loginov – Cand. Sc. of Economics, senior researcher of the Institute for Social Analysis and Forecasting, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, researcher in the same project.

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

The paper outlines the core approaches to the study of social development; it shows that people's adaptation strategies can be a factor of social development amidst the sluggish economic growth. It reviews the adaptation resources of the population, quantitatively classifies people by low, medium and high adaptive potential; describes the socio-demographic composition of the respective groups.

The research provides insights into the most widespread adaptation strategies of the population based on a different combination of available social and economic development resources, including labor and financial strategies, investments in human capital, employment in personal households. It studies the link between the implemented strategies with welfare changes in the population groups. The authors construct the typology of adaptive behavior and show that the low resource potential of most people hampers the formation and rollout of effective adaptation.

Keywords: social development, socio-economic disparity, adaptive behavior, human capital, development resources, socio-economic differentiation

REFERENCES

1. Polterovich V.M. Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya // Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. 2017. № 3 (35). S. 198 (in Russian).
2. Polterovich V.M. Institutsional'nyy eksperiment // Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii. 2013. № 3. S. 14 (in Russian).
3. Mau V.A. Na iskhode global'nogo krizisa: ekonomicheskie zadachi 2017–2019 gg. // Voprosy ekonomiki. 2018. № 3. S. 5 (in Russian).
4. Idrisov G.I., Mau V.A., Bozhechkova A.V. V poiskakh novoy modeli rosta // Voprosy ekonomiki. 2017. № 12. S. 5 (in Russian).
5. Tikhonova N.E. Dinamika sotsial'noy stratifikatsii v postsovetskom obshchestve // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1997. № 5. S. 5 (in Russian).

6. Sen A. Social Justice and Distribution of Income. In Handbook of Income Distribution / Atkinson A.B. & Bourguignon F. (ed.), 2000, Ed. 1, Vol. 1, Chap. 1, P. 59.
7. Burd'e P. Formy kapitala // Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya. Khrestomatiya sovremennoy klassiki. M.: ROSSPEN, 2004 (in Russian).
8. Florida R. Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee. M.: Klassika-XXI, 2007 (in Russian).
9. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011 (in Russian).
10. Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
11. Zaslavskaya T.I. Sovremennoe rossiyskoe obshchestvo: sotsial'nyy mekhanizm transformatsii. M.: Delo, 2004 (in Russian).
12. Kozyreva P.M. Protsessy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov. M.: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey, 2004 – 320 s. (in Russian).
13. Korel' L.V. Sotsiologiya adaptatsiy: Voprosy teorii, metodologii i metodiki. Novosibirsk, 2005 (in Russian).
14. Romm M.V. Adaptatsiya lichnosti v sotsiume: teoretiko-metodologicheskyy aspekt. Novosibirsk, 2002 (in Russian).
15. Becker G.S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. 1993. No. 101(3), P. 385.
16. Bekker G.S. Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskyy podkhod. Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii. M.: Izd. dom GU-VSHE, 2003 (in Russian).
17. Berk R.A. The New Home Economics: An agenda for sociological research. In Women and Household Labor. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
18. Berk S.F., Berk R.A. Supply-side sociology of the family: The challenge of the New Home Economics. In Annual Review of Sociology. Vol. 9, Palo Alto, California: Annual Reviews Inc., 1983.
19. Coleman J.S. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action // The American Journal of Sociology. 1986. May, Vol. 91. No. 6. P. 1309.
20. England P., Farkas G. Households, Employment, and Gender. New York: Aldine, 1986.
21. Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. University of Helsinki, 1997.
22. Avraamova E.A., Loginov D.L. Adaptatsionnye resursy naseleniya: popytka kolichestvennoy otsenki. // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2002. № 3. S. 13 (in Russian).
23. Avraamova E.M. Rossiyskoe naselenie v postsovetskiy period: opyt krizisov i sotsial'nye resursy razvitiya. M.: Delo, 2018 (in Russian).
24. Tikhonova N.E. Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2014. № 10 (366). S. 23 (in Russian).

УДК 338.123
ГРНТИ 06.52.13

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-45-52

**Е.Г. ПОПКОВА,
Ю.В. РАГУЛИНА***

Рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России

В статье предложено авторское определение индустрии 4.0, объединяющее все её ключевые отличительные черты, подчёркиваемые в рамках различных существующих концептуальных подходов. Это определение трактует индустрию 4.0 как процесс модернизации экономики на базе новейших информационно-коммуникационных технологий (таких как Интернет вещей), сопровождающийся сетевизацией и интеграцией и приводящий к оптимизации производственно-распределительных процессов через обеспечение их индивидуализации, интерактивности и высокой ресурсоэффективности. Авторами разработана рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России. Субъектами её практической реализации выступают государство и предпринимательство. Стратегия реализуется с помощью механизмов государственно-частного партнёрства, риск-менеджмента и интеграции предпринимательства. Ожидаемые результаты практической реализации разработанной стратегии включают рост уровня и качества жизни населения, обеспечение глобальной конкурентоспособности экономики России и национальной экономической безопасности (благодаря предотвращению установления зависимости от импортной продукции) в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: рамочная стратегия, индустрия 4.0, четвёртая промышленная революция, современная Россия

Начало XXI в. ознаменовалось не только глобальным экономическим кризисом мирохозяйственной системы, но и запуском её четвёртой промышленной революции, в процессе которой в ближайшие годы

будет осуществлён переход к новой парадигме промышленного производства — индустрии 4.0.

Под четвёртой промышленной революцией сегодня понимается переход к новому технологическому укладу в произ-

* **Попкова Елена Геннадьевна** — доктор экономических наук, профессор кафедры «Мировая экономика и экономическая теория» Волгоградского государственного технического университета, руководитель проекта «Концепция “Индустрия 4.0” в условиях перехода экономики России в цифровой формат» (18-010-00103а).

E-mail: 210471@mail.ru

Рагулина Юлия Вячеславовна — доктор экономических наук, заместитель директора Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, исполнитель того же проекта.

E-mail: julra@list.ru

водстве, распределении и потреблении благ, при котором ядром данных процессов станут кибер-физические системы – системы интегрированных между собой технических устройств под управлением искусственного интеллекта. Индустрия 4.0 представляет собой производство, организованное на базе кибер-физических систем.

В отличие от индустриализации, предполагающей построение экономики, основной отраслью народного хозяйства в которой выступает промышленность, переход к индустрии 4.0 не означает специализацию на промышленности, а связан с организацией производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства на базе кибер-физических систем. Данная особенность делает индустрию 4.0 перспективной и востребованной в различных современных хозяйственных системах, независимо от их производственной специализации.

Как ожидается, становление индустрии 4.0 будет способствовать созданию высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест, достижению стабильного экономического роста, а также повышению устойчивости современных хозяйственных систем и повышению уровня и качества жизни населения.

Традиционная опора на реальный сектор экономики, доступность множества отечественных высококвалифицированных инженерных кадров, а также тенденции цифровизации социально-экономической системы и национальный курс на её модернизацию открывают широкие возможности и перспективы для успешного становления индустрии 4.0 в современной России и её позиционирования как одного из ведущих поставщиков инновационных решений и продукции в данной сфере.

Однако, как видно из современной российской хозяйственной практики, правительство, бизнес и широкая общественность пока не в полной мере осознают драматическую степень цифровой трансформации, пронизывающей отечественную социально-экономическую систему,

и приоритетность формирования индустрии 4.0 для обеспечения глобальной конкурентоспособности и национальной экономической безопасности. Об этом свидетельствует фактическое отсутствие реализуемых инициатив в области четвёртой промышленной революции.

В связи с этим необходима рамочная стратегия формирования индустрии 4.0, которая послужит основой для своевременного запуска данного процесса в отечественной хозяйственной системе наряду с другими развитыми странами и позволит предотвратить отставание от них. Разработка данной стратегии выступает целью данного исследования.

Теоретическая база исследования

Индустрия 4.0 сегодня является популярным объектом для проведения научных исследований во всём мире. Тем не менее её общепринятое определение до сих пор не сложилось, и в каждом программном документе и в национальной стратегии реализации четвёртой промышленной революции каждой из стран мира используются разные трактовки. Проведённый обзор существующей научной литературы позволил выявить три подхода к определению понятия индустрии 4.0.

Первый подход делает акцент на технологической модернизации (в первую очередь в сфере информации и коммуникаций) как ключевом процессе, приводящем к переходу хозяйственных систем к индустрии 4.0 (от господствующей в настоящее время индустрии 3.0). Представители данного подхода [1, 4, 8, 9] считают, что индустрия 4.0 означает преобразование «традиционных» индустрий (отраслей промышленности) в Интернет вещей, данных и услуг. То есть в рамках данного подхода подчёркивается, что важнейшим признаком индустрии 4.0 является массовая доступность и использование Интернета, включая его инновационное проявление – Интернет вещей, обеспечивающее дистанционную Интернет-коммуникацию технических устройств без участия человека.

В рамках второго подхода подчёркивается интенсивная сетевизация и интерактивность как важнейшие черты индустрии 4.0. Представители данного подхода [5, 6, 10, 11] определяют её как сеть продуктов, процессов и инфраструктуры в режиме реального времени, переход к которой представляет собой четвёртую промышленную революцию, в которой поставки, производство, доставка и обслуживание клиентов связаны через Интернет. Жёсткие цепочки создания стоимости трансформируются в сети с высокой гибкостью.

В соответствии с третьим подходом первостепенной особенностью четвёртой промышленной революции является оптимизация (с акцентом на интеграцию и индивидуализацию) производственно-распределительных процессов в экономике. По мнению представителей данного подхода [3, 7, 12] термин индустрия 4.0 описывает новый этап в организации и управлении всей цепочкой создания стоимости на протяжении всего жизненного цикла продукта. Жизненный цикл продукта ориентирован на растущее стремление клиентов к индивидуальной настройке и охватывает всё: от первоначальной концепции до заказа, разработки, производства, доставки конечному потребителю и переработки, а также все связанные с этим услуги.

Это становится возможным благодаря доступности всех релевантных данных в реальном времени через объединение всех приложений, участвующих в процессе создания стоимости, а также благодаря способности использовать эти данные для определения оптимального потока ценности в любой момент времени. Интеграция людей, объектов и систем приводит к появлению динамичных (изменяющихся в режиме реального времени) и самоорганизующихся цепей создания стоимости, которые могут быть оптимизированы на основе различных критериев, таких как стоимость, доступность и потребление ресурсов.

На наш взгляд, описанные подходы не противоречат друг другу, а напротив —

дополняют друг друга. В настоящее время (2018 г.) в России технологии индустрии 4.0 перечислены и закреплены в качестве перспективных и приоритетных в Программе «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [2], однако официальное (закреплённое в нормативно-правовых документах) определение самой индустрии 4.0 отсутствует, а его трактовка необходима для целей данного исследования.

Мы предлагаем следующее авторское определение четвёртой промышленной революции, объединяющее все её ключевые отличительные черты, подчёркиваемые в рамках описанных выше концептуальных подходов. Индустрия 4.0 — процесс модернизации экономики на базе новейших информационно-коммуникационных технологий (таких как Интернет вещей), сопровождающийся сетевизацией и интеграцией и приводящий к оптимизации производственно-распределительных процессов через обеспечение их индивидуализации, интерактивности и высокой ресурсоэффективности.

Результаты

В соответствии с предложенным определением мы разработали следующую рамочную стратегию формирования индустрии 4.0 в современной России (рис. 1).

Как видно на рис. 1, в предложенной стратегии целью выступает ускоренное построение индустрии 4.0. Субъектами её практической реализации выступают государство и предпринимательство. Стратегия осуществляется с помощью следующих механизмов.

Во-первых, механизм государственно-частного партнёрства. Только в случае высокоэффективного объединения усилий государства и предпринимательства возможны достижение заметного прогресса в формировании индустрии 4.0 в среднесрочной перспективе и успешное противостояние глобальной конкуренции стран за первенство её построения.

Рис. 1. Рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России

Механизм государственно-частного партнёрства позволяет объединить ресурсы государства и предпринимательства, включая инвестиционные, материально-технические и др., распределять доходы и извлекаемые преимущества от её формирования, распределять риски, тем самым повышая привлекательность инвестиционно-инновационных проектов, а также осуществлять тесное и взаимовыгодное сотрудничество.

При этом функциями государства выступают создание и развитие инфраструктуры индустрии 4.0, включая обеспечение результатами целевых НИОКР, кадровое и материально-техническое обеспечение (с акцентом на цифровую инфраструктуру), риск-менеджмент, а также стимулирование технологической модернизации отечественного предпринимательства на базе индустрии 4.0 посредством поддержания конкурентной среды ведения предпринимательской деятельности (генерирующей рыночные стимулы) и предоставления преференций (в первую очередь – налоговых) для предпри-

ятий, использующих технологии индустрии 4.0 (генерирования регуляционных стимулов).

Функции предпринимательства заключаются в реализации инвестиционно-инновационных инициатив в сфере индустрии 4.0, обеспечивающих проведение целевых научных исследований, создание передовых производственных технологий, а также их внедрение в хозяйственную практику. Функциями предпринимательства также является риск-менеджмент и интеграция (создание кластеров, инновационных сетей и технопарков, особых экономических зон и др.).

Во-вторых, механизм риск-менеджмента, практическая реализация которого специфична для каждой категории рисков формирования и развития индустрии 4.0:

- макроэкономические риски: они связаны с нестабильностью социально-экономической системы современной России из-за влияния таких факторов, как инфляция, изменения в законодательстве, внутренние кризисы и т.д. Управление данными рисками предпо-

лагает отказ от радикального реформирования экономики со стороны государства, которое выступает ключевым субъектом управления ими;

- инвестиционные риски: к ним относятся отрицательные результаты НИОКР, организационные проблемы технологической модернизации производственного процесса и т.д. Управление данными рисками предполагает предоставление гарантий со стороны государства и страхование рисков со стороны предпринимательства;
- риски глобализации: они включают в себя отрицательные проявления интегрированности хозяйственной системы России в мировую экономику, такие как внешние кризисы, дестабилизирующие данную систему. Управление этими рисками предполагает ограничение влияния глобализации на российскую экономику со стороны государства и ориентацию на отечественных деловых партнёров со стороны предпринимательства;
- рыночные риски: они предполагают неблагоприятное воздействие рыночной среды на инвестиционно-инновационные проекты в сфере индустрии 4.0, такое как недостаточный спрос на продукцию данной сферы, резкое усиление конкуренции или монополизация данной сферы и т.д. Управление этими рисками предполагает реализацию маркетинговых мер (проведение маркетинговых исследований, брэндинг индустрии 4.0 и т.д.) со стороны предпринимательства;
- регуляционные риски: они вызваны неблагоприятным изменением законодательства в сфере индустрии 4.0. Управление ими предполагает установление долгосрочных партнёрских отношений между государством и предпринимательством;
- риски безопасности: они проявляются в системных сбоях в работе технических устройств и кибератаках на технологические процессы в сфере индустрии 4.0.

Управление данными рисками предполагает совместную разработку технологий обеспечения безопасности в данной сфере.

В-третьих, механизм интеграции предпринимательства. По отдельности предпринимательские структуры не смогут противостоять глобальной конкуренции, которая со временем будет только усиливаться. Создание интеграционных объединений позволит укрепить их позиции на мировых рынках и обеспечить системную модернизацию цепей добавленной стоимости (вместо их фрагментарной модернизации на отдельных этапах), тем самым максимизируя преимущества от перехода к индустрии 4.0.

Интеграция может и должна осуществляться в трёх направлениях. Первое направление: горизонтальная интеграция существующих промышленных предпринимательских структур, направленная на их совместный переход к индустрии 4.0. Второе направление: горизонтальная интеграция новых промышленных предпринимательских структур в сфере индустрии 4.0, направленная на их совместное фронтинирование отечественных и мировых рынков в данной сфере. Третье направление: вертикальная интеграция предпринимательских структур из различных отраслей народного хозяйства, направленная на постепенную комплексную модернизацию цепей создания стоимости на базе технологий индустрии 4.0 (рис. 2).

Ожидаемые результаты практической реализации разработанной стратегии включают рост уровня и качества жизни населения (благодаря повышению эффективности удовлетворения запросов потребителей, увеличению уровня дохода и удовлетворённости трудом работников индустрии 4.0 и др.), обеспечение глобальной конкурентоспособности экономики России (благодаря использованию новейших технологий индустрии 4.0) и национальной экономической безопасности

Рис. 2. Механизм интеграции предпринимательства для обеспечения его конкурентоспособности в условиях индустрии 4.0

(благодаря предотвращению установления зависимости от импортной продукции в сфере индустрии 4.0) в долгосрочной перспективе.

Возможный потенциал для индустрии 4.0 в России связан в первую очередь с налаживанием и развитием высокотехнологичного производства оборудования и продукции для массового потребления в рамках импортозамещения (к примеру, в таких отраслях, как фармацевтическая промышленность, сельское хозяйство, автомобилестроение, военная промышленность и т.д.), а также впоследствии с комплексной модернизацией отечественной экономики. Данная модернизация предполагает трансформацию не только производственных, но и распределительных процессов (посредством развития электронной торговли), а также процессов потребления.

Заключение

Таким образом, в ходе проведения исследования авторами разработана рамочная стратегия формирования индустрии 4.0 в современной России, позволяющая запустить данный процесс и обеспечить достижение его целевых результатов, таких как рост уровня и качества жизни, повышение глобальной конкурентоспособности экономики и национальной экономической безопасности) уже в среднесрочной перспективе (предположительно до 2025 г.).

Данная стратегия призвана послужить концептуальной платформой для принятия первичных государственных мер по созданию условий, позволяющих формировать индустрию 4.0 в современной российской экономике, и сигналом для предпринимательства к выдвиганию и практической реализации инвестиционно-инновационных инициатив в сфере индустрии 4.0.

ЛИТЕРАТУРА

1. Княгинина В.Н. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России: Экспертно-аналитический доклад / В.Н. Княгинина [Электронный ресурс]. – Центр стратегических разработок. Режим доступа: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf> (дата обращения: 09.06.2018).
2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённая распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB7915v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 09.06.2018).

3. Barata, J. Mobile supply chain management in the Industry 4.0 era: An annotated bibliography and guide for future research / J. Barata, P. Rupino Da Cunha, J. Stal // Journal of Enterprise Information Management. 2018. № 31(1). P. 173–192.
4. Frolov D.P. Complex management of promising technologies: a case study of Russian nano-industry / D.P. Frolov, I.V. Stratulat, A.A. Shulimova, E.G. Popkova // Nanotechnology Law and Business. 2015. T. 12. № 2. С. 148–160.
5. Gerberich C.W. Industry 4.0 – Digitization, innovation management and leadership | [Industrie 4.0 – Digitalisierung, Innovationsmanagement und Führung] / C.W. Gerberich // Elektrotechnik und Informationstechnik. 2017. № 134 (7). С. 374–376.
6. Pieroni A. Industry 4.0 revolution in autonomous and connected vehicle a non-conventional approach to manage big data / A. Pieroni, N. Scarpato, M. Brilli // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2018. № 96 (1). С. 10–18.
7. Popkova E.G. Transformation and concentration of intellectual capital as a factor of economic growth in the modern economy / E.G. Popkova, V. Yurev, N. Denisov, O. Stepicheva // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. T. 15. № 1. С. 53–60.
8. Rodríguez-Molano J.I., Contreras-Bravo L.E., Rivas-Trujillo E. Industry knowledge management model 4.0 / J.I. Rodríguez-Molano, L.E. Contreras-Bravo, E. Rivas-Trujillo // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. № 721. С. 275–283.
9. Scurati G.W. Converting maintenance actions into standard symbols for Augmented Reality applications in Industry 4.0 / G.W. Scurati, M. Gattullo, M., Fiorentino, (...), M. Bordegoni, A.E. Uva Computers in Industry. 2018. № 98. С. 68–79.
10. Sukhodolov A.P. Methodological aspects of study of internet economy / A.P. Sukhodolov, E.G. Popkova, I.M. Kuzlaeva // Studies in Computational Intelligence. 2018. № 714. С. 53–61.
11. Weber E. Industry 4.0 – Impact on Economy and Labour Market | [Industrie 4.0 – Wirkungen auf Wirtschaft und Arbeitsmarkt] / E. Weber // Wirtschaftsdienst. 2015. № 95(11). С. 722–723.
12. Závadská, Z. Quality managers and their future technological expectations related to Industry 4.0 / Z. Závadská, J. Závadský // Total Quality Management and Business Excellence. 2018. № 1(1). С. 1–25.

ENGLISH

Framework Strategy for the Formation of Industry 4.0 in the Today's Russia

Elena Gennadyevna Popkova – Dr. Sc. of Economics, professor of the World Economy and Economic Theory chair, Volgograd State Technical University, supervisor of the project “Industry 4.0 concept in the context of Russia's transition to the digital economy” (18-010-00103a).

E-mail: 210471@mail.ru

Yuliya Vyacheslavovna Ragulina – Dr. Sc. of Economics, Deputy Director of the Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Territories, Russian National Research Institute of Agricultural Economics, researcher in the same project.

E-mail: julra@list.ru

The paper reflects the authors' definition of Industry 4.0 bringing together all its key distinctive features underlined in the framework of diverse conceptual approaches. According to this definition, Industry 4.0 is a process of modernizing the economy using the latest ICT (such as the IoT) together with networkization and integration for the better manufacture and distribution processes through ensuring their individualization, interactivity and high resource efficiency. The authors have developed a framework strategy for the formation of Industry 4.0 in the today's Russia. The subjects of its practical implementation are the government and businesses. The strategy is rolled out through the mechanisms of public-private partnerships, risk

management and integration of entrepreneurship. The anticipated outcomes of practical implementation of the developed strategy include better levels and people's quality of life, global competitiveness of the Russian economy and national economic security (preventing dependency on imports) in the long term.

Keywords: framework strategy, Industry 4.0, Fourth Industrial Revolution, today's Russia

REFERENCES

1. Knyaginina V.N. Novaya tekhnologicheskaya revolyutsiya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii: Ekspertno-analiticheskiy doklad / V.N. Knyaginina [Elektronnyy resurs]. – Tsentr strategicheskikh razrabotok. Rezhim dostupa: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya.pdf> (data obrashcheniya: 09.06.2018) (in Russian).
2. Programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii», utverzhdyonnaya rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4_PsB79I5v7yLVuPgu4b-vR7M0.pdf (data obrashcheniya: 09.06.2018) (in Russian).
3. Barata, J. Mobile supply chain management in the Industry 4.0 era: An annotated bibliography and guide for future research / J. Barata, P. Rupino Da Cunha, J. Stal // Journal of Enterprise Information Management. 2018. № 31(1). R. 173–192.
4. Frolov D.P. Complex management of promising technologies: a case study of Russian nano-industry / D.P. Frolov, I.V. Stratulat, A.A. Shulimova, E.G. Popkova // Nanotechnology Law and Business. 2015. T. 12. № 2. S. 148–160.
5. Gerberich C.W. Industry 4.0 – Digitization, innovation management and leadership | [Industrie 4.0 – Digitalisierung, Innovationsmanagement und Führung] / C.W. Gerberich // Elektrotechnik und Informationstechnik. 2017. № 134(7). S. 374–376.
6. Pieroni A. Industry 4.0 revolution in autonomous and connected vehicle a non-conventional approach to manage big data / A. Pieroni, N. Scarpato, M.Brilli // Journal of Theoretical and Applied Information Technology. 2018. № 96(1). S. 10–18.
7. Popkova E.G. Transformation and concentration of intellectual capital as a factor of economic growth in the modern economy / E.G. Popkova, V. Yurev, N. Denisov, O. Stepicheva // Regional and Sectoral Economic Studies. 2015. T. 15. № 1. S. 53–60.
8. Rodríguez-Molano J.I., Contreras-Bravo L.E., Rivas-Trujillo E. Industry knowledge management model 4.0 / J.I. Rodríguez-Molano, L.E. Contreras-Bravo, E. Rivas-Trujillo // Advances in Intelligent Systems and Computing. 2018. № 721. S. 275–283.
9. Scurati G.W. Converting maintenance actions into standard symbols for Augmented Reality applications in Industry 4.0 / G.W. Scurati, M. Gattullo, M., Fiorentino, (...), M. Bordegoni, A.E. Uva Computers in Industry. 2018. № 98. S. 68–79.
10. Sukhodolov A.P. Methodological aspects of study of internet economy / A.P. Sukhodolov, E.G. Popkova, I.M. Kuzlaeva // Studies in Computational Intelligence. 2018. № 714. S. 53–61.
11. Weber E. Industry 4.0 – Impact on Economy and Labour Market | [Industrie 4.0 – Wirkungen auf Wirtschaft und Arbeitsmarkt] / E. Weber // Wirtschaftsdienst. 2015. № 95 (11). S. 722–723.
12. Závadská, Z. Quality managers and their future technological expectations related to Industry 4.0 / Z. Závadská, J. Závadský // Total Quality Management and Business Excellence. 2018. № 1(1). S. 1–25.

УДК 338.26/.28;339.97

ГРНТИ 06.52.35

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-53-62

**В.Н. БОРИСОВ,
О.В. ПОЧУКАЕВА***

Методический подход к оцениванию влияния инвестиционной активности на импортозамещение на рынках продукции машиностроения

Разработка методов оценивания воздействия инвестиционного и инновационного факторов на развитие производства и рост конкурентоспособности в отраслях машиностроения направлена на формирование системы критериев и инструментов, используемых в прогнозно-аналитических исследованиях влияния инновационно-технологического развития машиностроения на эффективность функционирования реального сектора экономики РФ. Разрабатываемый инструментарий позволяет получать количественные оценки развития товарных рынков продукции машиностроения и прогнозировать структурные сдвиги в зависимости от результативности инвестиционной деятельности.

Для оценивания импортозамещения на растущем рынке авторы предлагают показатель, который позволяет количественно измерить обеспечение увеличения спроса внутреннего рынка за счёт прироста выпуска отечественной машинотехнической продукции с учётом динамики экспорта. Этот показатель даёт возможность получить характеристики конкурентоспособности как результирующего показателя эффективности инвестиционной и инновационной деятельности в отраслях машиностроения. Так, если на растущем рынке повышение спроса опережает рост производства и это приводит к увеличению доли импортного оборудования на внутреннем рынке, то это свидетельствует об ограничении производственных возможностей отечественных предприятий, низком уровне оснащения конкурентоспособными производственными мощностями. Если же в условиях растущего рынка оба показателя имеют положительную динамику, то это означает, что отечественные предприятия обладают технологическим потенциалом, обеспечивающим увеличение выпуска продукции, технические и эксплуатационные характеристики которой соответствуют мировым образцам.

* **Борисов Владимир Николаевич** — доктор экономических наук, заведующий лабораторией прогнозирования машиностроительного комплекса Института народнохозяйственного прогнозирования (ИНП) РАН, руководитель проекта «Прогнозирование инновационной насыщенности инвестиций в машиностроении и ожидаемых эффектов в реальном секторе экономики РФ» (16-02-00109а).
E-mail: vnbor@yandex.ru

Почукаева Ольга Викторовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории прогнозирования машиностроительного комплекса ИНП РАН, исполнитель того же проекта.
E-mail: ol255@yandex.ru

Ключевые слова: продукция машиностроения, инвестиции в основной капитал, инновационная насыщенность инвестиций, импортозамещение, активная фаза импортозамещения, ценовая конкурентоспособность, технологическая конкурентоспособность, конкурентоспособные производственные мощности, платежеспособный спрос, структура внутреннего рынка

Инновационно-технологический вектор развития машиностроения базируется на обновлении производственного аппарата и расширении конкурентоспособных производственных мощностей. Инвестиции в инновационно-технологическое обновление производственного аппарата машиностроения являются определяющим фактором развития отрасли и обеспечения структуры внутреннего рынка на уровне, соответствующем технологической безопасности [1]. При этом чем выше уровень инновационной насыщенности инвестиций, тем большее число факторов обеспечивает рост ценовой и технологической конкурентоспособности отечественной машинотехнической продукции на внутреннем рынке. Освоение же прогрессивных видов продукции создаёт предпосылки как для импортозамещения, так и для роста конкурентоспособности на внешнем рынке.

Показатели, характеризующие динамику экспорта, уровень зависимости от импорта и интенсивность импортозамещения, являются индикаторами уровня и динамики конкурентоспособности отечественной экономики. Соотношение импортной и отечественной продукции производственно-технического назначения на внутреннем рынке показывает степень зависимости реального сектора РФ от зарубежной инвестиционной техники. Развитие сборочных производств и широкое использование импортных компонентов производства повышают эту зависимость. Снижение зависимости от импорта способствует увеличению выпуска отечественной продукции и обеспечению технологической безопасности.

На снижающемся рынке увеличение доли отечественной продукции не является показателем роста конкурентоспособности российских производителей, а отражает существенное сокращение объёмов импорта вследствие снижения платежеспособного спроса. Объективная оценка импортозамещения возможна только при условии исключения влияния фактора падающего спроса. Импортозамещение следует оценивать на *растущем рынке*. При высоких темпах роста спроса значительная часть его прироста может обеспечиваться в основном за счёт импорта и, соответственно, сопровождаться увеличением объёма импортной продукции. По структурным показателям участия российских производителей в замещении растущего спроса можно оценить фазу импортозамещения.

В инерционной фазе прирост импорта продолжается, поскольку прирост поставок отечественной продукции на внутренний рынок меньше прироста спроса. Активная фаза импортозамещения наступает при условии полного обеспечения прироста спроса отечественной продукцией — это исключает прирост импорта. Если прирост поставок отечественной продукции на внутренний рынок превышает увеличение спроса, то объём импорта снижается.

Для оценивания импортозамещения на растущем рынке нами предложен показатель, который позволяет количественно измерить обеспечение прироста спроса внутреннего рынка за счёт увеличения выпуска отечественной машинотехнической продукции с учётом динамики экспорта. Показатель *обеспечения (замещения) растущего спроса* (ΔZ_i) показывает, какая часть прироста спроса на про-

дукцию обеспечивается приростом её поставок на внутренний рынок:

$$\Delta Z_i = \frac{\Delta V_i - \Delta Ex_i}{\Delta S_i},$$

где (ΔV_i) – прирост выпуска продукции i ; (ΔEx_i) – прирост экспорта продукции i ; (ΔS_i) – прирост спроса внутреннего рынка на продукцию i .

Очевидно, что этот показатель актуален только тогда, когда векторы выпуска продукции и спроса внутреннего рынка имеют положительное направление. Если показатели выпуска или спроса имеют отрицательное значение, то замещение растущего спроса, обеспеченное ростом производства, отсутствует как явление.

Доля отечественной продукции в замещении прироста спроса внутреннего рынка – это количественная оценка масштабов импортозамещения. По своей сути этот показатель является приростным. Снижение объёма импорта на российском рынке – *активное импортозамещение* – обеспечивается, если показатель замещения растущего спроса превышает 100%.

Соотношение и динамика секторов импортной и отечественной продукции в структуре внутреннего рынка определяются конкурентоспособностью продукции машиностроения. Показатель *обеспечения (замещения) растущего спроса* позволяет получить характеристики конкурентоспособности как результирующего показателя эффективности инвестиционной и инновационной деятельности в отраслях машиностроения. Так, если на растущем рынке увеличение спроса опережает рост производства и это приводит к повышению доли импортного оборудования на внутреннем рынке, то это свидетельствует об ограничении

производственных возможностей отечественных предприятий, низком уровне оснащения конкурентоспособными производственными мощностями. Если же в условиях растущего рынка оба показателя имеют положительную динамику, то это означает, что отечественные предприятия обладают технологическим потенциалом, обеспечивающим увеличение выпуска продукции, технические и эксплуатационные характеристики которой соответствуют мировым образцам. В значительной степени это отражает *технологическую* конкурентоспособность отечественной техники, поскольку на растущем рынке существенно повышается влияние технологического фактора: чем выше инвестиционная активность, тем быстрее растёт спрос на прогрессивную технику¹, обеспечивающую высокую производительность, экономичность и надёжность эксплуатации.

Поскольку конкурентоспособность продукции преимущественно связана с результативностью инвестиционной деятельности, направленной на инновационно-технологическое развитие производства – внедрение продуктовых и процессных инноваций, то предложенная интерпретация оценки импортозамещения может быть использована для оценивания эффектов инновационно-насыщенных инвестиций, получаемых на уровне отраслей, производств и предприятий.

Характеристики инвестиционной деятельности и импортозамещения в машиностроении приведены на примере производства продукции инвестиционного назначения. В табл. 1 приведены объёмные и динамические характеристики инвестиционной деятельности. Оценка импортозамещения по показателю обеспечения (замещения) растущего спроса дана в табл. 2.

Рассмотрим динамику замещения прироста спроса отечественной техникой

¹ К прогрессивной технике здесь отнесены виды машинотехнической продукции, соответствующие критериям инновационности [2].

Таблица 1

**Инвестиции в основной капитал в отраслях
инвестиционного машиностроения**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Производство насосов, компрессоров и гидравлических систем						
инвестиции в ОК, млрд руб.	5,8	6,4	7,8	7,7	13,6	10,7
темпы роста инвестиций, %	100	77,5	70,7	66,8	104,8	74,2
Продукция станкостроения и инструментального производства						
инвестиции в ОК, млрд руб.	0,5	0,5	0,4	0,5	1,7	3,6
темпы роста инвестиций, %	100	127,7	82,4	102,3	332,6	436,4
Тракторы для сельского и лесного хозяйства						
инвестиции в ОК, млрд руб.	0,1	0,1	0,3	0,2	0,8	—
темпы роста инвестиций, %	100	51,5	119,8	52,0	154,5	58,9
Комбайны зерноуборочные						
инвестиции в ОК, млрд руб.	0,5	0,6	1,5	1,3	3,2	5,0
темпы роста инвестиций, %	100	118,6	414,7	269,6	565,8	743,5
Грузовые вагоны						
инвестиции в ОК, млрд руб.	1,7	5,2	5,4	5,5	3,7	3,4
темпы роста инвестиций, %	100	150,0	145,8	148,1	98,5	49,3

Источник: рассчитано по данным [3].

Таблица 2

**Оценка импортозамещения на российском рынке
инвестиционных товаров, %**

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Производство насосов, компрессоров и гидравлических систем						
темпы роста спроса внутреннего рынка	100	127	142	159	212	178
темпы роста производства	100	102	103	108	129	148
замещение растущего спроса	29,8	28,2	52,2	27,8	18,0	—
Продукция станкостроения и инструментального производства						
темпы роста спроса внутреннего рынка	100	139	157	165	277	174
темпы роста производства	100	120	138	115	102	103
замещение растущего спроса	40,3	2,4	22,8	—	—	—
Тракторы для сельского и лесного хозяйства						
темпы роста спроса внутреннего рынка	100	288	345	238	329	154
темпы роста производства	100	169	181	112	105	81
замещение растущего спроса	—	9,4	56,7	—	—	—
Комбайны зерноуборочные						
темпы роста спроса внутреннего рынка	100	153	196	194	237	194
темпы роста производства	100	152	135	137	130	108
замещение растущего спроса	—	56,0	—	—	—	—
Грузовые вагоны						
темпы роста спроса внутреннего рынка	100	162	139	130	79	40
темпы роста производства	100	125	144	121	111	61
замещение растущего спроса	35,3	30,6	—	—	—	—

Источник: рассчитано по данным [4–6].

на примере производства насосов, компрессоров и гидравлических систем, поскольку из рассматриваемых видов продукции только здесь условия оценки явления сохранялись на протяжении 2010–2014 гг. В 2014 г., по сравнению с 2010 г., спрос увеличился более чем в два раза, а выпуск продукции – только на 29%. Это привело к снижению уровня замещения прироста спроса отечественной продукцией в 2013–2014 гг. Зависимость от импорта в производстве насосов довольно высока. В годы повышенного спроса она составляет до 60%¹. Иными словами, основная часть растущего спроса обеспечивалась приростом импорта. Это может свидетельствовать о недостаточности конкурентоспособных производственных мощностей.

Вместе с тем эта отрасль машиностроения может быть отнесена к наиболее успешным среди отраслей, производящих машины и оборудование. Крупнейшей товарной группой среди продукции, выпускаемой отраслью, является оборудование для нефте- и газодобычи и геологоразведочных работ, для нефте- и газопереработки, а также для смежных производств. Конъюнктура рынка бурового оборудования способствовала росту инвестиционной активности ведущих предприятий отрасли.

Отметим высокий уровень конкурентоспособности российского нефтегазодобывающего оборудования по сравнению с лучшими мировыми образцами. Предприятия, выпускающие буровое оборудование этого уровня, довольно прочно занимают свой сегмент мирового рынка. Нефтедобывающая промышленность является крупнейшим заказчиком инновационного оборудования, обладающего высокими показателями энергосбережения, обеспечивающего энергоэффективность добычи и транспортировки нефти [8]. Замена устаревшей нефтедобыва-

ющей техники на модернизированные виды буровых установок позволяет существенно повысить рентабельность нефтедобычи. Более 20% всех новых разработок в области машиностроительных технологий приходится на инновационное оборудование для добычи нефти и газа; в отрасли выпускается оборудование, не имеющее аналогов в мире [9].

Технологическая конкурентоспособность здесь не вызывает сомнений. Значительная доля импорта на российском рынке объясняется высоким спросом на компоненты нефтегазодобывающего оборудования, в том числе на дешёвый сегмент данной товарной группы. Так, средняя удельная цена российского оборудования на мировом рынке в шесть раз превышает среднюю удельную цену импорта на внутренний рынок². Лишь около четверти импортируемой продукции относится к передовым видам оборудования. Остальной импорт – это дешёвый сегмент продукции, компонентов и расходных материалов.

Высокий объём импорта в данном случае служит проявлением существующей международной интеграции в производстве этой продукции, многолетних коммерческих связей с зарубежными компаниями и не создает угрозы технологической безопасности. Импортозамещение в сегменте дешёвых компонентов производства не даст существенных сдвигов в инновационно-технологическом развитии. Однако мультипликативные эффекты, которые могли бы возникнуть при создании производств, выпускающих эту продукцию, оказали бы благоприятное воздействие на экономику и социальную сферу регионов, а также способствовали бы сокращению валютных расходов на импорт компонентов производства.

Высокая зависимость от импорта на рынке продукции станкостроительной и инструментальной промышленно-

¹ Рассчитано по данным [6, 7].

² Рассчитано по данным [6, табл. 14].

сти является наиболее опасным проявлением диспропорций в машиностроении и российской промышленности в целом и создаёт угрозу технологической безопасности. Являясь структурообразующей отраслью машиностроения, станкостроение формирует технологический уровень производства машинотехнической продукции и в значительной степени обеспечивает технологическую безопасность. Станкостроение – одна из наиболее наукоемких отраслей промышленности: здесь осваивается большая часть разрабатываемых в настоящее время технологий машиностроения. Особенностью отрасли является то, что значительная часть выпускаемых видов металлообрабатывающего оборудования относится к продукции двойного назначения.

Ценовая конкурентоспособность отечественного металлообрабатывающего оборудования в значительной степени зависит от цен на металл и тарифов на электроэнергию и грузовые перевозки. Кроме того, на ценовую конкурентоспособность влияет довольно высокий удельный вес импортных комплектующих (табл. 3). Рост цен на отечественное металлообрабатывающее оборудование в 2000-х гг. составил 2,2–3,8 раза¹. Вместе с тем «станки

российского производства по соотношению цена/качество занимают среднее положение между станками из наиболее развитых стран (Германии, Японии, Италии, Швейцарии), для которых характерно наибольшее значение показателя цена/качество, и новых развитых стран (Китая, Тайваня, Южной Кореи и др.)» [12, с. 28]. «Цена не является наиболее эффективным инструментом управления спросом в наукоёмких отраслях. Действительный инструмент повышения спроса – именно повышение качества и конкурентоспособности продукции, ускорение её вывода на рынки, что в свою очередь требует дополнительных инвестиций в НИОКР» [13, с. 16].

Развитие высокотехнологичного станкостроения – необходимое условие технологической безопасности. Это связано с особенностями функционирования мирового рынка высокотехнологичного станочного оборудования, так как эта продукция относится к технологиям двойного назначения, и её оборот на мировом рынке связан с системой ограничений по целям использования. Этот фактор существенно снижает эффективность создания совместных с иностранными компаниями сборочных станкостроительных предприятий [14].

Таблица 3

Удельный вес затрат на импортные компоненты производства в затратах на сырьё, материалы и комплектующие, %

	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Производство насосов, компрессоров и гидравлических систем	7,9	10,3	9,2	9,0	7,8	7,7
Продукция станкостроения и инструментального производства	15,8	19,6	17,3	16,8	22,7	22,5
Сельскохозяйственное машиностроение, в том числе производство:	41,2	55,5	61,5	59,0	52,4	53,2
тракторов	49,5	64,1	62,5	92,6	66,6	67,1
комбайнов	46,1	55,5	66,4	50,2	48,9	49,0
Железнодорожное машиностроение, в том числе производство:	9,1	7,8	6,9	7,5	9,5	8,2
грузовых вагонов	6,2	5,3	5,1	5,4	4,0	4,0

Источник: рассчитано по данным [3]

¹ Рассчитано по данным [10, 11, табл. 4.5].

На основе полученных оценок можно судить о том, что заметное обеспечение растущего спроса на продукцию станкостроительной и инструментальной промышленности пока возможно только при невысоком приросте спроса, как это было в 2010 и 2012 гг. В 2013–2015 гг. замещение растущего спроса отсутствовало как явление, поскольку в этот период имел место спад производства.

В период высокого роста спроса на сельскохозяйственную технику в 2011–2012 гг. прирост спроса обеспечивался отечественной техникой до 57% по тракторам и до 56% – по комбайнам. Загрузка производственных мощностей в отрасли в этот период составляла около 40% [3]. Здесь же следует отметить чрезвычайно высокую зависимость от импорта компонентов производства. Так, на протяжении всего периода как при высоком росте производства в 2011–2012 гг., так и при последующем спаде выпуска доля импортных компонентов в затратах на сырьё, материалы и комплектующие составляла 50–65% в производстве комбайнов и 65–70% – в производстве тракторов. Таким образом, импортозамещение на рынке сельскохозяйственной техники может быть достигнуто только при существенном росте конкурентоспособных производственных мощностей, в том числе по производству комплектующих. Ценовая конкурентоспособность будет обеспечена высокой степенью локализации производства при условии технологической конкурентоспособности отечественных компонентов производства.

Столь высокой зависимости от импорта компонентов производства нет больше ни в одной отрасли, производящей машины и оборудование. Например (см. табл. 3) в производстве насосов, компрессоров и гидравлических систем доля импортных компонентов в затратах на сырьё, материалы и комплектующие составляет 8–9%, в станкостроении – 17–20%, в производстве грузовых вагонов – 4–5%.

На рынке грузовых вагонов высокий уровень импортозамещения (доля импорта составляет около 6%) достигнут при снижении спроса в 2,5 раза и при существенной поддержке производства в виде субсидий на приобретение инновационных вагонов [15]. Оценивать ценовую конкурентоспособность в этой ситуации не представляется возможным.

Высокую оценку технологической конкурентоспособности можно дать на основании высокой доли инновационной продукции, которая по данным Росстата РФ составила 7% в 2014–2015 гг. и 32,7 – в 2016 г. В производстве насосов и гидравлических систем этот показатель находится на уровне 5–7%, в станкостроении – 6–14%, в производстве комбайнов – 5–8%, тракторов – 2–3%. Но в целом преимущества отечественных инновационных грузовых вагонов ещё предстоит оценить в условиях роста спроса внутреннего рынка и выбора российских операторов грузоперевозок при отсутствии государственных преференций, поддерживающих инновационно-технологическое развитие отрасли.

Проведённое исследование показывает, что объёмы инвестиций и содержание в них инновационно-технологического компонента оказывают существенное влияние на возможности импортозамещения. При этом инвестиционная активность определяется прежде всего инвестиционным спросом отраслей реального сектора. Даже при значимой государственной поддержке, как это видно на примере производства грузовых вагонов, падение спроса на инвестиционную технику неизбежно вызывает снижение инвестиционной активности. Инновационно-технологическое развитие машиностроения и мультипликативные эффекты в других обрабатывающих отраслях возможны только при росте внутренних инвестиций, отличающихся высокой инновационной насыщенностью и наукоёмкостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Инновационное машиностроение как фактор развивающегося импортозамещения // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3. С. 31–42.
2. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации (Минпромторг России) от 1 ноября 2012 г. № 1618 «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ и услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции по отраслям, относящимся к установленной сфере деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации». Режим доступа: <https://rg.ru/2013/03/20/kriterii-dok.html> (дата обращения 12.03.2017).
3. Центральная база статистических данных Росстата. – Режим доступа: www.cbsd.gks.ru/ (дата обращения: 1.03.2017).
4. Промышленное производство в России. 2016: Статистический сборник / Росстат. М., 2016.
5. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140080765391 (дата обращения: 25.03.2017).
6. Таможенная статистика внешней торговли РФ: Годовой сборник. М.: ФТС России, 2010–2016.
7. СПАРК (Система профессионального анализа рынков и компаний Интерфакс). – Режим доступа: www.spark-interfax.ru.
8. Порфирьев Б.Н. Экономический кризис: проблемы управления и задачи инновационного развития // Проблемы прогнозирования. 2010. № 5. С. 20–25.
9. Технология машиностроения. Ежемесячный журнал. Издательский центр «Технология машиностроения». М., 2010–2016.
10. Цены в России. 2010. Статистический сборник. М.: Росстат, 2010.
11. Цены в России. 2012. Статистический сборник. М.: Росстат, 2012.
12. Григорьев С.Н., Грибков А.А., Захарченко Д.В. Тенденции развития мирового станкостроения // СТИН (Станки Инструмент). 2013. № 1. С. 2–4.
13. Клочков В.В., Циклис Б.Е. Минимизация затрат и управление развитием наукоёмкой промышленности (на примере авиастроения) // Контролинг. 2011. № 1. С. 8–17.
14. Чечкин Е. Искусственное дыхание // Эксперт-Урал. № 36 (569). 9 сентября 2013. – Режим доступа: <http://www.expert-ural.com/1-617-12681/> (дата обращения: 19.12.2016).
15. Постановление Правительства РФ от 20.01.2014 № 41 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета на возмещение потерь в доходах российских лизинговых организаций при предоставлении скидки при условии приобретения инновационных вагонов с повышенной осевой нагрузкой в рамках подпрограммы “Транспортное машиностроение” государственной программы Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности”». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157832/ (дата обращения: 10.12.2016).

ENGLISH

Methodical Approach to Assessing the Impact of Investment Activities on Import Substitution in Machine-Building Product Markets

Vladimir Nikolaevich Borisov – Dr. Sc. of Economics, head of the Forecasting Lab of the Machine Building Complex, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Forecasting the innovative investment saturation in the machine building and expected effects in the real sector of the Russian economy” (16-02-00109a).

E-mail: vnbor@yandex.ru

Olga Viktorovna Pochukaeva – Dr. Sc. of Economics, leading researcher of the Forecasting Lab of the Machine Building Complex, the Institute of Economic Forecasting, the Russian Academy of Sciences, researcher in the same project.

E-mail: ol255@yandex.ru

The design of methods helping to assess the impact of investments and innovations on the development of manufacture and the growth of competitiveness in the engineering industries aims at establishing a system of criteria and tools used in forecasting and analytics of the impact from the innovative technological development of machine building on the performance of the real sector of the Russian economy. The developed toolkit helps to quantitatively estimate the development of machine-building commodity markets and anticipate structural changes depending on the effectiveness of investment activity. To measure import substitution in the growing market, the authors offer an indicator quantifying the increasing demand in the domestic market due to the increased output of domestic machinery products taking into account the export trends. This indicator helps to measure competitiveness as the outcome of investment and innovation effectiveness in the engineering industries. Thus, if the increasing demand in the growing market beats out the production growth figures and spurs an increase in the share of imported equipment in the domestic market, this indicates limited production capacities of domestic businesses, poor and uncompetitive manufacturing capacities. If, in the growing market, both indicators show an upward trend, it means that domestic enterprises possess technologies for increased output with technical and operational specifications meeting the global standards.

Keywords: engineering products, investments in fixed assets, innovative investment saturation, import substitution, active import substitution phase, price competitiveness, technological competitiveness, competitive production capacities, effective demand, domestic market structure

REFERENCES

1. Borisov V.N., Pochukaeva O.V. Innovatsionnoe mashinostroenie kak faktor razvivayushchego importozameshcheniya // Problemy prognozirovaniya. 2015. № 3. S. 31–42 (in Russian).
2. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i trgovli Rossiyskoy Federatsii (Minpromtorg Rossii) ot 1 noyabrya 2012 g. № 1618 «Ob utverzhdenii kriteriev otneseniya tovarov, rabot i uslug k innovatsionnoy produktsii i (ili) vysokotekhnologichnoy produktsii po otraslyam, otnosyashchimsya k ustanovlennoy sfere deyatel'nosti Ministerstva promyshlennosti i trgovli Rossiyskoy Federatsii». Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2013/03/20/kriterii-dok.html> (data obrashcheniya: 12.03.2017) (in Russian).

3. Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh Rosstata. Rezhim dostupa: www.cbsd.gks.ru/ (data obrashcheniya: 01.03.2017) (in Russian).
4. Promyshlennoe proizvodstvo v Rossii. 2016: Statisticheskiy sbornik / Rosstat. M., 2016 (in Russian).
5. Kratkosrochnye ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii. Rezhim dostupa: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/cata-log/doc_1140080765391 (data obrashcheniya: 25.03.2017) (in Russian).
6. Tamozhennaya statistika vneshney torgovli RF: Godovoy sbornik. M.: FTS Rossii, 2010–2016 (in Russian).
7. SPARK (Sistema professional'nogo analiza rynkov i kompaniy Interfaks). – Rezhim dostupa: www.spark-interfax.ru. (in Russian).
8. Porfir'ev B.N. Ekonomicheskiy krizis: problemy upravleniya i zadachi innovatsionnogo razvitiya // Problemy prognozirovaniya. 2010. № 5. S. 20–25 (in Russian).
9. Tekhnologiya mashinostroeniya. Ezhemesyachnyy zhurnal. Izdatel'skiy tsentr «Tekhnologiya mashinostroeniya». M., 2010–2016 (in Russian).
10. Tseny v Rossii. 2010. Statisticheskiy sbornik. M.: Rosstat, 2010 (in Russian).
11. Tseny v Rossii. 2012. Statisticheskiy sbornik. M.: Rosstat, 2012 (in Russian).
12. Grigor'ev S.N., Gribkov A.A., Zakharchenko D.V. Tendentsii razvitiya mirovogo stankostroeniya // STIN (STanki INstrument). 2013. № 1. S. 2–4 (in Russian).
13. Klochkov V.V., Tsiklis B.E. Minimizatsiya zatrat i upravlenie razvitiem naukoymkoy promyshlennosti (na primere aviastroeniya) // Kontrolling. 2011. № 1. S. 8–17 (in Russian).
14. Chechkin E. Iskusstvennoe dykhanie // Ekspert-Ural. № 36 (569). 9 sentyabrya 2013. – Rezhim dostupa: <http://www.expert-ural.com/1-617-12681/> (data obrashcheniya: 19.12.2016) (in Russian).
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.01.2014 № 41 «Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidiy iz federal'nogo byudzheta na vozmeshchenie poter' v dokhodakh rossiyskikh lizingovykh organizatsiy pri predostavlenii skidki pri uslovii priobreteniya innovatsionnykh vagonov s povyshennoy osevoy nagruzkoy v ramkakh podprogrammy "Transportnoe mashinostroenie" gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Razvitie promyshlennosti i povyshenie eyo konkurentosposobnosti"». Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157832/ (data obrashcheniya: 10.12.2016) (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 347.998.74

ГРНТИ 10.16.02

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-63-71

М.Н. КОЗЮК*

Теория медиации в дисциплинарном дизайне

В настоящее время в отечественной социальной науке динамично развиваются исследования по теории медиации. При этом дисциплинарный статус этого направления пока неясен, что сказывается на качестве исследований. В статье критически анализируются различные подходы к определению этого статуса. Особое внимание уделяется тезису о междисциплинарности теории медиации. Автор статьи показывает, какие последствия таит в себе однозначное признание теории медиации междисциплинарной отраслью. Также проблемно, с его точки зрения, причисление медиации сугубо к юриспруденции. Медиация относится к видовым явлениям, род которых можно обозначить как социальные технологии, упорядочивающие социальные отношения и снимающие социальные конфликты. Только социология и история могут стать фундаментом новой научной дисциплины. При этом теория медиации должна предварительно пройти этап дисциплинарной конституционализации, поскольку тесное взаимодействие со многими современными отраслями знания чревато растворением в них.

Ключевые слова: медиация, научная дисциплина, история, трансдисциплинарность, междисциплинарность, медиативные технологии, социально-правовой институт

В отечественной социальной науке «теория медиации» (обозначим её так) уже уверенно занимает довольно заметное место, и оно становится всё значительнее. Это неплохой результат, свидетельствующий о жизне-

способности концепта и его востребованности в различных сферах жизни нашего социума, правда, в неодинаковой степени. Конечно, существуют большие трудности в развитии, но это скорее «болезни «роста», когда сама теория не мо-

* **Козюк Михаил Николаевич** — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, руководитель проекта «Медиативные технологии снижения социальной конфликтности в деятельности должностных лиц органов местного самоуправления Волгоградской области» (16-13-34020a(p)).
E-mail: mkozuk@yandex.ru

жет дать удовлетворительное решение тех или иных проблем, чем сознательное противодействие каких-либо социальных сил и институтов. Вопрос о «дисциплинарном дизайне», о месте данной совокупности знаний в дисциплинарном строении науки – это, собственно, вопрос о жизни и смерти нарождающейся новой отрасли знания.

В чём же необходимость такого прояснения дисциплинарных контуров нового знания? В первую очередь это связано с организационными моментами развития науки, которые имеют большие содержательные последствия. Как пишет отечественный эпистемолог И.Т.Касавин, «Дисциплина есть фабрика знания, где оно производится по определённым стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю. Дисциплина есть также и, вероятно, прежде всего, условие финансирования науки из государственного бюджета и распределения финансовых ресурсов между научными направлениями, как скоро государственные структуры нуждаются в подобном им контрагенте – научной бюрократии. В этом смысле дисциплина – необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время» [1].

Рано или поздно в развитии научного концепта наступает некий «момент истины», когда новое исследовательское направление должно конституироваться или в самостоятельный институт определённого уровня теоретичности, или распределить свой «багаж» по имеющимся отраслям и снять проблему синтеза наработанных знаний. В отношении теории медиации этот период формализации и легитимации сейчас только начался, что отражается в появлении публикаций по вопросам эпистемологического статуса накопленной суммы знаний [2].

Медиация и междисциплинарность

Одним из общих мест в дискурсе теории медиации является признание за ней

междисциплинарного характера, что кажется очевидным для всякого, кто проявил к ней внимание. Чаще всего споры вызывает только набор дисциплин, с которыми связывают развитие медиации. Он может быть достаточно обширен: психология и социально-психологические науки, логика, кибернетика, математика, семиотика, культурология (включая наследование субкультур), социология, антропология, эволюционная биология, лингвистика, история, этика, педагогика, политология, регионоведение, право, этнография, психофизиология и нейробиология [3, с. 7–8]. Далее составитель этого списка Ц.А.Шамликашвили группирует их в следующие направления: психология и её естественно-научные спутники, культурология, социология и примыкающие к ним науки (лингвистика, этнология и т.п.), логико-методологические разработки (рис. 1).

Вообще, тема междисциплинарности в настоящее время привлекательна и модна в эпистемологии, и множество научных феноменов по воле исследователей начинают приобретать данный статус, который по своим эвристическим потенциалам считается более высоким, чем традиционный узкодисциплинарный. Между тем сама по себе проблема междисциплинарности ещё не стала предметом основательного научного осмысления, и при дание той или иной научной проблеме данного эпистемологического статуса предполагает (должно предполагать) осмысление не только основных аспектов вопроса, но и вытекающих отсюда следствий. Так, например, список перечисленных выше дисциплин явно неполон: например, при разрешении предпринимательских споров невозможно отвлечься от экономических реалий, которые также стоят у истоков медиации как научного знания.

Безмерное расширение списка междисциплинарности приводит к мысли о том, что полноценные специалисты в сфере медиации вряд ли могут существовать,

Рис. 1. Основные междисциплинарные связи теории медиации

поскольку иметь квалифицированные знания в десятке разнородных дисциплин невозможно. А значит, проблема медиации будет «вечно дискуссионной», что, кстати, уже наблюдается в настоящее время. Другими словами, не нужно забывать народную мудрость о том, что «у семи нянек» (междисциплинарность) «дитя без глаза» – проблема теряет свою дисциплинарную ответственность и, как минимум, поэтому просто размывается. На эту опасность уже обращают внимание специалисты, и, как замечает Ц.А.Шамликашвили, «нам представляется важным рассмотрение медиации как междисциплинарной научной дисциплины не произвольно-эkleктического типа, а имеющей пусть пока нечёткие, но всё же границы».

Такой подход позволит уйти от ограничений сугубо эмпирического понимания метода и может способствовать повышению качества медиативных услуг, формированию критериев и стандартов, столь необходимых для дальнейшего раскрытия потенциала медиации» [4].

Следует заметить, что настаивая на междисциплинарности, сторонники медиации

если не упускают, то ставят под угрозу следующие аспекты, присущие всякой научной дисциплине [5]. Во-первых, размывается коллектив-общность исследователей (даже виртуальная), которых, по сути, связывает только специфический термин (медиация), лежащий в основе названия научного направления. Во-вторых, появляются проблемы с эффективностью признания результатов деятельности учёных и специалистов (публикаций и практики). В-третьих, затрудняется механизм подготовки кадров для воспроизводства «дисциплинарной общности». В-четвёртых, каждая дисциплинарная общность предполагает наличие авторитета парадигмы и дисциплинарного этоса, правил. В-пятых, слабо выражена сеть цитирования, что подрывает функцию интеграции дисциплины. В-шестых, предмет дисциплины не проясняется, а скорее размывается, «растаскивается».

Есть ещё некоторые побочные негативные эффекты междисциплинарности: дилетантизм, псевдонаучность, смешение разных типов проблем, выход за границы науки навстречу мистике, религии и т.п. [6, с. 10].

Междисциплинарные «срезы» медиации

Обычно под междисциплинарностью подразумевают взаимодействие между различными научными дисциплинами, которое может варьироваться от простого обмена идеями до взаимной методологической и теоретической интеграции, а также организации совместной научно-исследовательской деятельности [6]. Вот почему констатация междисциплинарного характера медиации — это только первый этап раскрытия данной проблемы.

Следующий шаг — определение перечня тех дисциплин, которые признают данное явление своим предметом. Это более аналитический этап, требующий серьёзного внимания. Если обратиться к вопросу о медиации, учитывая ту историческую и современную практику развития данного явления как социального феномена, то, как нам представляется, наиболее адекватным теоретико-методологическим подходом к исследованию медиации является её рассмотрение в русле социологического дискурса, что обусловлено как масштабом проявления проблемы, так и характером основных факторов её развития.

Медиация относится к видовым явлениям, род которых можно обозначить как социальные технологии, упорядочивающие социальные отношения и снимающие социальные конфликты. Если всю социальную жизнь свести, как писал классик российской литературы, к «войне и миру», то на пересечении этих двух социальных состояний как раз и будет находиться некий спектр средств, позволяющих перевести социальные отношения из состояния конфликта (войны) в состояние мира. Поскольку эта ситуация проявляется на всех уровнях социальных отношений — от межличностных до междисциплинарных (по Хантингтону), то феномен будет принимать самые различные формы в зависимости от этих уровней и, соответ-

ственно, становиться предметом научного интереса различных социальных дисциплин: от историософии и социальной философии до лингвистики и уголовного права.

При этом в явлении будут проявляться как родовые, так и видовые черты. Здесь встаёт проблема собственно выделения этих черт, т.е. проведения демаркации между научными дисциплинами. Это, так сказать, вертикальный срез междисциплинарности. При наличии сотрудничества между отраслями научного знания он будет в некоторой степени выглядеть иерархично, поскольку дисциплины, изучающие видовые черты медиации, должны учитывать наработки в части родовых черт, а более абстрактные дисциплины в свою очередь будут выполнять методологическую роль в отношении первых.

Кроме того, среди общих дисциплин необходимо всегда держать во внимании такую универсальную отрасль знания, как история. Если, согласно известному философскому постулату, «практика — критерий истины», то это в полной мере касается и нашего случая: «историческая практика» — критерий социальной истины. При этом опять же следует иметь в виду, что история также носит междисциплинарный характер [7].

Следующая проблема в развитии идеи междисциплинарности — это некий «горизонтальный срез», т.е. те виды медиации, которые практикуются в современном обществе. Как пишет Е.И. Химикус, «Исходя из анализа международной практики применения процедуры медиации можно выделить следующие виды медиации (посредничества): коммерческое посредничество, посредничество в сфере семейных правоотношений, общественное посредничество, строительное посредничество, медицинское посредничество, посредничество при рассмотрении уголовных дел» [8, с. 115].

Здесь возможны различные классификации, однако если даже остановиться

на самых очевидных, то можно выделить политическую медиацию, юридическую медиацию, медиацию в сфере предпринимательства, или экономическую медиацию, и большой пласт медиации в различных социальных отношениях. Во всех этих случаях тот теоретический центр, который владеет основной научной информацией о медиации (предположим, что он существует), должен взаимодействовать соответственно с дисциплинами, базирующимися на изучении этих сторон жизни социума: с политологией, юриспруденцией, экономическими науками и т.д. Причём под этими общими названиями кроются также системы дисциплин, число которых порой дискуссионно, поскольку научное знание динамично развивается, в «дисциплинарном» хозяйстве постоянно идут процессы слияния, разъединения, «мутации» и т.п.

Особая тема в контексте междисциплинарности – это взаимоотношение самих дисциплин. И.Т.Касавин выделяет три типа таких отношений: критика, заимствование и синтез [1, с. 65].

Критика происходит тогда, когда сторонники одной дисциплины выступают против подходов и методов другой, обосновывая свой подход как более эффективный. Заимствование наблюдается тогда, когда в рамках одной дисциплины используются понятия, подходы и методы другой. Синтез предполагает появление новых отраслей знания на стыке ранее существующих, появление новых картин мира.

Таким образом, тема междисциплинарности в отношении теории медиации выглядит весьма обширной, если не необъятной, хотя мы попытались её как-то упорядочить. Но проблема междисциплинарности, или, как иногда пишут, мультидисциплинарности, этим не исчерпывается.

Поли-мульти-трансдисциплинарность медиации

Вообще вся эта проблематика в эпистемологии обозначена как кроссдисциплинарность, которая разделяется на мультидисциплинарные, междисциплинарные и трансдисциплинарные исследования¹ (рис. 2). Наиболее популярны междисциплинарные исследования, которые используются, в частности, для решения новой актуальной проблемы, поставленной в новом предметном поле, которую ни одна из дисциплин самостоятельно удовлетворительно решить не может.

Как отмечает участник философского «спора о медиации» А.В.Тихонов, «Спор о медиации настолько существенный как для нашего обществоведения, так и для нашего общества, что он не подлежит юрисдикции какой-либо одной научной дисциплины, будь то философия, культурология или социология. Он даже не может быть признан междисциплинарным..., поскольку дисциплины находятся у нас на различных этапах своей научной институционализации и им договориться не удастся» [9, с. 239]. Тихонов обозначает проблему медиации как полидисциплинарную.

Особый интерес вызывает такое явление, как трансдисциплинарность. Сама приставка «транс» переводится как движение через пространство, пересечение его, нахождение за пределами чего-либо. Таким образом, трансдисциплинарность – это не просто попытка выхода за пределы дисциплинарных рамок. Как пишет А.В.Лубский, трансдисциплинарная стратегия «направлена на производство когнитивных моделей тех или иных сегментов социальной реальности в виде целостной системы знаний, синкретически обобщающих на метатеоретическом уровне научные результаты, полученные в ходе различных дисциплинарных и междисципли-

¹ Так, классик эпистемологии Ж.Пиаже в статье 1972 г. выделял 1) мультидисциплинарность как одностороннее дополнение одной дисциплины другой; 2) междисциплинарность как взаимодействие дисциплин; 3) трансдисциплинарность – как построение интегральных структур (цит. по: [1]).

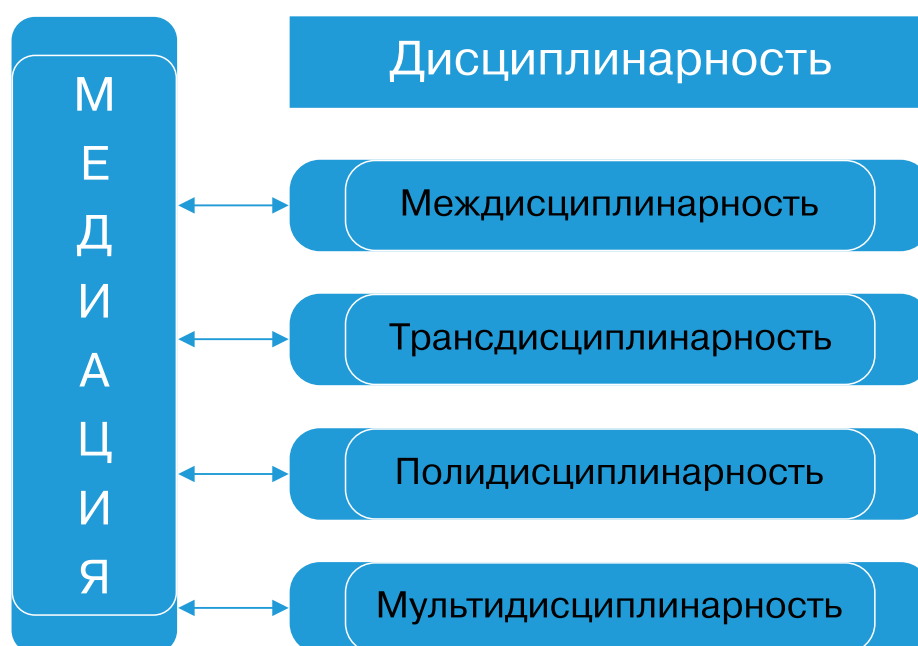

Рис. 2. Теория медиации на дисциплинарном «распутье»

нарных исследований практик, связанных с изучением этих сегментов» [6, с. 9]. Следствием этого является эмерджентный характер результатов.

Сторонником признания теории медиации уже трансдисциплинарным знанием является В.П.Графский. Свою позицию он обосновывает тем, что применительно к медиации можно сказать, что и сам медиатор, и стороны конфликтных ситуаций, и исследователь тех или иных медиативных процессов не являются обособленными по отношению друг к другу. Их роли не имеют явно выраженных субъект-объектных отношений, а представляют собой единое поле взаимодействия, где в качестве эксперта может выступить как исследователь, наблюдающий за процессом, так и медиатор и участники конфликта [10, с. 131].

Однако нам данная позиция представляется довольно спорной. Дело в том, что о выходе за пределы дисциплинарности можно говорить только тогда, когда этап дисциплинарности уже пройден, чего пока в теории медиации не наблюдается. В представлениях сторонников трансдисциплинарности синергетический эффект перехода через дис-

циплинарные границы должен наблюдаться не в результате взаимодействия сложившихся и развитых дисциплин, а в результате различных сочетаний разных отраслей знания и общественного сознания: науки, литературы, искусства, религии, обыденных представлений, а также различных проявлений практики; причём проблема синтеза всей этой информации, её оценки довольно затемнена. Кто будет иметь право высказывать своё авторитетное мнение в ситуации, когда профессионал-учёный и явный профан имеют одинаковые права, вообще неясно.

Анализ проблем дисциплинарности и междисциплинарности применительно к медиации важен потому, что они напрямую связаны с современным состоянием этой отрасли социального знания. Очевидно, что корректно о междисциплинарности можно говорить только тогда, когда сформировалась уже научная дисциплина или хотя бы её содержательное ядро. Как остроумно замечает А.Оскольский, «Междисциплинарность — это та роскошь, которую может позволить себе лишь развитая дисциплинарная наука» [11, с. 5].

После изучения множества работ по медиации, где применяется это понятие, можно констатировать, что пока о междисциплинарности говорить ещё рано. Так, философы, ведя жаркие споры о медиации, совсем не упоминают юридическую практику, где, как бы то ни было, но это уже институционализированное явление; психологи, рассуждая на темы медиации, совершенно не учитывают положения законодательства; социологи, к сожалению, ещё даже не приступили к данной проблематике; а юристы, пытаясь развить данный институт, кажется, изначально переоценили свои силы, создав слабо работающий механизм с неясными перспективами и пытаясь на «ходу» исправлять положение.

При рассмотрении основ развития исследований по проблеме медиации собственно не ясна «печка», от которой следует «танцевать», т.е. онтологический статус явления. Пока что только юристы выстроили в этом отношении некую стройную теорию, отнеся медиацию к средствам разрешения юридических конфликтов и обозначив её как альтернативную правосудию технологию урегулирования юридических конфликтов и споров, при этом, кажется, пытаются всецело присвоить себе это сложное явление.

Но даже в правовой сфере — довольно жёстко зарегламентированной — медиация начинает выходить из-под контроля, переходя в виде восстановительного правосудия в уголовное и административное пространство, в виде согласитель-

ных процедур — в конституционное право; наблюдается и ряд других явлений такого же свойства.

Иными словами, медиация не помещается в юридических рамках, и результат получается не такой, на какой рассчитывали. Однако самое главное — медиация как социокультурный феномен, приняв в основном юридическую форму, потеряла во многом свою гуманистическую сущность, превратившись в платную услугу, подобно медицинским или образовательным услугам. О кризисных явлениях в этих сферах жизни нашего общества сейчас не говорит только ленивый.

Думается, что при выстраивании новых концептов медиации основанием для их дальнейшего теоретического синтеза будет история как довольно твёрдое знание, не слишком подверженное конъюнктуре. Здесь действительно есть вопрос, на какой парадигме остановится исследователь: социально-культурной или формально-функциональной? Это, в свою очередь, предопределяет и перспективы развития данного феномена: или общество примет его, и медиация будет развиваться во многих формах и направлениях, раскрывая свою гуманитарную сущность; или её под всяческими юридическими формами, а таковые предложения уже имеются, будут продвигать дальше в коммерческих вариантах, что станет ещё одним бюрократическим изобретением, каковых уже немало создано в последнее время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Касавин И.Т. Междисциплинарное исследование: к понятию и типологии // Вопросы философии. 2010. № 4. С. 61–71.
2. Шамликашвили Ц., Харитонов С. Основания медиации (медиация как область научных исследований // Вестник ФИМ. 2017. № 2. С. 30–50.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиация как междисциплинарная наука и социально значимый институт // Психологическая наука и образование. 2014. № 2. С. 5–14.
4. Петров М.К. Язык. Знак. Культура. М., 1991.

5. Порус В.Н. «Междисциплинарность» как тема философии науки // Эпистемология философия науки. 2013. № 4. С. 5–13.
6. Лубский А.В. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов» // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 3–11.
7. Хвостова К.В. Междисциплинарный характер исторического знания // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1. С. 64–71.
8. Химикус Е.И. Виды медиации // Современное право. 2015. № 11. С. 114–117.
9. Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления М.: ЛЕНАНД, 2017.
10. Графский В.П. Медиация как наука о поиске и достижении согласия – движение от междисциплинарного подхода к трансдисциплинарности // Медиация: теория, практика, перспективы развития: Сборник материалов Первой всероссийской научно-практической конференции (23–24 апреля 2015 г., Москва) / Отв. ред. О.П. Вечерина. М.: ФИМ, 2015. С. 127–133.
11. Осольский А. Осторожно междисциплинарность! // Троицкий вариант 24.09.2013 № 138.

ENGLISH

Theory of Mediation as a Branch of Knowledge

Mikhail Nikolaevich Kozyuk – Cand. Sc. of Legal Sciences, associate professor of the Theory and History of State and Law chair, Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, supervisor of the project “Mediation technologies reducing social conflict in the operations of local government of Volgograd region” (16-13-34020a (r)).
E-mail: mkozyuk@yandex.ru

Today, the national social science features fast-paced studies on the theory of mediation. However, the branch status of this area is still obscure, which affects the quality of research. The paper explores various approaches to the definition of this status with a critical eye. Particular attention is paid to the thesis on the interdisciplinarity of the mediation theory. The author shows the consequences of classifying the mediation theory as an interdisciplinary branch. It is also troublesome, from the author’s point of view, to refer mediation purely to law. Mediation refers to phenomena that originate from social technologies ordering social relations and removing social conflicts. Only sociology and history can become the foundation of a new scientific branch. However, the mediation theory must first pass the stage of disciplinary constitutionalization, since its close interaction with many modern branches of knowledge would mean dissolution in them.

Keywords: mediation, academic branch of knowledge, transdisciplinarity, interdisciplinarity, history, mediation technologies, socio-legal institution

REFERENCES

1. Kasavin I.T. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie: k ponyatiyu i tipologii // Voprosy filosofii. 2010. № 4. S. 61–71 (in Russian).
2. Shamlikashvili Ts., Kharitonov S. Osnovaniya mediatsii (mediatsiya kak oblast' nauchnykh issledovaniy // Vestnik FIM. 2017. № 2. S. 30–50 (in Russian).

3. Shamlikashvili Ts.A. Mediatsiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka i sotsial'no znachimyy institut // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2014. № 2. S. 5–14 (in Russian).
4. Petrov M.K. Yazyk. Znak. Kul'tura. M., 1991 (in Russian).
5. Porus V.N. «Mezhdistsiplinarnost'» kak tema filosofii nauki // Epistemologiya filosofiya nauki. 2013. № 4. S. 5–13 (in Russian).
6. Lubskiy A.V. Mezhdistsiplinarnye nauchnye issledovaniya: kognitivnaya «moda» ili sotsial'nyy «vyzov» // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 10. S. 3–11 (in Russian).
7. Khvostova K.V. Mezhdistsiplinarnyy kharakter istoricheskogo znaniya // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2017. № 1. S. 64–71 (in Russian).
8. Khimikus E.I. Vidy mediatsii // Sovremennoe pravo. 2015. № 11. S. 114–117 (in Russian).
9. Davydov A.P., Rozin V.M. Spor o mediatsii: Raskol v Rossii i mediatsiya kak strategiya ego preodoleniya M.: LENAND, 2017 (in Russian).
10. Grafskiy V.P. Mediatsiya kak nauka o poiske i dostizhenii soglasiya – dvizhenie ot mezhdistsiplinarnogo podkhoda k transdistsiplinarnosti // Mediatsiya: teoriya, praktika, perspektivy razvitiya: Sbornik materialov Pervoy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (23–24 aprelya 2015 g., Moskva) / Otv. red. O.P. Vecherina. M.: FIM, 2015. С. 127–133 (in Russian).
11. Oskol'skiy A. Ostorozhno mezhdistsiplinarnost'! // Troitskiy variant 24.09.2013 № 138 (in Russian).

И.Ф. ДЕВЯТКО*

Источники норм, множественность нормативных систем и моральный релятивизм: объяснительные ресурсы социологической теории

В статье представлены основные социологические подходы к теоретическому осмыслению взаимосвязанных ключевых вопросов современной социологии морали — об источниках значимости множественных нормативных порядков, отношениях морали и власти, роли морали в качестве универсального посредника в потенциально конфликтных отношениях между различными нормативными системами (в частности, между государственным и негосударственным правом, системами профессиональной этики, религией, бюрократическими организационными правилами и т.п.). На основе критического анализа классических и современных подходов к проблемам источников норм и отношений между множественными нормативными системами, в частности правом и моралью, очерчиваются перспективные направления теоретической интерпретации взаимоотношений морали и права. В контексте реконструкции предложенной в недавних работах С.Люкса аргументации против тезиса морального релятивизма в социальных науках рассматриваются возможность описания «морального» и «конвенционального» как аналитически различных измерений социальных норм, а также перспективы использования концепции «участвующих реактивных установок» в качестве теоретической интерпретации общего источника моральных эмоций и суждений.

Ключевые слова: социальные нормы, конвенции, легитимный нормативный порядок, социологическая теория, теория права, множественность нормативных систем, мораль и право, моральный релятивизм

Источники норм

Восходящая к Веберу трактовка легитимных нормативных порядков как систем, в которых «поведение (в среднем и приближённо) ориентируется на отчётливо определяемые максимы» [1, с. 90],

явным образом предполагает *множественность* таких систем и *возможности расхождения* между ними не только в рамках группы, но и в рамках действий отдельного актора или даже индивидуального социального действия (так,

* **Девятко Инна Феликсовна** — доктор социологических наук, заведующая кафедрой анализа социальных институтов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Нормативное измерение социального действия и моральные основания социального порядка: от классических интерпретаций к современной социологии морали» (16-03-00697а).
E-mail: deviatko@gmail.com

например, «Участник дуэли ориентирует своё действие на кодекс чести, а скрывая его или, наоборот, демонстрируя готовность ответить перед судом, — на Уголовный кодекс» [Там же, с. 91]).

Если предположить, что конечным основанием действительности каждого из нормативных порядков является некая «основная норма» в духе Г.Кельзена¹, то на вопрос о возможных источниках социального признания самой этой нормы, которое определяет её всегда контингентную значимость, можно предложить ответ, основанный на разработанной Вебером классификации источников легитимности нормативного порядка. Вебер, как известно, указывает следующие источники приписывания легитимной значимости порядку действующими индивидами: «... в силу а) традиции — это значимость того, что было всегда; б) аффективной, особенно эмоциональной, веры — это значимость того, что явилось в откровении, или значимость идеала; с) ценностно-рациональной веры — значимость того, что сочтено абсолютно значимым; d) позитивного установления, легальность которого не вызывает сомнений вследствие α) соглашения заинтересованных лиц или β) октроирования (на основе считающегося легитимным господства одних над другими) и соответствующего ему подчинения [Там же, с. 95].

Проследивая параллелизм между основаниями легитимности норм и типами власти по Веберу, М.Спенсер в своё время предположил, что эта типология источников легитимности нормативных порядков может быть точно соотнесена не только с типологией социального действия, но и с веберовской класси-

фикацией чистых типов легитимного господства (рациональное в смысле легальности устанавливающих его формальных актов, традиционное и харизматическое) при условии введения в последнюю дополнительного «ценностно-рационального» типа господства, что позволит объяснить легитимность демократических институтов [2].

Не вдаваясь здесь в дискуссию о том, насколько обоснованно это предложение и насколько «случайным» могло быть отсутствие указанного типа в исходной трёхчленной классификации (см., например, [3, 4]), согласимся со Спенсером в том, что в представленной Вебером системе понятий (см. рис.) прослеживается связь между теми взаимодополняющими способами значимого упорядочения социальных взаимодействий, которые могут быть с долей упрощения представлены как «нормы» и «власть»: «...ключ к синтезу двух разделённых дискуссий о легитимности порядков и легитимности господства лежит в экспликации этих отношений, а именно того, что типы господства неизбежно существуют в некоторых взаимосвязях с нормами. Совокупная институциональная структура, лежащая в основании упорядоченного взаимодействия, всегда представляет собой некую амальгаму норм и власти» [2, p. 124].

Предельными реализациями такой «амальгамированной» социальной структуры выступают широко понимаемые «закон» и «мораль», воплощающие, соответственно, основанную на формальной легальности правовых норм власть безличного порядка и устанавливающую (или меняющую) нормы власть харизматического вождя, действующего на основа-

¹ Отметим здесь, что собственно логическая выводимость конкретных норм из некоей предзаданной основной нормы (например, «Должно вести себя так, как предписывает Конституция») может быть поставлена под сомнение, поскольку последняя, с точки зрения некогнитивистской позиции в этике, не является предложением, которое может быть истинным или ложным в буквальном смысле. Впрочем, само определение нормы Г.Кельзеном как схемы истолкования, соотнесение с которой придаёт действию объективный нормативный смысл (как отличный от субъективной интенции действующего), предполагает трактовку нормы не как содержания некоторого убеждения, а как объективного смысла акта воли, интенционально направленного на поведение других.

Рис. Параллелизм источников значимости легитимного порядка и легитимного господства по М. Веберу, интерпретация М. Спенсера

нии «выходящего за пределы повседневного опыта убеждения в святости или героической мощи, или совершенстве какой-то персоны и провозглашённого или созданного ею порядка» [1, с. 255]. Находящаяся же между ними, наряду с традиционной, ценностно-рациональная основа легитимности, т.е. рациональная вера в ценность того, что «сочтено абсолютно значимым», стабилизирует власть, опирающуюся на содержательные ценности (как, например, профессиональная власть врача или учёного опирается на ценность экспертного знания и рационально обоснованный этос профессионального поведения).

Однако такой взгляд на типологию источников нормативной значимости не даёт ответа на другой важный вопрос — о неравной нормативной значимости и соотносительном «весе» «отчётливо определяемых максимум» в случае принципиального расхождения между их предписани-

ями (так, в ситуации, когда сокрытие дуэли было бы позорным, а попадание в сферу действия Уголовного кодекса — равно неприемлемым с точки зрения эмоциональной веры в идеал безупречной гражданской репутации, описываемые Вебером возможности решения нормативного расхождения между требованиями кодекса чести и Уголовного кодекса едва ли были бы столь очевидными).

Множественность нормативных систем

Если нормативные системы, подобные праву, кодексу дворянской чести, профессиональной этике, бюрократическим организационным правилам и т.п., могут не только поддерживать друг друга, но и оказываться несоизмеримы или входить в конфликт в конкретном случае¹, то какую роль в разрешении таких конфликтов играет мораль как нормативная система и каковы источники её норма-

¹ Несоизмеримыми могут быть не только требования разных нормативных систем, но и требования относительно прав, определяемые в рамках одной системы. Примером может служить противоречие между правами женщины на контроль над своим телом и правом эмбриона на жизнь.

тивной силы или источники морального авторитета тех или иных позиций в нормативном конфликте?

Конечно, понятие права, как и понятие морали, может относиться к весьма вариативным типам нормативных систем, включающим в себя и далёкие от кодифицированных норм права или абстрактных моральных доктрин, характерных для индустриальных обществ. Однако вопрос о соотношении морали и права остаётся актуальным, идёт ли речь о не-государственном праве, религиозном праве и этике или профессиональном этическом кодексе. Как отмечает К.Хаймер, люди в большинстве случаев пытаются найти практический компромисс между нормативными предписаниями профессиональных групп, религиозных организаций, государства и т.п., хотя такие источники морального авторитета, как религия и право, склонны особенно настаивать на приоритете предлагаемых ими ответов [5, p. 187–188]. Определяя моральные нормы самым общим образом как источник должностования для акторов и критерий разграничения ими правильного и неправильного, воспринимаемый в качестве внешнего и не совпадающего с собственными интересами и предпочтениями [ibid., p. 180–181], этот автор старается также избежать известных трудностей разграничения «закона» и «не-закона» в социальной жизни, часто возникающих при обсуждении соотношения между «моралью» и «правом». Для этого Хаймер использует имеющий статус парадигматического пример основных подходов к ответу на вопрос о том, должна ли мораль быть внутренним источником права или право представляет собой автономную реальность, а именно — известный спор между развивавшим традицию теории позитивного права Г.А.Л. Хартом и сторонником современной версии теории естественного права Лоном Л. Фуллером, имевший место в конце 1950-х гг. [6, 7].

Позиции участников этого спора поддаются более чем одной интерпретации

[см., напр., 8], однако в целом можно принять упрощённое описание позиции Фуллера как утверждения необходимой связи морали и права на основе предположения о том, что сами по себе нарушения ряда формальных принципов легальности (проспективности, т.е. отсутствия обратной силы закона, открытой публикации, наличия правовых ограничений для государственных органов, не позволяющих произвольно и инструментально применять или не применять право и т.д.) разрушают внутреннюю моральность права и делают его нелегитимным. Именно это разрушение внутренней связи права и морали — безотносительно к нарушению внешних (содержательных, так называемых материальных) целей права, т.е. справедливости, защиты гражданских прав и т.п., — делало, с точки зрения Фуллера, нелегитимной юриспруденцию нацистской Германии. Тезис же Харта о том, что право — это право, даже если оно используется для глубоко аморальных целей, что, несомненно, имело место в случае нацистской юриспруденции, вёл к принятию следующей позиции: сама по себе законность тех или иных приказов не делала и не делает необходимым подчинение им с точки зрения морали: «Закон — это не мораль (morality); не позволяйте ему занять место морали» [6, p. 618].

Хаймер анализирует этот спор в качестве яркого воплощения продолжающейся дискуссии о нравственности права. Обращаясь к примеру современной критики попыток увязать формальную рациональность права и содержательные ценности справедливости и милосердия, она обосновывает следующий вывод: хотя в ситуациях, когда между «нравственным» и «законным» возникает заметное расхождение, стремление привести их в некоторое соответствие кажется разумным, всё же призыв Харта не подменять мораль правом остаётся актуальным, особенно сегодня, когда юридическое мышление овладело массами и сфера действия права необыкновенно расшири-

лась, включив в себя столь разные институциональные области, как медицина, литература, наука, отношения в семье и т.д. Ведь когда, например, принимая решения относительно жизни и смерти пациентов, врачи задаются вопросами о том, как это будет выглядеть с юридической точки зрения, хочется, чтобы они задумались и о том, как это будет выглядеть с точки зрения нравственности [5, p. 189].

Изложенные аргументы позволяют охарактеризовать нормативную систему морали в качестве *универсального посредника* в непростых отношениях между различными нормативными системами, в том числе системами права, профессиональной этики (включая медицинскую и юридическую) и т.д. Такая роль предполагает, что моральные нормы имеют не менее (если не более) прочный фундамент, чем иные нормативные системы.

Однако так ли это и не должна ли социология как эмпирическая наука, не связывающая себя с какой-либо метафизической доктриной, принять своего рода релятивистскую позицию в вопросах обоснования нормативной силы моральных норм и природы морального авторитета? Ответ на сформулированный вопрос важен с точки зрения концепции обыденной морали как универсального посредника и источника нормативных решений при урегулировании конфликтов между нормативными системами.

Критика тезиса морального релятивизма в социальной теории и дихотомия «моральное — конвенциональное»

С.Люкс (Льюкс), детально обсуждая версию релятивистской позиции в социаль-

но-научных исследованиях морали [9, 10], вводит сходное с дюркгеймовским разведением «этики философов» и социальной науки о «моральных фактах» разграничение между «высокой» интерпретацией принципов морали философами и «низкой» интерпретацией морали как господствующих локально и варьирующихся от культуры к культуре «нравов», распространённой в культурной антропологии [10, p. 550–551]. Относительно последней он замечает, что характерное для неё уравнивание «нравственности» и «нравов» само по себе подталкивает к типичной для сторонников тезиса о культурной относительности морали позиции редукции самой возможности различения «морального» и «не-морального/аморального» к различию «*принятого “здесь-и-сейчас”*» и «*непринятого*»¹ (что ведёт к подмене морали обычаем, конвенцией, в чём-то аналогичной обсуждавшейся выше её «подмене законом», в терминах Харта). Однако именно способность различать моральное и не-моральное (или аморальное) в местных обычаях и нравах — это то, что мы хотели бы понять и относительно «туземцев», которые это различие проводят достаточно уверенно, и относительно нас самих, являемся ли мы специалистами по этике, антропологами, социологами или кем-то ещё. Одним из следствий того типа морального релятивизма в социальных науках, который связан с тезисом культурной относительности в антропологии, стало принятие имплицитно нормативной и, как показывает Люкс, явно противоречивой трактовки толерантности как универсальной позиции, следующей из «новой социальной веры» в то, что не существу-

¹ Последнее прослеживается уже в античности — у Геродота, который осуждал персидского царя Камбиса за нежелание с уважением относиться к естественному разнообразию обычаев у народов и осуждал апокрифические диалоги Дария с практиковавшими кремацию эллинами и индийцами-каллатиями, в свою очередь считавшими выражением почтения к умершим ритуальный эндоканнибализм, в ходе которых и те, и другие отвергли как кощунственные погребальные обычаи друг друга. Геродот соглашался с поэтом Пиндаром в том, что «обычай — царь всего» [11]. Люкс в качестве более современных примеров приводит, в частности, взгляды У.Г. Самнера, прямо определявшего аморальное как противоречащее нравам в данном месте и данное время, и Р. Бенедикт, сводившей мораль к «социально одобряемой привычке».

ет никакого внешнего, трансцендентного по отношению к локальным нормативным системам критерия для их соизмерения, и, следовательно, необходимо принимать в качестве сосуществующих и в равной мере обоснованных все «паттерны жизни, созданные человечеством» (здесь Люкс цитирует Р.Бенедикт [9, р. 39]).

При всём благородстве мотивов сторонников культурной относительности, стремившихся оградить локальные культуры от взвешивания на весах нравственного прогресса и соответствующего иерархического упорядочивания, отмечает Люкс, эта трактовка обнаруживает серьёзные концептуальные проблемы, на которых здесь мы можем остановиться только очень кратко. Во-первых, культурный релятивизм не предполагает толерантности: если любое моральное убеждение культурно обусловлено, нет причин предпочитать демократические и эгалитаристские взгляды расизму или национализму. Муссолини, напоминает нам Люкс, прямо называл себя моральным релятивистом, некоторые антидрейфусары полагали правильным оценивать всё «с точки зрения интересов Франции» [Ibid., р. 39–40]. Подобные примеры можно найти и в российской истории. Наконец, цитируя Ц.Тодорова [12], Люкс отмечает, что последовательный релятивист вправе желать, чтобы все иностранцы уехали обратно на родину, чтобы жить там в окружении ценностей собственной культуры. Во-вторых, он отмечает известный факт внутренней противоречивости позиции, с одной стороны, утверждающей относительность всех моральных принципов, а с другой — провозглашающей универсальным моральный принцип толерантности. И, наконец, если логическим следствием культурного релятивизма является воздержание от (нерелятивистских) моральных суждений и нежелание осуждать, то толерантность именно предполагает возможность негативного оценочного суждения или прямого осуждения [9, р. 39–40].

Резюмируя, Люкс отмечает, что хотя довоенная антропология, в частности школа Боаса, использовала доктрину культурной относительности в заслуживающей всяческого признания борьбе с нетерпимостью, этноцентризмом и расизмом, после Второй мировой войны она значительно потеряла в убедительности перед лицом феномена нацизма (доктрины которого также поддаются описанию в терминах культурно-специфических нормативных убеждений и локально одобряемых практик), что, однако, не привело к созданию новой «антропологии этики».

В статье [10] Люкс отмечает, что попытки современной психологии прямо определить факторы, детерминирующие отнесение правил или норм к «моральным» либо, наоборот, просто к «конвенциональным», прежде всего восходящие к работам Э.Туриэля [13], также трудно считать вполне успешными. Используемое в этих работах, посвящённых психологии морального развития ребёнка, различие морального и конвенционального может быть оспорено с помощью эмпирических контрпримеров, демонстрирующих сильные моральные эмоции, которые связаны с нарушением конвенций или, напротив, сравнительно спокойное отношение к влекущим за собой вред для широкого круга третьих лиц преднамеренным нарушениям права (например, к фактам коррупции). Более общее соображение относительно возможных негативных экстерналий поведения, нарушающего нормы этикета или хорошего вкуса, для группы обсуждается мною в работе [14] в контексте взглядов на эту проблему Дж.С.Коулмена.

Рассматривая обсуждаемую нами выше проблему наличия собственно «деонтического» (морального) ядра в нормах, Люкс отчасти принимает следующую позицию: различие морального и конвенционального — это не различие двух классов норм. Моральное и конвенциональное — это аналитически различные

измерения специфических норм. С этой точки зрения стремление проявить почтение к умершим предкам является общим моральным измерением вариативных норм, определяющих должное, заслуживающее похвалы (то есть выражающее уважение к их достоинству) обращение с покойными родственниками в двух культурах, описываемых Геродотом. А их конвенциональные измерения радикально различаются в соответствии с локальным культурным контекстом, определяющим допустимые поведенческие манифестации указанного стремления. Эта позиция в целом совместима с предложенной в [14] интерпретацией позиции Кельзена относительно возможности множественных истолкований основной нормы с помощью привязанных к локальному контексту дополнительных посылок, что обеспечивает гибкость, открытость и вариативность нормативных систем.

Люкс скептически относится к позиции широко понимаемого социального конструкционизма (т.е. совмещения в некоторой пропорции тезисов контингентности моральных убеждений, экстернализма в определении их содержания и номинализма по отношению к существующим категоризациям) в вопросе о существовании универсального «ядра» или репертуара для множественных реализаций моральных норм — и в силу того, что предполагаемое социальное конструирование морали неизбежно отсылает нас к вопросу о том, *что*, собственно, конструируется, и в силу принимаемой им концепции реактивных моральных установок в версии П.Ф.Стросона [15; 16].

Люкс признаёт полезность характерного для социального конструкционизма как экстернализма привлечения интереса социологов к роли власти, а также гегемонических групповых, национальных и классовых интересов в интерпретации и навязывании моральных стандартов и проведении границ морального. Однако он обращает внимание и на вездесу-

щий характер морального сопротивления и моральных идеологий меньшинства — от религиозных и национальных движений и институтов до скрытых социальных пространств и тайных кодов подчинённых меньшинств, субкультур или страт (тайных религиозных культов чёрных рабов, кухонных посиделок советской интеллигенции, добровольных участников проектов типа WikiLeaks и т.п.). Таким образом, сущностный вопрос для Люкса сводится к тому, *что именно и в каких пределах* может быть сконструировано (с точки зрения тезисов контингентности и номинализма).

Очерчивая заданные «жёсткими» фактами о человеческой природе и социальном взаимодействии границы, в рамках которых возможны вариативные интерпретации морального, он полагает, вслед за Стросоном, что существуют фундаментальные и общие человеческие интересы и соответствующие им добродетели, которые могут и должны быть признаваемы в силу того, что они являются логическими условиями существования любого мыслимого морального сообщества — абстрактная идея справедливости, некая форма приверженности взаимопомощи или взаимному воздержанию от причинения вреда и, «в какой-то форме и степени», идея честности [10]. Последние проявляются в виде «участвующих реактивных установок» как естественных человеческих реакций на добрую или злую волю других людей по отношению к нам, проявляющуюся в их действиях и показывающую, насколько они считаются с нами, сочувствуют, уважают нас либо, напротив, проявляют безразличие, презрение или недоброжелательность [16, р. 22, цит. по: 10, р. 555].

В обобщённой форме эти установки и вызываемые ими моральные чувства — негодование, обида, благодарность и т.п. — переносятся и на такие действия по отношению к третьим лицам (и даже на наши собственные действия по отношению к последним, когда речь идёт о само-ре-

активных установках), что в любом случае требуют выполнения условий приписывания ответственности за действия. Отметим попутно, что условия приписывания моральной ответственности, вины или заслуги для «высокой» и «низкой», «народной» морали не обязательно совпадают (см., в частности, [17]). Существенной особенностью реактивных установок является то, что это «не-отстранённые» установки и суждения с позиции участников взаимодействия или участников некоторого морального сообщества. Ещё более существенным является принимаемое Люксом вслед за Стросоном противопоставление реактивным установкам как основе морали так называемых объективных установок, которые не предполагают вовлечения или полноценного участия в социальном взаимодействии и возникают, когда мы рассматриваем других людей (исключительно) как объект воздействия, обращения, лечения, контроля и т.д. Условием принятия такой объективной установки является рассмотрение «объекта воздействия» как непригодного, неполноценного или в каком-то смысле не вполне подходящего для повседневных межличностных отношений [16, р. 26, цит. по 10, р. 556].

Среди преимуществ такого взгляда на мораль — возможность использовать его в качестве способа идентифициро-

вать и эмпирически исследовать множественные системы моральных норм. Последние в этом случае рассматриваются как виды или множественные реализации одного рода, или как основа «трансчеловеческого» репертуара морали. Возможно также использовать его как некую границу, позволяющую очертить и эмпирически исследовать социальные условия, при которых временное принятие «объективной установки» в форме «подвешивания» реактивной (например, в роли врача, выполняющего болезненную манипуляцию в долгосрочных интересах больного) переходит в фундаментальное, отрицающее саму возможность последней [10, р. 558].

Наконец, такая интерпретация морального измерения норм позволяет отчётливо увидеть, что только с «внешней» точки зрения объективной установки (ср. также с понятием «внешней» точки зрения на правила у Харта, проанализированным в [14, с. 19–21]) могут возникнуть сомнения в статусе наших (и не только) моральных представлений, что, в случае смешивания этой точки зрения с «перспективой от первого лица», характерной для морального действия, составляет единственно возможную и, признаем, весьма относительную почву для морального релятивизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. / Пер. с нем., сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: ИД Высшей школы экономики, 2016. Т. 1.
2. Spencer M.E. Weber on legitimate norms and authority // *The British Journal of Sociology*. Vol. 21(2). 1970. P. 123–134.
3. Albrow M. Weber on legitimate norms and authority: A comment on Martin E. Spencer's account // *The British Journal of Sociology*. Vol. 23 (4). 1972. P. 483–487.
4. Guzmán S.G. Substantive-rational authority: The missing fourth pure type in Weber's typology of legitimate domination // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 15 (1). 2015. P. 73–95.
5. Heimer C.A. The unstable alliance of law and morality // *Handbook of the sociology of morality* / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. New York et al.: Springer, 2010. P. 179–202.
6. Hart H.L. A. Positivism and the separation of law and morals // *Harvard Law Review*. 1958. 71 (4). P. 593–629.
7. Fuller L.L. Positivism and fidelity to law: A reply to professor Hart // *Harvard Law Review*. 1958. 71 (4). P. 630–672.

8. Waldron J. Positivism and legality: Hart's equivocal response to Fuller // New York University Law Review. Vol. 83 (4). 2008. P. 1135–1169.
9. Lukes S. Moral relativism. London: Profile Books, 2008.
10. Lukes S. The social construction of morality? // Handbook of the sociology of morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. New York et al.: Springer, 2010. P. 549–560.
11. Геродот. История: В 9 кн. / Пер. и прим. Г.А. Стратановского; Под общ. ред. С.Л. Утченко; Ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. Кн. 3 (Талия). С. 138–186.
12. Todorov T. Facing the extreme: Moral life in the concentration camps. New York: Metropolitan Books, 1996.
13. Turiel E. The culture of morality: Social development, context and conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
14. Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории: от классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / Отв. ред.: И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М.: Весь мир, 2017. Гл. 1. С. 10–42.
15. Strawson P.F. Social morality and individual ideal // Philosophy. Vol. 36 (136). 1961. P. 1–17.
16. Strawson P.F. Freedom and resentment // Free will and reactive attitudes: Perspectives on P.F. Strawson's «Freedom and resentment» (1962) / Ed. by Michael McKenna and Paul Russell. Farnham: Ashgate, 2008.
17. Девятко И.Ф., Гаврилов К.А. Обыденные суждения о причинности и вине за непреднамеренные негативные последствия действий: экспериментальный подход к оценке влияния // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 217–231.

ENGLISH

Sources of Norms, Plurality of Regulatory Systems and Moral Relativism: Explanatory Resources of Sociological Theory

Inna Feliksovna Devyatko – Dr. Sc. of Sociology, head of the analysis of social institutions chair, the National Research University Higher School of Economics, chief researcher of the Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Regulatory measurement of social action and moral foundations of social order: from classical interpretations to modern sociology of morality” (16-03-00697a).

E-mail: deviatko@gmail.com

The research describes the core sociological approaches to the theoretical interpretation of interrelated key issues of modern sociology of morality – the sources of the significance of multiple regulatory orders, the relations of morality and power, the role of morality as a universal intermediary in potential conflicts among regulatory systems (in particular, between state and non-state laws, professional ethics, religion, corporate codes of conduct, etc.). Based on the critical scrutiny of classical and modern approaches to the sources of norms and relations between multiple regulatory systems, in particular law and morality, the author outlines perspective directions of the theoretical interpretation of the relationship between morality and law. Using the reconstructed reasoning against the thesis of moral relativism in the social sciences recently offered by S. Lukes, the research studies the possibility of describing “moral” and “conventional” as analytically different dimensions of social norms, as well as the prospects of using the concept of “participating reactive mindsets” as a theoretical interpretation of the general source of moral emotions and judgments.

Keywords: social norms, conventions, legitimate regulatory order, sociological theory, theory of law, plurality of regulatory systems, morality and law, moral relativism

REFERENCES

1. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii: V 4 t. / Per. s nem., sost., obshch. red. i predisl. L.G. Ionina. M.: ID Vysshey shkoly ekonomiki, 2016. T. 1 (in Russian).
2. Spencer M.E. Weber on legitimate norms and authority // The British Journal of Sociology. Vol. 21 (2). 1970. P. 123–134.
3. Albrow M. Weber on legitimate norms and authority: A comment on Martin E. Spencer's account // The British Journal of Sociology. Vol. 23 (4). 1972. P. 483–487.
4. Guzmán S.G. Substantive-rational authority: The missing fourth pure type in Weber's typology of legitimate domination // Journal of Classical Sociology. Vol. 15 (1). 2015. P. 73–95.
5. Heimer C.A. The unstable alliance of law and morality // Handbook of the sociology of morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. New York et al.: Springer, 2010. P. 179–202.
6. Hart H.L. A. Positivism and the separation of law and morals // Harvard Law Review. 1958. 71 (4). P. 593–629.
7. Fuller L.L. Positivism and fidelity to law: A reply to professor Hart // Harvard Law Review. 1958. 71 (4). P. 630–672.
8. Waldron J. Positivism and legality: Hart's equivocal response to Fuller // New York University Law Review. Vol. 83 (4). 2008. P. 1135–1169.
9. Lukes S. Moral relativism. London: Profile Books, 2008.
10. Lukes S. The social construction of morality? // Handbook of the sociology of morality / Ed. by S. Hitlin, S. Vaisey. New York et al.: Springer, 2010. P. 549–560.
11. Gerodot. Istoriya: V 9 kn. / Per. i prim. G.A. Stratanovskogo; Pod obshch. red. S.L. Utchenko; Red. per. N.A. Meshcherskiy. L.: Nauka, 1972. Kn. 3 (Taliya). S. 138–186 (in Russian).
12. Todorov T. Facing the extreme: Moral life in the concentration camps. New York: Metropolitan Books, 1996.
13. Turiel E. The culture of morality: Social development, context and conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
14. Devyatko I.F. Ponyatie normy v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh osnovaniy k novym interpretatsiyam prirody norm i mnozhestvennosti normativnykh sistem // Normy i moral' v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam / Otв. red.: I.F. Devyatko, R.N. Abramov, I.V. Katernyy. M.: Ves' mir, 2017. Gl. 1. S. 10–42 (in Russian).
15. Strawson P.F. Social morality and individual ideal // Philosophy. Vol. 36 (136). 1961. P. 1–17.
16. Strawson P.F. Freedom and resentment // Free will and reactive attitudes: Perspectives on P.F. Strawson's «Freedom and resentment» (1962) / Ed. by Michael McKenna and Paul Russell. Farnham: Ashgate, 2008.
17. Devyatko I.F., Gavrilov K.A. Obydennye suzheniya o prichinnosti i vine za neprednamerennye negativnye posledstviya deystviy: eksperimental'nyy podkhod k otsenke vliyaniya // Obydennoe i nauchnoe znanie ob obshchestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii. M.: Progress-Traditsiya, 2015. С. 217–231 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 8-801, 81

ГРНТИ 17.71.01

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-82-96

М.Н. ВЛАСОВА*

Быт и фольклор «несуществующих» деревень

В статье обобщены результаты работы над проектом «Фольклор “несуществующих” деревень (особенности и контексты бытования)». Ведущей в исследовательском проекте является тема сохранения и преемственности народного творчества, народной памяти на фоне радикальных изменений традиционного хозяйственно-бытового уклада и мировоззрения севернорусской деревни. Углублённое и комплексное, связанное с дисциплинарными областями фольклористики, этнографии, истории обследование удалённых и «неперспективных» деревень расширяет и уточняет наши представления о современном социально-экономическом состоянии поселений Русского Севера, о духовной культуре и менталитете одной из групп коренного населения — поморов.

Ключевые слова: фольклористика, текстология, этнография, отечественная история, прозаический фольклор, традиционное мировоззрение, локальные традиции

Итогом работы над проектом стало монографическое исследование, дополненное Приложениями — публикацией собранных фольклорных произведений, сгруппированных по месту записи и прокомментированных.

В монографии охарактеризованы особенности бытования и сохранения традиционного уклада и фольклора в деревнях, которые выведены из реестра существующих либо обрели статус дачных посёлков. Объекты исследования — с. Ке-

реть (Карельский берег Белого моря), д. Тетрино (Терский берег Белого моря) и д. Сёмжа (Мезенский район, нижнее течение р. Мезени). Все эти поселения расположены на беломорском побережье, но в регионах, существенно различающихся по природно-климатическим, промыслово-хозяйственным и социально-историческим условиям.

Основа исследования — фольклор, по преимуществу прозаический, собранный автором проекта в ежегодно проводившихся экспедициях 2008–2017 гг.,

* **Власова Марина Никитична** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русского фольклора Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, руководитель проекта «Фольклор “несуществующих” деревень (особенности и контексты бытования)» (16-04-00315а).
E-mail: mrsteelheart@yandex.ru

сопоставленный с фольклорно-этнографическими материалами экспедиций 1978–1988 гг., а также со сведениями, почерпнутыми из архивов Мурманска, Петрозаводска, Санкт-Петербурга¹ и публикаций XIX–XX вв.

Повседневный обиход и основные отрасли хозяйства

«Морские промыслы, а также озёрное и речное рыболовство, явившись изначально основой хозяйственной деятельности жителей, заселивших беломорское побережье, сыграли большую роль в формировании общих черт социально-экономической структуры, культуры и быта поморов, выделяющих их в общей массе северно-русского населения», — полагает Т.А. Бернштам. Особенности этнической истории, разная степень интенсивности тех или иных промыслов, их своеобразное сочетание друг с другом, а также с речным, озёрным ловом и прочими видами хозяйственной деятельности обусловили специфику общественно-хозяйственного и культурно-бытового уклада разных побережий Белого моря [З, с. 93]. В описываемых регионах местная специфика весьма значительна. Приблизительно с XVI в. роль морских промыслов становится здесь ведущей.

Повсеместно наиболее выгодным и привлекательным считали промысел сёмги, который оставался таковым в селениях Терского берега Белого моря (и в том числе в д. Тетрино) вплоть до начала XXI в.

На Карельском и Зимнем берегах Белого моря начиная с XVIII в. сёмужий промысел, сохраняя свою значимость, постепенно уступал первенство добыче сельди (с. Кереть Карельского берега Белого моря); сельди и наваги (д. Сёмжа Зимнего берега Белого моря).

Развитие наважьего промысла повлияло на хозяйственный уклад д. Сёмжи — форпоста поморских деревень на право-

бережье Мезенской губы. Для сёмженских артелей, а позднее — колхоза — наважий промысел стал основным видом деятельности в осенне-зимний период.

Добыча морского зверя, «оформившаяся в промысел» в течение XVII в. [З, с. 93], также занимала в хозяйстве разных регионов Белого моря неодинаковое по выгоды место.

Со второй половины XIX в. в связи с увеличением спроса на звериные сало и кожи основным центром зимне-весеннего зверобойного промысла стала северо-восточная часть Зимнего берега. Селения местных жителей располагались сравнительно недалеко от лежбищ морского зверя в Мезенском и Конушинском заливах. С начала марта крестьяне д. Сёмжи промышленляли морского зверя непосредственно близ своей деревни.

На Терском берегу торос — «промысел тюленей (гренландских. — М.В.) в период их скопления на льду» — не был таким же жизненно важным, как промысел сёмги. Зверобойный промысел получил здесь заметное развитие во второй половине XIX в., но на протяжении XX в., в зависимости от его успешности, то прерывался, то возобновлялся.

В отличие от жителей д. Тетрино и Сёмжи сельчане из Керети в сколько-нибудь масштабном зверобойном промысле не участвовали. Морского зверя, как правило, добывали на «домашних» тонях — нерпичьих, а также на некоторых селёдочных и сёмужьих.

Ввиду особенностей климата и сосредоточенности на промыслах скотоводство и огородничество в с. Кереть, д. Тетрино и Сёмже носило подсобный характер. В д. Сёмже, в ограниченных размерах, развивалось земледелие — выращивание жита (ячменя).

В целом хозяйство исследуемых регионов на протяжении XIX — начала XX в. было многоукладным: основные виды про-

¹ Архивы Мурманского областного краеведческого музея, Карельского научного центра (Петрозаводск), Российского географического общества; Фонограммархив ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

мыслов сочетались с менее существенными, но необходимыми занятиями.

Так, в с. Кереть, долгое время находившемся на оживлённом тракте между Кемью и Каңдалакшей, немалой статьёй дохода многих семей являлся извоз [7, с. 197–198].

Особое местоположение – при впадении реки Мезени в Мезенскую губу, близость к морским и речным путям, к сухопутной дороге, ведущей на полуостров Канин, – сформировало и хозяйственный уклад д. Сёмжи.

Её население неизменно оставалось весьма «мобильным» в выборе доходных занятий, сочетая и рыболовство, и зверобойный промысел, и охоту. Здесь процветала лоцманская служба, а с появлением лесозаводов добычу рыбы сильно потеснили погрузка леса на пароходы и плавание на судах лесозавода в период навигации.

Появление в конце XIX – начале XX в. лесозаводов на всех описываемых берегах Белого моря оказало большое, хотя и двойственное влияние на судьбу близлежащих поморских поселений. Практически не сказавшись на хозяйственном укладе отдалённой д. Тетрино, оно вызвало отток жителей с. Керети и д. Сёмжи на более выгодные лесозаводские работы. И если семжане не покидали родной деревни, то некоторые из керетчан переезжали в лесозаводский посёлок, а позже, с развитием в Чупинской губе рудничной промышленности – в рудничные посёлки.

Таким образом, мы можем уточнить и конкретизировать для с. Кереть, д. Тетрино и Сёмжи реестр основных занятий поморов Терского, Карельского и Зимнего берегов, составленный Т.А. Бернштам [3, с. 130–131]¹.

Организация промыслов

Тонские (промысловые) участки беломорских побережий традиционно составляли общинное владение. Приблизительно с середины XIX в. они находи-

лись в распоряжении сельских обществ [5, с. 50, 51; 14, с. 353].

«Общинный контроль» над наиболее значимыми видами промысла осуществлялся в поморских поселениях по-разному. Общие принципы распределения промысловых угодий дополнялись почти в каждой деревне своими особыми правилами (не выходящими, правда, за рамки принятых в данном регионе и способствующими получению наибольшей выгоды от промысловой деятельности). К примеру, в с. Кереть и д. Тетрино доминировала «семейная» форма организации рыбного лова, когда на тонях сидели «семьями», приглашая иногда в помощь, помимо родственников, надёжных соседей-односельчан.

«Большие семьи», которые объединяли несколько поколений, а также семейства ближайших родственников сохранялись в описываемых регионах сравнительно долго – вплоть до середины XX в., поскольку промысловое хозяйство «несравнимо удобнее было вести большим, спаянным сознанием своего единства коллективом» [3, с. 134].

Артельно (вплоть до 30-х гг. XX в.) вёлся наважий и зверобойный промысел в д. Сёмже, причём на зверобойку снаряжали «свои» артельные лодки, а навагу добывали зачастую присоединяясь к сторонним артелям (фото 1).

Коллективизация начала 30-х гг. XX в. – во многом благодаря многолетней привычке к совместному артельному труду – прошла в Сёмже и Тетрино относительно гладко. С возникновением колхозов основной формой организации промыслов стала бригада; тонские участки распределялись централизованно, под контролем колхозного правления.

Помимо радикальных недочётов колхозного обихода, сопряжённых, главным образом, с неадекватной оплатой работы колхозников, можно отметить и несомненные достижения: появление кол-

¹ Детально эти уточнения изложены во Введении к монографическому исследованию.

Фото 1. Сёмженские промысловики (снимок 30-х гг. XX в.)

хозного тралового флота, промышлявшего на Мурмане (д. Тетрино), и разработку новых сельхозугодий, которая сопровождалась развитием животноводства и земледелия (д. Тетрино и Сёмжа). Ведение сельского хозяйства в суровых условиях Севера требовало немалых, иногда чрезмерных усилий, но обеспечивало колхозы дополнительным доходом.

В период колхозного строительства процесс разложения традиционного бытового уклада и мировоззрения, конечно же, ускорился, однако основные виды промысловой деятельности остались прежними.

Хозяйственно-промысловый и праздничный календари¹

Сезонное распределение промыслов и хозяйственных работ в с. Кереть, д. Тетрино и Сёмже зависело от их географического положения, особенностей климата и ландшафта, доминирования тех или иных видов промыслов и т.п.

Канвой, в которую легко уложился практический опыт крестьянина и которая естественно вобрала традиционные обряды и праздники, послужили святцы. Локальная структура праздничного года формировалась путём «предпочтительного отбора» основных дат православного календаря, соотнесённых с летними и зимними солнцеворотами и другими «поворотными» моментами года (наступлением весны и осени) [11, с. 8; 4, с. 227], также с периодами, особо важными для хозяйственно-промысловой деятельности.

Праздничные календари с. Кереть, д. Тетрино и Сёмжа, оставаясь в общих чертах традиционным для Русского Севера, приобрели специфические местные черты. Вследствие «промысловой направленности» из этих календарей исчез ряд праздников и обрядов аграрного цикла, но выделился ряд важных для поморов-промысловиков дат.

Ключевое место в праздничных календарях — по единству структуры, разно-

¹ Подробному описанию хозяйственно-промысловых и праздничных календарей посвящены соответствующие главы монографии.

образию обрядности и живости воспоминаний — занимает Рождество, точнее — всё святочное время (от 7 до 19 января)¹, и в меньшей степени — Пасха и Троица.

Последовательность прочих чтимых дат праздничного календаря реконструируется на основании имеющихся фольклорно-этнографических материалов отрывочно, с локальными особенностями в каждом из поселений.

Центральными традиционно оставались престольные праздники.

В Керети (1857 г.) была освящена церковь с тремя престолами: «главный, во имя Николая Чудотворца; второй, в южной части храма, во имя Великомученика Георгия и третий, в северной части, — в честь преподобного Варлаама Керетского» (останки его святых мощей хранились в раке в северной части храма) [6, с. 181–183]. Основные престольные праздники Керети приходились на 19 декабря либо 22 мая (дни «Никола зимнего и летнего»), на 6 мая (Егорьев день), а также на 19 ноября — день почитания преподобного Варлаама Керетского.

Престольными праздниками д. Тетрино стали Троица и Васильев день. В конце XIX в. здесь имелись Троицкая церковь и небольшой храм во имя святителя Василия Великого. День святителя Василия Великого, один из «святочных», был одновременно первым днём нового года (14 января по новому стилю). Васильевскую церковь тетринчане именовали «зимней» (тёплой), Троицкую церковь — «летней» (холодной). Празднуя Пасху, в 12 часов ночи переходили из Васильевской церкви в Троицкую.

Сёмженская церковь освящена во имя Николы, покровителя плавающих и путешественников (1847 г.). Соответственно, престольными праздниками должны были стать «Никола весенний» (22 мая) либо «Никола зимний» (19 декабря). Однако престольный праздник д. Сёмжи — осенняя «Светина» (30 сентября), дата освящения церкви. Выяснить, какие причины

Фото 2. Прасковья Васильевна Филатова (в девичестве Антипина), уроженка г. Мезени, в свадебном наряде. Снимок 1904–1905 гг.

обусловили эту необычную трансформацию, пока не удалось.

Особенность Сёмжи — многолетнее существование бок о бок православных и старообрядцев. В деревне была возведена старообрядческая церковь во имя иконы Казанской Божьей Матери (1905 г.). Икона Казанской Божьей Матери была главной святыней Сёмженского скита («Келий»). «Светину» старообрядческой церкви отмечали 15 июля — в день её освящения.

Из воспоминаний сёмжан следует, что старообрядчества придерживалась значительная часть местных жителей. Это создавало коллизию постоянной «перемены вер». Обычно из православия в старообрядчество и обратно переходили при женитьбе либо замужестве.

¹ Здесь и далее даты даются по новому стилю.

«Вот бабушка у меня мезенская, из рода Антипиных, там православна была, — поясняет родившаяся перед войной жительница деревни. — Дед её ездил сватать трижды.

На третий раз она всё-таки согласилась. Ведь она приняла... старообрядческую веру» (фото 2).

Столь «веротерпимый» обычай позволяет предположить, что сосуществование православных и старообрядцев было в Сёмже, по крайней мере — во второй половине XX в., вполне мирным.

Несмотря на разность чтимых дат, престольные праздники в с. Кереть, д. Тетрино и Сёмже отмечали почти одинаково. Как и большие («двунадесятые») праздненства, они длились, как правило, по три дня — с застольями («гостьбами»), сбором и угощением родни, друзей-односельчан. Трёхдневное гулянье сопровождалось танцами и песнями.

Фольклор¹

К сожалению, в с. Кереть, д. Тетрино и Сёмже на протяжении XIX–XX вв. направленно и систематически фольклорно-этнографические материалы не собирали. «Пик собирательства» (преимущественно сказок) пришёлся здесь на 30-е – 80-е гг. XX в.; прочие периоды представлены отрывочными записями².

Такая «разрозненность» создаёт большие трудности для исследователей более поздних лет, вынужденных просматривать обширные архивные коллекции в поисках единичных искомых текстов. Некоторые лакуны удаётся заполнить во время экспедиционных поездок. Всё это не умаляет, однако, богатства, разнообразия, уникальности поморской традиционной культуры.

Среди фольклорных материалов, собранных в Керети, доминирует песенный и прозаический фольклор (главным об-

разом — сказки), который систематически фиксировался с начала 30-х гг. XX в.

Кереть обладала сравнительно развитой былинно-балладной традицией. Однако в конце 50-х гг. XX в. эта традиция находилась в стадии угасания — в противовес традиции песенной, «хорошую сохранность» которой собиратели объясняли, в частности, «особенностями быта поморского села, где главное занятие — рыбная ловля» [12, л. 40]. «Песни пели, когда ездили на море ловить рыбу. Одна из исполнительниц заметила: “Вот и сейчас споём, будто в карбасе едем”» [10, л. 1].

«Исконный керетский репертуар», хранящийся в основном керетчанами старшего поколения, постепенно вытесняли жестикие романсы, песни времён Великой Отечественной войны, популярные песни из кинофильмов и т.п.

Долгое время продолжал бытовать и развиваться более соотносимый с изменяющейся жизнью жанр частушки, где нашли отражение и значимые события истории, и «новые модные веяния»:

*Через речку быстрюю
Телефон я выстрою
И по этим по струнам
Дам милашке телеграм.*

*Ты, германец, ты, германец,
Разлучил с залёточкой:
Его взяли на войну,
Осталась я сироточкой.
[12, л. 133]*

Основная часть сказок, записанных в 30-х – 40-х гг. XX в. от выдающегося исполнителя Матвея Михайловича Коргуева, была опубликована карельским фольклористом А.Н. Нечаевым [2]. М.М. Коргуев привлекал слушателей и манерой исполнения («образом сказа»), и увлекательным содержанием. «Ведь в то время и люди-то

¹ Состав и особенности бытования локального фольклора, преимущественно — несказочной прозы, проанализированы в заключительных разделах монографического исследования.

² При этом д. Сёмжа Зимнего берега практически выпала из сферы внимания фольклористов.

Фото 3. Обетный крест в селе Кереть. По легенде, крест был поставлен у места пребывания вынесенных из пожара мощей Варлаамия Керетского

все были из народа, из старой такой жизни, не было у нас телевизора, и кино-то редко смотрели, — вспоминает одна из керетчанок. — Все с интересом слушали его...».

Начиная с 30-х гг. XX в. в Керети собирателями были «открыты» одарённые исполнители прозаического фольклора, творчество которых оставалось в тени таланта М.М. Коргуева: в 1933 г. — И.И. Черкасов, В.Н. Сержпинская, А.Н. Сержпинский, в 1948 г. — Е.М. Савин, П.М. Волкова, Е.И. Ладина, А.Т. Корыхалова.

Сказка, как и песня, долго оставалась неотъемлемой частью традиционного уклада жизни. И всё же в 40-х — 60-х гг. XX в. сказки постепенно «выходили из обихода». Ср.: «Е.М. Савин говорит, что сказки забываются, так как на моторной лодке или катере, где мотор заглушает звук голоса, сказку не расскажешь, как бывало на гребной лодке» [12, л. 39].

На исчезновение сказок из живого бытования повлияло в первую очередь разрушение традиционного хозяйственно-бытового уклада, сопровождавшееся появлением

новых источников информации и форм проведения досуга.

К сожалению, собиратели практически игнорировали несказочную прозу (предания, легенды, былички), которая, безусловно, бытовала в Керети в различных вариантах. Об этом свидетельствуют, к примеру, воспоминания о Е.И. Ладиной, знавшей «истории, похожие на сказки».

Большое удивление вызывает отсутствие среди экспедиционных записей 1933–1980 гг. легенд о Варлаамии — Керетском Чудотворце, который почитался поморскими промышленниками как «главный покровитель плавающих вдоль Терского берега и среди страшных сувоев у Святого Носа» [6, с. 183] (фото 3).

Это утверждение не окончательно и нуждается в дальнейшей проверке. «Чудеса» Варлаамия Керетского, совершённые на море, — повествования об изгнании чёрта и заклятии вредоносных «червей» — долгое время сохранялись в живом бытовании у мореходов Мурманского, Терского берегов и г. Кеми [15, с. 314].

Значительную часть прозаического фольклора Керети составляют рассказы об истории, повседневном быте и праздниках деревни; воспоминания о М.М. Коргуеве. Жизнь поморов-промышленников предстаёт в них и тяжкой, почти беспросветной, и желанной, сочетающей семейный лад, труд и творчество.

Кереть долгое время сохраняла обличье благополучного, ухоженного, можно сказать, величественного села. Такой она запечатлелась в опозитизированных воспоминаниях керетчан и их соседей — с высокими пятистенными домами, с украшенными резными наличниками окнами. «В деревне все мостки вышорканы песком и натерты, — повествует дочь М.М. Коргуева. — Очень чистоплотный народ был в деревне. <...> У нас мама мы-

ла пол по три дня: 3–4 половицы вымоет, отдохнёт, и на другой день опять начинает. Жёлтый был пол, как куриный желток. Ухваты терком, самовар шорком, всю посуду медную шоркали, ну всё блестело. И после этого топили баню и садились пили чай. Как будто праздник наступил. И вот так снова – опять рыбалка, и опять неделя, всё вот как шло кругом».

Сохранность традиционного фольклора Терского берега Белого моря неравномерна. В XX в. здесь систематически записывали былины, свадебный фольклор, обрядовую и необрядовую лирику, сказки.

О прозаическом фольклоре этого региона мы можем судить главным образом по материалам, собранным и изданным Д.М.Балашовым [1].

Во второй половине XX в. в д. Тетрино бытовали сказки, а также легенды, предания, былички. Прозаический фольклор этой деревни представлен в коллекции Д.М.Балашова тремя сказками и присказкой, записанными от Анны Марковны Клещевой [1, с. 427].

Несмотря на блестящие результаты своих экспедиций, проводившихся с 1957 по 1964 г., Д.М.Балашов полагал, что стал сказочную традицию Терского берега «в очень разрушенном состоянии». Процесс быстрого разрушения сказочной традиции на Терском Берегу особенно заметен и в последней четверти XX в.

С 80-х гг. XX в. сказочников в Тетрино уже не было. Основную часть сделанных здесь записей составляют мифологические рассказы (былички)¹.

В 1981–1987 гг. на Терском берегу записаны былички, относящиеся к основным традиционному выделяемым тематическим группам «условно-общерусской» традиции.

В изложении одной из наиболее талантливых рассказчиц д. Тетрино Оксены Ларионовны Стрелковой зафиксированы, в числе прочих, редкие, более нигде на Терском берегу не отмеченные сюже-

Фото 4. Федосья Прокопьевна Самохвалова — талантливая исполнительница фольклорных произведений, старожил д. Тетрино

ты о домовых-ягнятах; о явлении «белой высокой» женщины (смерти?), о предсказаниях донного — «хозяина» моря и промысла.

Ещё одна одарённая тетринчанка — Федосья Прокопьевна Самохвалова — уроженка д. Пялицы (фото 4).

И д. Тетрино, и д. Пялица, — восточные («низовские»), приближающиеся к горлу Белого моря, находящиеся в зоне лесотундры, расположенные вдоль берега поселения. Непосредственная близость моря, суровый климат, преобладание морских тоней, большая (и даже ведущая во время войны) роль женщин в лове сельди, сёмги, даже и в зверобойном промысле, наложили специфический отпечаток и на манеру держаться, разговаривать (более жёсткую, свободную), и на репертуар лучших исполнительниц д. Тетрино.

В обширный репертуар Ф.П.Самохваловой входили одни лишь былички, но весьма разнообразные по тематике:

¹ Все упоминаемые ниже фольклорные произведения содержатся в экспедиционном архиве автора статьи.

многоэпизодные сюжеты о сверхъестественных происшествиях на тоне¹; рассказы о «пугании» в деревне и в доме; сюжет о лешем, наказывающем за работу в праздник; цикл повествований о свадебной порче и колдунах; не имеющая записанных аналогов быличка об избачихе (т.е. заведующей избой-читальней), которая видится деду-сторожу на тоне, предрекая ему близкую смерть.

Группы быличек о знахарках (бабках-лекарках), о свадебной порче и о гаданиях обнаружены в живом бытовании и в 2016 г., во время экспедиционной поездки в Тетрино. Песни, сказки, легко вписывавшиеся в любой бытовой контекст, традиционно сопутствовали всем видам промысла, однако изменение «строя жизни» пощадил именно былички — тот жанр, который по своей природе был «укоренён в действительности», приспособившаяся к её изменениям. (Поэтика терских быличек ёмко охарактеризована Д.М.Балашовым [1, с. 20–21].)

Знакомясь с фольклорно-этнографическими материалами конца XX – начала XXI в., нельзя согласиться с утверждением Д.М.Балашова о скудости на Терском берегу исторических преданий [1, с. 29]. Возможно, тематика их ограничена, однако отдельные сюжеты известны в многочисленных вариантах и версиях, в частности предание, относящееся к событиям Крымской войны, — «О том, как англичанка здешни берега разоряла». От нашествия английского флота пострадали и д. Тетрино, и соседняя с ней д. Стрельна. Повествование об этом бедствии сохранилось в живом бытовании вплоть до начала XXI в.

«Раньше наша деревня вся была сожжена, — повествует Александра Павловна Шилова, дочь замечательной стрельнин-

ской сказочницы А.П.Стрелковой. — Они приходили — англичане. Они приходили: вот заберут там яйца, молоко, все продукты заберут, заберут... Как не будет продуктов — опять они идут.

И тут они опять пришли... Шли мимо Тетрина. Катер-то шёл. И надоело тетринчанам, что там всё забирают у них. И они выстрелили, в катер-то выстрелили. И попали в глаз одному англичанину»².

Своеобразие и вариативность народных осмыслений тех или иных событий, явлений хорошо прослеживаются в записях, содержащих местные толкования прозвищ, которыми традиционно наделены жители каждой из терских деревень. Диапазон толкований прозвища тетринчан — «собаки» — весьма широк: от издёвки до похвалы.

«Тетрино — “собаки” (между собой перелаются), “лай-город”».

«Ну, а у нас, Тетрино — собаки. Почему собаки — потому что они такие ругливые. Ругливые. И они такие громкие...».

Многие старожилы куда менее критичны в объяснении смысла этого прозвища: «У тетринчан было много собак, они на них ездили, оленей ловили».

Вопреки мнению Д.М.Балашова [1, с. 29], немалочисленны на Терском берегу и «родовые» предания (летописи семей и бытовых событий). Не всегда воплощаясь в завершённо-«классические» жанровые формы, такие повествования хранятся в памяти терчан: рассказывают и о заселении края, и об изменении ландшафта, и об истории своей семьи, о деревенском быте.

Выяснение и составление своих родословных стало сейчас на Терском берегу, в частности в д. Тетрино, массовым увлечением. Жители теряющей традиционный облик и уклад, превращающейся

¹ Особенная черта прозаического фольклора Терского берега и, в частности, д. Тетрино — обилие текстов, повествующих о сверхъестественных происшествиях на сёмужьем промысле, основном и жизненно важном для этого региона.

² В результате, помимо сожжения д. Стрельны, подверглась массированному артиллерийскому обстрелу и д. Тетрино.

в дачный посёлок деревни стремятся утвердить таким способом свою «родовую память», укоренённость на «уходящей из под ног» земле.

Фольклорных материалов, собранных в Сёмже, пока известно немного. Тетрадь с текстами, записанными от местных жителей В.В. Чарнолуским (1922 г.) [17], недавно обнаруженная в Архиве Областного краеведческого музея г. Мурманска, содержит преимущественно песенный фольклор.

В 1975 г. Сёмжу посетила фольклорная экспедиция Сектора народного устно-поэтического творчества ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). За сравнительно короткое время здесь были сделаны записи обрядового и необрядового фольклора: песни свадебные, плясовые, лирические; частушки [16].

В материалах В.В. Чарнолуцкого есть и тексты песен, исполненных Елизаветой Фоминичной Масловой. К сожалению, собиратель «просмотрел» ещё один талант Е.Ф. Масловой — она была одарённой сказочницей с обширным репертуаром.

«Не заметили» её и другие собиратели. Отсутствие записей, которые могли быть от неё сделаны, — большая потеря.

Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что Сёмжа была «песенной» деревней и обладала развитой фольклорной традицией.

Помимо естественного угасания этой традиции, обусловленного разрушением сложившегося на протяжении столетий бытового и хозяйственного уклада (этот процесс происходил повсеместно), губительным для дальнейшей судьбы сёмженского фольклора стало насильственное «выселение» деревни в 60-х гг. XX в.

Сёмжане среднего и старшего поколения расселились «кто куда» — от Архангельска до Мурманска. Естественное наследование традиции прервалось.

Не удивительно, что, помимо старожилов деревни, традиционный фольклор

знают и исполняют, как правило, те, чьи детство и юность прошли в Сёмже (сейчас им лет 60–70). Они помнят особо любимые в Сёмже песни, обычно «новые лирические», однако исполнение не является аутентичным.

Песенное фольклорное творчество сосредоточилось в основном в области частушки. Сочиняемые по разным поводам «частушечные» циклы, к примеру посвящённые Сёмже и различным перипетиям жизни сёмжан, отмечены талантом, звучат задорно и живо:

*Стоит Сёмжа на угоре,
Морем уливается.
Только летом в милой Сёмже
Люди появляются*

*Знаменито наше море,
Знаменита и река,
Чтобы ими любоваться,
Едем мы издалека.*

*Если помним мы деревню,
Если помним мы село,
Значит, жизнь не зря прожили,
Наше время не ушло!¹*

Прозаический фольклор Сёмжи — предания, легенды, былички — демонстрирует относительное многообразие, сохранность и в то же время приспособляемость к местным историческим реалиям, особенностям жизни и быта.

Былички, которые удалось здесь записать, немногочисленны, но разнообразны по тематике. Как и на Терском берегу Белого моря, среди них преобладают повествования о гаданиях: «узнавание судьбы» остаётся актуальным и в начале XXI в.

Сюжеты о мифологических персонажах (о «хозяине» бани — баенном; о домовом — «дедушке-домовеюшке») единичны, хотя изложены рассказчицей, Алевтиной Дмитриевной Филатовой, мастерски и в рамках традиции.

¹ Частушки сочинены сёмжанками К.И. Алексахиной и Е.Д. Сахнюк (запись автора статьи, 2016 г.).

Фото 5. Фрагменты экспозиции сёмженского Дома Памяти

Отличительная черта местного фольклора — наличие многочисленных повествований, навеянных «морской историей» Сёмжи, расположенной в непосредственной близости от Мезенской губы. Искони мореплавание было здесь небезопасным, требовало сноровки и знаний, могло завершиться трагически. Рассказы о разрушительных штормах и кораблекрушениях основываются на фактах, но на протяжении десятков лет подверглись если не мифологизации, то усиливающей их звучание обработке, сочетающей подчёркнутые эпичность и комизм.

Таково и предание о ките, добытом семжанами в начале XX в. Оно зафиксировано и в воспоминаниях главного добытчика — Вениамина Маслова, и в краеведческой литературе. Местные жители пересказывают это достопамятное событие по-разному: упоминается даже о «позвонках кита» (того самого?), сохранившихся вплоть до наших дней.

Как и в других регионах Белого моря, испытавших тяготы во время Крымской войны, в Сёмже бытуют предания о перипетиях этого исторического периода,

главным образом — версии повествования «О сёмженской яме», где якобы погибло английское судно.

Обширная часть сёмженской словесности — устные семейные воспоминания и автобиографическая проза. Стремление узнать и написать историю своего рода поддерживается созданием в Сёмже Дома Памяти.

«Главная задача, — разъяснял идею его создания уроженец Сёмжи, писатель В.С.Маслов, — сохранить имена. Родовая книга — на 50 сёмженских родов, до 9 поколений в каждом» [9, с. 11].

Среди других сельских музеев Дом Памяти выделяется глобальностью замысла и ёмкой простотой его воплощения. Ничего лишнего, отвлекающего или развлекающего: только лица, имена, даты (фото 5).

«...в смысле нравственном — все дела, праведные и неправедные, не только отцов, не только сыновей, но и прадедов наших и правнуков — на нашей совести, — утверждает В.С.Маслов. — Задача писателя, сына своей земли, — возбуждать в родном народе стремление к родовой памяти, к ответственности перед предками и потомками» [9, с. 57].

Сохраняя и умножая память о военном времени, о детстве и юности, которые были омрачены «выселением» родной деревни, сёмжане восстанавливают оборванную «связь времён», многовековую, а в итоге — трагическую историю поморов.

Определение «трагическая история» не является, с нашей точки зрения, преувеличением. Современное состояние описываемых деревень, мягко говоря, небезоблачно.

Начало их разорению положила реализация постановления ЦК КПСС 1964 г. «О неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны». Отдалённое поселение, независимо от значимости его истории и успешности хозяйственной деятельности автоматически зачислялось в «неперспективные». Время показало, что это решение было непродуманным и непродуктивным.

«Маленькая Сёмжа объединилась с Мезенским колхозом, что в 40 километрах от ней, — с горечью повествует писатель В.С.Маслов, уроженец Сёмжи. — Потом большой колхоз сделался большим совхозом. Совхоз же отказался от всякого морского промысла: мороки с этим промыслом много, а прибавки к зарплате — никакой... А вскоре последовало решение о неперспективности деревни и предложение переселить её в Мезень» [8, с. 9–10]¹.

«Уезжали здесь, конечно, с большим трудом, со слезами, — вспоминает бывшая сёмжанка. — Тогда это была перестройка, иль какой момент-то был. Колхозы-то стали объединять-то. <...> Слёз было много, горя было много!»

Не радужнее сложилась и судьба д. Тетрино, «объединённой» с соседней д. Чаваньгой. Руководство объединённого колхоза разместилось в д. Чаваньге, а тетринское хозяйство осталось под управлением одного лишь бригадира. Постепенно

сократилось количество промысловых участков, остановились работы на полях и в парниках.

Безработные тетринчане начали покидать родные места. «Точкой невозврата» в разрушительном процессе стало закрытие в д. Тетрино школ: и средней, и начальной. Сейчас это дачный посёлок, обитаемый только летом.

Самой печальной оказалась участь Керети. Участники фольклорной экспедиции 1964 г. констатировали, что её облик неузнаваемо изменился. «Когда-то это была большая, красивая деревня. Сейчас же почти половина домовладельцев выехала на керетский лесозавод, в посёлок Чупу и другие новые населённые пункты, возникшие в связи с развитием горных разработок. Деревня совершенно не строится, многие дома стоят заколоченными» (в 1964 г. в деревне ещё сохранялись начальная школа, клуб, магазин, почта; после их ликвидации Кереть постепенно стала полностью нежилой) [10, л. 2–3].

Ни перестроечный, ни постперестроечный периоды, точнее — отсутствие государственной политики, направленной если не на развитие, то хотя бы на поддержание населённых поморами территорий, не возродили д. Кереть, не вернули д. Тетрино и Сёмже статуса исконно поморских, живущих морскими промыслами деревень.

Драма последовательного выселения «неперспективных» деревень либо полного к ним небрежения откликнулась в начале нашего века сломом созидательного мировоззрения, основанного на преемственности бытового уклада и непрерывности народной памяти, что в конце концов привело к запустению беломорских побережий.

За минувшие 20 лет социально-бытовая обстановка в описываемых регионах изменилась к худшему. Демографическая

¹ После открытия Дома памяти в 1984 г. деревня Сёмжа из категории «нежилых» была восстановлена в списках населённых пунктов в структуре городского поселения Мезень. Однако, вписав деревню в реестр существующих, ей не вернули ничего, что необходимо для нормального повседневного быта. Нет ни электричества, ни магазина или хотя бы разъездного ларька, ни медобслуживания, ни связи.

динамика в Онежском, Приморском, Мезенском районах, которые образуют прибрежную зону Архангельской области, по данным 2013 г., отрицательна; общая миграционная убыль составила свыше 840 человек. Доля трудоспособного населения — менее 60%. Экономическое состояние перечисленных районов характеризуется как «сложное». Много нерешённых проблем в прибрежном рыболовстве и рыбоводстве. Очевидно, что преодоление «затяжных негативных тенденций» требует системных решений и энергичных действий [13, с. 27, 29].

Некоторые из таких «энергичных действий» не улучшают, а скорее ухудшают положение. Так, основополагающие документы национальной арктической политики России (2013–2014 гг.), направленные на улучшение качества жизни коренного населения сухопутных территорий Арктической зоны, отождествляют понятия «коренное население» и «коренные малочисленные народы Севера». Русские Поморья, отчётливо сознающие свою культурно-историческую самобытность, оказываются, таким образом, «некоренным» населением и лишаются целого ряда преференций в области природопользования, традиционной хозяйственной деятельности, социального обеспечения [13, с. 26–27]¹.

Изменение, осовременивание повседневной жизни неизбежны, проблема в том, как они осуществляются, к каким последствиям приводят. В деревнях, обитаемых только летом (Тетрино), менталитет «дачника» постепенно оттесняет менталитет коренного жителя, помора-труженика; трансформации состава и содержания бытующего фольклора, доминирование массовой культуры здесь особенно заметны.

Противостояние либо подчинение процессам разрушения отражены и в фольклоре, и в поисках новых форм организации деревенской жизни, чаще — инспирированных вышестоящими властями (фестиваль народного творчества, День деревни и пр.), реже — рождённых творчеством деревенских сообществ (создание — исключительно силами местных жителей — Дома Памяти Сёмжи). Роль лично-творческого начала рельефно выявляется и в жизни современной деревни, становясь залогом сохранения традиций и надежды на возрождение.

«Вот прошлый год говорят: “Деревню возрождаем!” Дак а чего её возродить-то? Она вот — разве из-за Пети, из-за меня, из-за Коли... И записать ещё, что наша не умерла ещё деревня, — утверждает семжанин. — Раз ездим, значит, не умерла! <...> Море наше! И мы должны от него жить! Наша земля, море наше, деды наши ловили, прадеды — и мы будем ловить! <..> Образ жизни!».

Показательно, что жители всех трёх деревень — вне зависимости от исторической правды — считают себя потомками «свободолюбивых и предприимчивых новгородцев». Теми же качествами народная молва всегда наделяла поморов.

Итак, достойные потомки поморов дорожат не былой славой, но завещанным предками «образом жизни» — трудовым, утверждённым «на старых, старейших здешних корнях», на выработанных веками нравственных устоях.

Отшлифованный столетиями «образ жизни» и сопутствующий ему фольклор — наше бесценное наследие, утрата которого невосполнима².

¹ Поскольку такое положение сохраняется с середины XX в., становится понятным и оправданным стремление поморов, для которых традиционное природопользование (преимущественно рыболовство и зверобойный промысел) «является этнообразующим фактором», к признанию себя «малой народностью».

² Отметим, что этот тезис поддержан правительственными указами и документами последних лет. См. федеральный закон № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25 июня 2002 г. (с изменениями от 29 декабря 2017 г.), подчёркивающий ценность объектов культурного наследия России как символа национально-культурной самобытности, важнейших элементов историко-культурной среды обитания и информативных исторических источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Д.М. Сказки Терского берега Белого моря. Л.: Наука, 1970.
2. Беломорские сказки, рассказанные М.М. Коргуевым // Сказки Карельского Беломорья: В 2 т. / Под ред. А.Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Т. 1. Кн. 1, 2.
3. Бернштам Т.А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, 1978.
4. Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
5. Ефименко А.Я. Артели в Архангельской губернии. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб., 1874.
6. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896.
7. Лённрот Э. Седьмое путешествие. 1836–1837 гг.: Путевые заметки, дневники, письма (1828–1842) / Науч. ред., автор вступ. ст. и прим. У.С. Конкка. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 159–221.
8. Маслов В.С. Жить Сёмже или не жить (лирический очерк) // Архив семьи Масловых. 1969.
9. Маслов В.С. На костре моего греха // Площадь первоучителей. Мурманск: Правда Севера, 2000. С. 10–167.
10. Материалы командировки в Кемский район (февраль – март 1964 г.) // Архив Карельского научного центра. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 52.
11. Некрылова А.Ф. Круглый год. М.: Правда, 1989.
12. Отчёт о летней экспедиции 1959 года по сбору песен в Лоухском районе // Архив Карельского научного центра. Ф. 1. Оп. 1. Колл. 59.
13. Подоплёкин А.О. Положение коренного населения и территорий его проживания в Архангельской области как субъекте Арктической зоны России // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. С. 25–31.
14. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Кольская земля. Т. 1. Мурманск, 1997.
15. Ушаков И.Ф. Избранные произведения. Кольская старина. Т. 3. Мурманск, 1998.
16. Фонограммархив ИРЛИ РАН. Колл. 272.
17. Чарнолуцкий В.В. Подборка фольклорных записей. Сёмжа, Несь // Архив Мурманского Областного краеведческого музея. Папка НВ 3570.

ENGLISH

Life and Folklore of “Nonexistent” Villages

Marina Nikitichna Vlasova – Cand. Sc. of Philology, senior researcher of the Russian Folklore Department, the Institute of Russian Literature (Pushkin House), the Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Folklore of “nonexistent” villages (features and contexts of existence)” (16-04-00315a).
E-mail: mrsteelheart@yandex.ru

The paper summarizes the research findings in the project “Folklore of “nonexistent” villages (features and contexts of existence)”. The highlight of the research project is preservation and continuity of folk art, people's memories amidst the radical changes in the traditional way of life in households and the outlook of people from the northern Russian rural communities. The in-depth and complex, connected with diverse areas of folklore, ethnography and history, this study of remote and “unpromising” villages broadens and refines our understanding of the current socio-economic status of Russian northern settlements, the spiritual culture and mentality of one of the indigenous groups – the Pomors.

Keywords: folklore, textology, ethnography, national history, folk prose, traditional outlook, local traditions

REFERENCES

1. Balashov D.M. Skazki Terskogo berega Belogo morya. L.: Nauka, 1970 (in Russian).
2. Belomorskie skazki, rasskazannye M.M. Korguevym // Skazki Karel'skogo Belomor'ya: V 2 t. / Pod red. A.N. Nechaeva. Petrozavodsk, 1939. T. 1. Kn. 1, 2 (in Russian).
3. Bernshtam T.A. Pomory: Formirovanie gruppy i sistema khozyaystva. L.: Nauka, 1978 (in Russian).
4. Bernshtam T.A. Lokal'nye gruppy Dvinsko-Vazhskogo areala: Dukhovnye faktory v etno- i sotsiokul'turnykh protsessakh // Russkiy Sever: K probleme lokal'nykh grupp. SPb., 1995 (in Russian).
5. Efimenko A.Ya. Arteli v Arkhangel'skoy gubernii. II. Arteli dlya lova ryby // Sbornik materialov ob artelyakh v Rossii. Vyp. 2. SPb., 1874 (in Russian).
6. Kratkoe istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangel'skoy eparkhii. Vyp. 3. Uezdy Onezhskiy, Kemskiy i Kol'skiy. Arkhangel'sk, 1896 (in Russian).
7. Lyonnot E. Sed'moe puteshestvie. 1836–1837 gg.: Putevye zametki, dnevniki, pis'ma (1828–1842) / Nauch. red., avtor vstup. st. i prim. U.S. Konkka. Petrozavodsk: Kareliya, 1985. S. 159–221 (in Russian).
8. Maslov V.S. Zhit' Syomzhe ili ne zhit' (liricheskiy ocherk) // Arkhiv sem'i Maslovykh. 1969 (in Russian).
9. Maslov V.S. Na kostre moego grekha // Ploshchad' pervouchiteley. Murmansk: Pravda Severa, 2000. S. 10–167 (in Russian).
10. Materialy komandirovki v Kemskiy rayon (fevral' – mart 1964 g.) // Arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra. F. 1. Op. 1. Koll. 52 (in Russian).
11. Nekrylova A.F. Kruglyy god. M.: Pravda, 1989 (in Russian).
12. Otchyot o letney ekspeditsii 1959 goda po sboru pesen v Loukhskom rayone // Arkhiv Karel'skogo nauchnogo tsentra. F. 1. Op. 1. Koll. 59 (in Russian).
13. Podplyokin A.O. Polozhenie korennoho naseleniya i territoriy ego prozhivaniya v Arkhangel'skoy oblasti kak sub"ekte Arkticheskoy zony Rossii // Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury. Arkhangel'sk, 2015. S. 25–31 (in Russian).
14. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. Kol'skaya zemlya. T. 1. Murmansk, 1997 (in Russian).
15. Ushakov I.F. Izbrannye proizvedeniya. Kol'skaya starina. T. 3. Murmansk, 1998 (in Russian).
16. Fonogrammarkhiv IRLI RAN. Koll. 272 (in Russian).
17. Charnoluskiy V.V. Podborka fol'klornykh zapisey. Syomzha, Nes' // Arkhiv Murmanskogo Oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Papka NV 3570 (in Russian).

УДК 811.161.1'371 + 316.74; 81 + 316.6

ГРНТИ 16.01.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-97-106

**И.Т. ВЕПРЕВА,
Н.А. КУПИНА,
Т.В. ИЦКОВИЧ***

Базовые ценности и их отражение в речевом пространстве уральского города

В статье излагаются результаты коллективного исследования базовых ценностей, закреплённых в языковом сознании уральцев и репрезентированных в разных сферах речевого существования городов Среднего Урала. Цель исследования — осмысление лингвоаксиологической реальности текущего времени, интерпретация репрезентантов ценностных концептов, выполняющих консолидирующую функцию.

Для реализации целевой установки была разработана процедура социолингвистического мониторинга, проведение которого позволило выявить ценностные предпочтения студенческой молодёжи. По принципу дополнения был проведён психолингвистический эксперимент, направленный на выявление ядерных и периферийных концептуальных смыслов, закреплённых в языковом сознании. Полученные результаты позволили сформулировать вывод: ядро базовых ценностей представляет собой систему взаимосвязанных концептуальных смыслов, организованных по типу когнитивной матрицы.

На основе содержательной интерпретации экспериментального материала установлено возрастание дивергентного Я-менталитета, субъектом которого становится носитель свободного сознания, ориентированный на самореализацию, устремлённый к достижению личных целей. В то же время на эмотивном уровне молодые люди сохраняют приверженность социоцентрическим традициям русской культуры: интересы семьи (Мы-группы) превалируют над интересами индивида.

В ходе лингвоаксиологического анализа текстов муниципальных газет и применения приёмов метаязыковой диагностики описаны ценностные аспекты мышления жителей провинциального города: носители языка ощущают себя одновременно уральцами и россиянами, сохраняющими общенациональные, прежде всего семейные, традиции. Базовой ценностью городского провинциального сообщества является малая родина —

* **Вепрева Ирина Трофимовна** — доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета (УрФУ), руководитель проекта «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика» (15-04-00239а).

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Купина Наталия Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Ицкович Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, исполнитель того же проекта.

E-mail: taniz0702@mail.ru

ключевая категория уральского менталитета. Ментально значимыми остаются установки, связанные с общественной пользой.

На основе корпуса текстов-разговоров, отражающих специфику речевой коммуникации уральцев, разграничены ценностно-тематические и коммуникативно-ценностные текстовые фрагменты, разработан алгоритм лингвоаксиологического комментирования устного диалога.

Ключевые слова: аксиосфера, аксиологическая реальность, базовые ценности, концепт, ментальность, речевая коммуникация, уральская провинция

Предварительные замечания

Коллективом русистов Уральского федерального университета накоплен опыт лингвоаксиологической интерпретации ценностных предпочтений жителей городов Среднего Урала. Известно, что социально-экономические катаклизмы вызвали «переменчивость ценностных ориентаций, установок, социального настроения, общественных и личных интересов» [1, с. 14] и изменение культурного облика русского языка [2]. В то же время исследованный материал обнаруживает приметы лингвоаксиологического «упрямства» уральской провинции. На этом фоне была сформулирована и доказана следующая гипотеза: провинция в силу своей консервативности сохраняет ментально специфические модели поведения, конвенции коммуникативного взаимодействия, традиционные аксиологические ориентиры русской культуры и, в отличие от столицы, не подвержена интенсивному влиянию Запада. Целевая установка исследования – осмысление специфики речевого мира провинциального уральского города как лингвокультурного феномена, выявление репрезентантов базовых ценностей, выполняющих консолидирующую функцию сохранения отечественной культуры.

Ценности, понимаемые как обобщённые представления о том, что является должным, правильным, социально и лично желанным, в общественном и индивидуальном сознании существуют как

идеальные сущности, ментальные образования, нуждающиеся во внешней знаковой объективации [3, с. 289; 4, с. 410 и др.]. Их нельзя наблюдать непосредственно, поэтому исследователю приходится прибегать к эвристическим методам и приёмам, помогающим интерпретировать те образы сознания, которые связаны с ценностными ориентациями, установками и предпочтениями языковой личности [5, 6].

Постановка эксперимента

Проведение двух широкомасштабных опросов – социолингвистической и психолингвистической направленности (число респондентов соответственно 633 и 650) позволило составить представление о ценностных предпочтениях современной студенческой молодёжи – будущей интеллектуальной элиты страны [7].

Опытным путём на основе оригинальной процедуры выявления ключевых концептов русской ментальности [8, 9] был сконструирован перечень из 59 общенациональных базовых ценностей. Оценка концептов проходила с позиций когнитивной значимости и эмотивного отношения к ним (рис. 1 и 2). С целью статистической ранжировки распределения групп концептов был применён кластерный анализ общей выборки ($n = 633$). Использовался метод одиночной связи (Евклидово расстояние): получена дендрограмма для 61 переменной (59 ценностей с учётом переменных возраста и пола). На основе

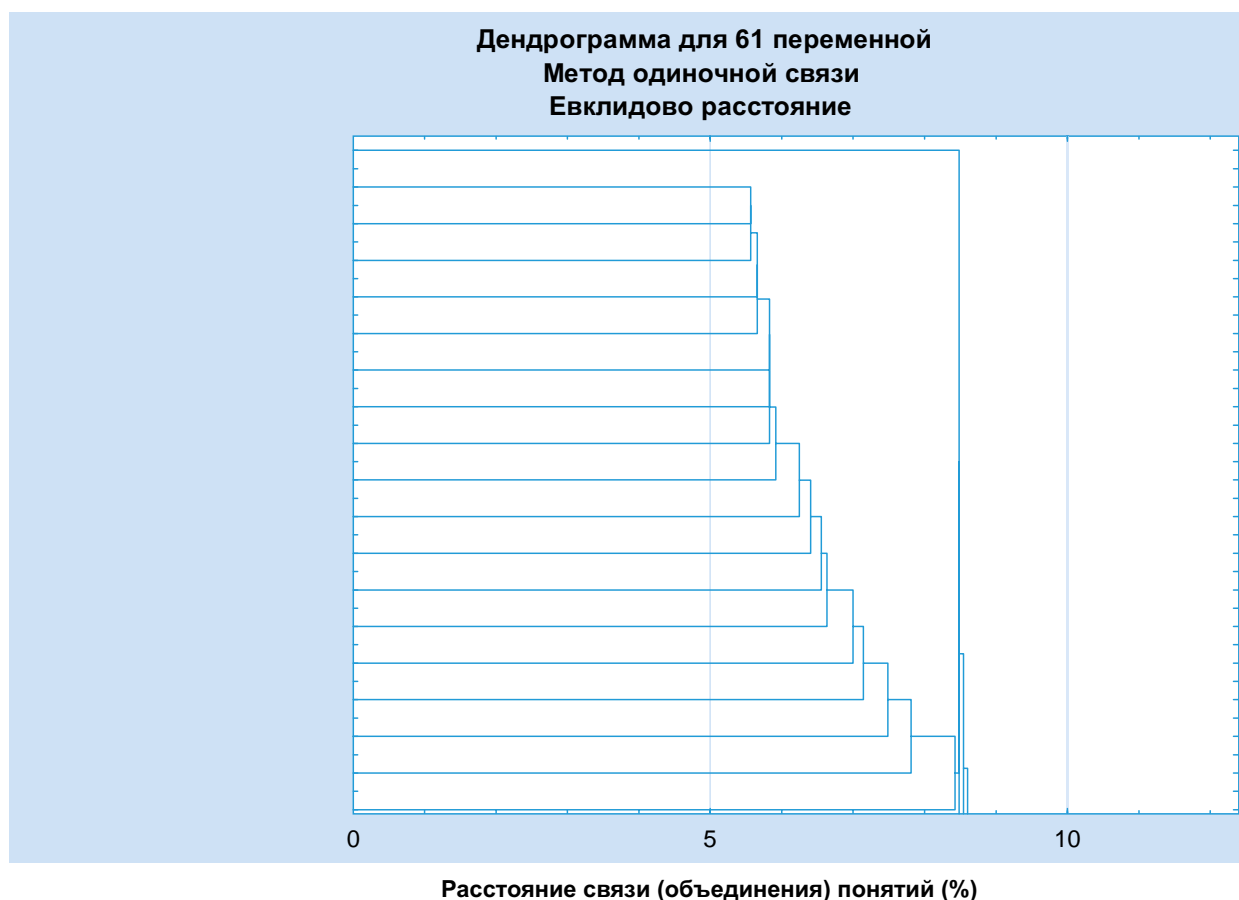

Рис. 1. Рациональная ранжировка концептов ядерной части общей выборки

содержательной интерпретации экспериментального материала установлено: социальные изменения новейшего времени оказывают влияние на мировоззрение молодых людей.

Ядерные ценности по данным социолингвистического эксперимента

Статистический анализ выявил ядерные ценности («Благополучие близких людей», «Дружба», «Самореализация»), связанные с «кругом своих». Концепт «Самореализация», или модель построения себя, обнаруживает пришедшую на смену доминирующей идее коллективизма сущностную сторону мировоззрения молодого поколения, указывающую на осознание уникальности собственного Я. Концепт «Благополучие близких людей» характеризует личную сферу повседневного бытия, ассоциируясь с домом, близкими отношениями между членами семьи.

Идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту «Благополучие», приведённого в списке концептов при опросе без конкретизации. Концепт «Дружба» демонстрирует присущую русскому самосознанию другоцентричность и включает когнитивные признаки душевной близости, откровенности, бескорыстной поддержки, которые можно объединить общими смыслами постоянства и надёжности.

Концепты, последовательно примыкающие к кластерному ядру, относятся к типу декларируемых общественных ценностей высшего порядка и являются координатами в системе жизненных ориентиров. К ним относятся не подверженные радикальным изменениям ценности «Жизнь», «Здоровье», «Любовь», «Семья», «Счастье» и нравственные «Уважение», «Честь», «Свобода», «Добро», «Справедливость», «Правда», «Совесть», «Достоинство» — смысло-

жизненные универсалии, которые придают бытию любого смысл общечеловеческой значимости и поддерживают национальную идентичность.

Объединяет все ценности, входящие в кластерное ядро, концепт «Безопасность», выражающий идею обеспечения благоприятных условий жизни. Отметим, что концепт, по наблюдениям специалистов [10, с. 121–178], – предельно общее многослойное понятие. Предъявленное респондентам без контекстной поддержки имя концепта допускает возможность неединственной интерпретации. С одной стороны, безопасность обеспечивается устойчивой системой неформальных связей между близкими людьми, с другой – охранной функцией государства, его обороноспособностью и институциональной поддержкой общественного порядка. Безопасность, обеспечиваемая государством, основывается на доверии к нему граждан и прозрачности общественных отноше-

ний. В то же время климат доверия и экзистенциальная безопасность в обществе нарушаются в периоды коренных трансформаций политических и социальных институтов. Радикальные изменения, произошедшие в России на рубеже веков, оказали травмирующее влияние на мировидение старшего поколения. Молодёжь компенсирует недоверие к современной институциональной системе ценностной ориентацией на безопасность и комфортность, ограниченную рамками «ближнего круга».

Эмотивное измерение ценностных концептов

Эмотивная ранжировка концептов выявляет иное, чем при рациональном выборе, ядро концептуального поля (см. рис. 2).

В ситуации эмотивного выбора ядром поля оказывается кластер, включающий концепты «Любовь» и «Красота». Этот кластер объединяется с концептами «Се-

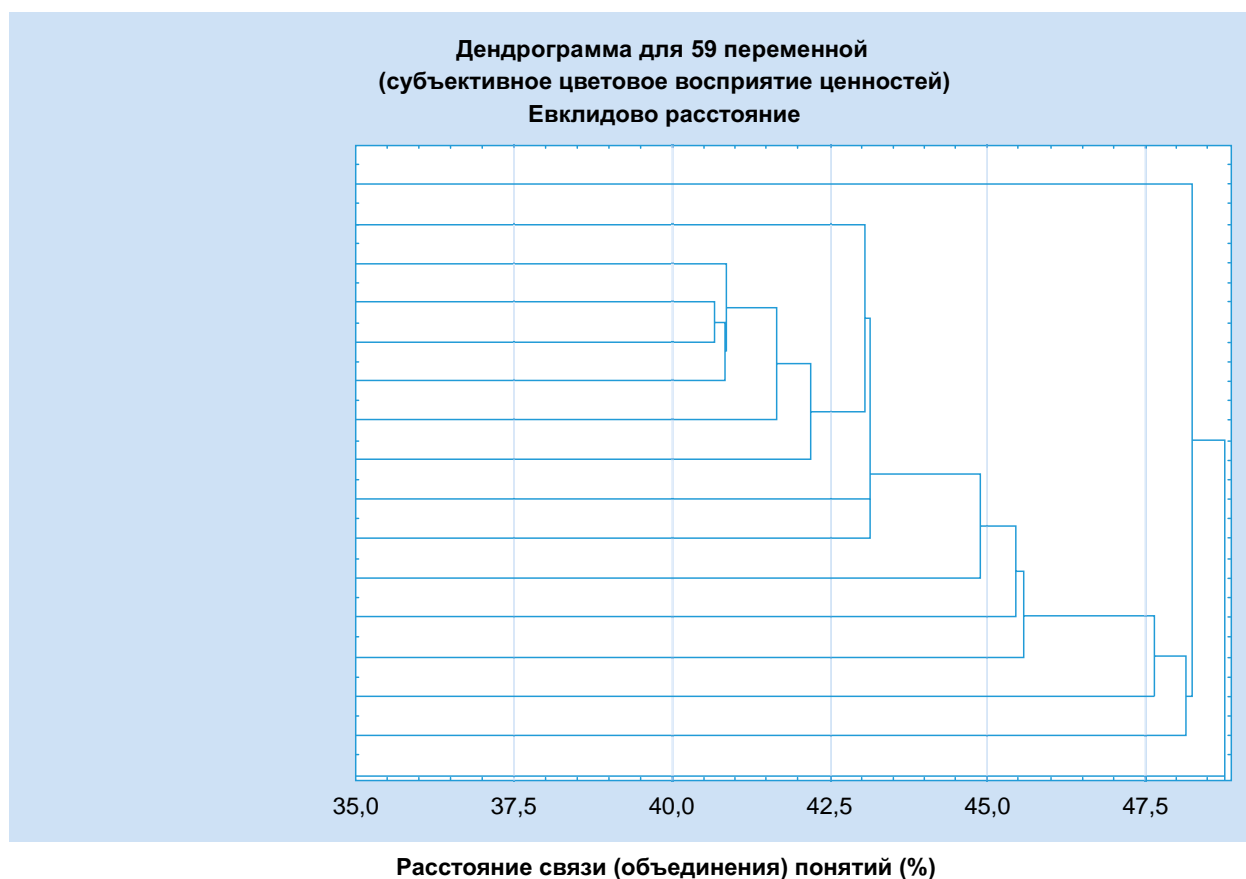

Рис. 2. Эмотивная ранжировка концептов ядерной части общей выборки

мья», «Добро», в совокупности — «благо семейных отношений». Ментально специфическое сочетание «принципа личности с принципом общности» [11, с. 279] обуславливает восприятие семьи как части структуры общества коллективистского типа, в котором интересы группы превалируют над интересами индивида. Семья (*Мы-группа*) служит защитой для индивида. В свою очередь, для персонцентрического сознания реализация собственных талантов и способностей, сопровождаемая чувством правоты (личный успех — гарантия благополучия семьи), — главный ценностный ориентир. Эмотивный выбор ценностных предпочтений обусловил наличие в ядре концептуального поля единиц предельно абстрактной семантики, включающих одобряемые нравственные, эстетические, собственно эмоциональные признаки. Эти концепты, объединяясь в одном расширенном кластере с операциональной ценностью «Семья», наделяют её высокими эстетическими и морально-нравственными характеристиками красоты и добра. «Любовь» оказывается в центре когнитивной карты ценностных предпочтений.

Концепт «Семья» — универсальная общечеловеческая ценность, но русское сознание концептуализирует семью особо, определяя её как основу миропонимания и миропорядка, цельное, нерушимое единство, обладающее силой нравственного влияния. Для молодёжи семья — очаг благополучной жизни (последовательное присоединение к кластеру концептов «Счастье» и «Здоровье»); семья ограждает от внешних угроз и стрессов. Концепты «Дети», «Благополучие близких» акцентируют операциональный характер ценности «Семья», непосредственную связь концепта с практикой повседневной жизни. Развитие детей в семейной атмосфере любви определяется не только благополучием близких, но и благополучием окружающей среды (концепт «Сохранение среды обитания»).

Результаты психолингвистического эксперимента

Поскольку предъявленные респондентам в социолингвистическом мониторинге без контекстной поддержки имена концептов допускают возможность неединственной интерпретации, с целью конкретизации концептуальных смыслов ценностных концептов был проведён психолингвистический эксперимент. Его цель — выявление ядерных и периферийных концептуальных смыслов, неоднозначно интерпретируемых в языковом сознании студенческой молодёжи базовых концептов «Благополучие близких людей», «Дружба», «Семья», «Счастье», «Свобода», «Любовь», «Вера», «Самореализация».

Данные понятия были представлены как набор концептуальных смыслов, соответствующих набору лексико-семантических вариантов слов, номинирующих соответствующие концепты. Кроме того, в набор концептуальных смыслов был введён ряд конкретных признаков, позволяющих снять неоднозначность абстрактных понятий. Респондентам (студентам Уральского федерального университета) было предложено оценить степень значимости концептуальных смыслов по пятибалльной шкале.

Обработка полученных результатов осуществлялась по методу Спирмена. Корреляционный анализ позволил установить ядерные и периферийные смыслы анализируемых концептов (табл. 1).

Анализ полученных результатов показал, что содержание концепта не только сводится к близости выделенных концептуальных признаков одного концепта, но обращено к нескольким концептуальным областям. Ядро базовых ценностей представляет собой систему взаимосвязанных концептуальных смыслов, организованных по типу когнитивной матрицы, в структуре которой концептуальные смыслы «приобретают статус самостоятельных, независимых друг от друга компонентов» [12]. Организация знания

Таблица 1

Ядерные и периферийные смыслы анализируемых концептов

Концепты	Смыслы	
	ядерные	периферийные
«Благополучие близких людей»	«здоровье и душевный покой близких людей»	«материальная обеспеченность близких людей»
«Дружба»	«душевная близость», «душевная привязанность»	«откровенность» и «безопасность»
«Счастье»	«любовь»	«материальное благополучие», «высокое общественное положение»
«Семья»	«воспитание детей», «интересы семьи»	«интересы семьи выше личных интересов»
«Свобода»	«самореализация»	«создать семью»
«Любовь»	«создать семью»	«дружеская привязанность»
«Вера»	«вера в Бога»	«уверенность в своих силах»
«Самореализация»	«получить широкую известность»	«иметь интересную работу»

матричного формата по принципу интеграции представляет собой образование сложного порядка.

Ценностные предпочтения уральцев в отражении местной прессы

Для подтверждения выдвинутой гипотезы был проведён анализ малой прессы Урала – газет, выпускаемых в городах Свердловской области (Арамил, Нижний Тагил, Первоуральск, Ревда). Методом сплошной выборки (автоматическим поиском с неснятой омонимией) собраны контексты из 250 выпусков газет (2011–2016 гг.), хранящихся в Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г.Белинского. Для поисковых запросов выбраны следующие имена ценностных концептов: *благополучие; вера; взаимовыручка; вседозволенность; дружба; душевный; забота; здоровье; интим; любимое дело; любовь; откровенность; покой; самореализация; свобода; секс; семья; счастье; удача; успех*. На следующем этапе систематизировались контексты употребления лексемы *Урал* и однокоренных слов. Общий объём собранного газетного материала – более 35 п.л.

Выборка позволила выявить ценностные аспекты мышления жителей провинции. Уральский город не является замкнутым пространством: носители лингвокультуры ощущают себя одновременно уральцами и россиянами, сохраняющими общенациональные традиции [13, 14].

Изучение местной прессы показало, что СМИ разрабатывают комплексную аксиологическую стратегию, направленную на изображение человека, органически связанного с родным краем, осознающего своё социальное предназначение. Интегрирующую функцию выполняют аксиологически маркированные вербальные знаки, семантика которых включена в пространство истории и культуры Урала. Примета текстов муниципальных газет – «географичность» стиля.

Одним из важнейших средств выражения оценочной семантики является имя прилагательное, которому онтологически присуща признаковость (отношение, в том числе ценностное) как основа качества. Лексема *уральский* репрезентирует аксиологический потенциал своей семантики, позволяющий ей выступать в роли вербально выраженной концептуальной единицы аксиосферы:

сочетаемость прилагательного *уральский* в границах высказываний характеризуется регулярными денотативными, эмоционально-оценочными, эстетическими приращениями, в совокупности отражающими наполнение матрицы уральской культуры.

Ядерным компонентом аксиосферы «уральский» является аксиологическая константа «малая родина», которая поддерживает идею единения, вербально выраженную лексемами *наше, родное, близкое*. Частные характеризующие признаки щедрости, богатства, а также установка на необходимость сохранения и развития промышленного производства — источника жизнедеятельности — сконцентрированы в аксиологическом суждении «Урал — кладовая родины». Развитие качественных характеристик у относительного прилагательного *уральский* связано с атрибутивной характеристикой абстрактных понятий. Так, функционирование в речи устойчивого сочетания *уральский характер* помогает актуализировать представление об особом лингвокультурном типе. Контекстные партнёры выявляют значимые ценностные аспекты содержания анализируемого концепта: твёрдость, настойчивость, прямолинейность, стойкость, суровость, основательность, трудолюбие, суровая нежность.

Эмпирическое исследование базовых ценностей поддержано привлечением данных языковой рефлексии, приёмами метаязыковой диагностики [15]. Фиксируя смысловую динамику аксиосферы, уральцы осознают значимость базовых национальных ценностей. В газетных текстах позитивная оценочность, поддерживаемая использованием ментально одобряемых характеристик, выполняет интегрирующую функцию солидаризации лингвокультурных сообществ: «*А он знал волшебные слова — семья, опора, домашний очаг; В их жизнь теперь вернулось то великое счастье, что называется простым коротким словом “семья”*» и др.

В то же время исследованный корпус высказываний-рефлексивов позволил выявить зоны напряжения. Так, например, редуцируются общечеловеческие морально-этические представления о семье, утрачивается модальность необходимости семьи. Прослеживаемая тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций у ключевых концептов русской культуры создаёт ситуацию конфликта разных ценностных систем. Смысловая амбивалентность ключевых концептов носит дезинтегрирующий характер, однако неравнодушное обсуждение гуманистических ценностей в качестве актуального переживаемого фрагмента опыта свидетельствует об интегральной функции базовых для отечественной культуры понятий, о естественной потребности носителя языка опереться на незыблемый фундамент культурного кода нации.

В ходе комплексного исследования проведена работа по выделению лингвокультурных сообществ внутри социокультурного пространства провинциального уральского города, проведены сбор и предварительное обобщение диалогического и полилогического материала, отражающего специфику речевого существования горожан-уральцев.

Заключительные замечания

Исследовательский коллектив располагает постоянно пополняемой электронной базой текстов-разговоров жителей городов Урала. За последние три года текстовка значительно пополнилась. Итоговый объём аудиозаписей разговорных текстов, переведённых в письменную форму, составляет 725 000 знаков. На основе имеющегося материала предложена модель лингвоаксиологической интерпретации целого разговорного текста. Принципиальным для анализа является выделение двух типов ценностно ориентированных текстовых фрагментов: ценностно-тематических и коммуникативно-ценностных, поскольку та или иная реалья действительности может служить не только са-

мостоятельным объектом приложения оценок (тогда оценка служит средством самовыражения говорящего), но и адресованным средством выражения оценочной позиции говорящего по отношению к своему собеседнику. Разработан алгоритм комментирования ценностного содержания разговорного речевого взаимодействия. Сложность выявления культурно-ценностных особенностей разговорного общения связана с оперированием такими фрагментами текста, как диалогические единства, определением роли

речевых поступков в широком контексте и тексте, соотношением конкретного речевого поступка с парадигмой общенациональных коммуникативно-культурных установок.

Объективность представленных выводов о лингвоаксиологической реальности текущего времени подтверждается репрезентативностью полученного экспериментального материала, результатами комплексного исследования разных сегментов речевого существования городов Среднего Урала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
2. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры, 2013.
3. Kluckhohn C. Culture and Behaviour: Collected Essays. N.Y., 1962.
4. Леонтьев Д.А. Ценность // Человек. Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. С. 410–412.
5. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М.: ТЕЗАУРУС, 2011.
6. Категория оценки и система ценностей в языке и культуре. М.: Индрик, 2015.
7. Вепрева И.Т., Ицкович М.М., Купина Н.А., Шалина И.В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 62–73.
8. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.
9. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект. 2001.
10. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
11. Бердяев Н.А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. С. 245–412.
12. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25–77.
13. Вепрева И.Т., Купина Н.А. Языковая репрезентация ценностных предпочтений уральцев по данным местной прессы // Известия Саратовского университета. Новая серия, филология. Журналистика. 2016. № 2. С. 126–129.
14. Купина Н.А. От города-завода к современному передовому городу: стилистические приемы и ценностные ориентиры газеты «Вечерний Первоуральск» / Известия Уральского университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 2. С. 19–20.
15. Вепрева И.Т., Мальцева Т.В. Базовые ценности россиян в отражении языковой рефлексии // Политическая лингвистика. 2017. № 1. С.101–108.

ENGLISH

Core Values and Their Reflection in the Speech of the Ural City

Irina Trofimovna Vepreva – Dr. Sc. of Philology, head of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication chair, the Ural Federal University (UrFU), supervisor of the project “National core values and their reflection in the communication of a provincial city: traditions and dynamics” (15-04-00239a).

E-mail: irina_vepreva@mail.ru

Natalia Aleksandrovna Kupina – Dr. Sc. of Philology, professor of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication chair, UrFU, researcher in the same project.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Tatiana Viktorovna Itskovich – Dr. Sc. of Philology, Professor of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication chair, UrFU, researcher in the same project.

E-mail: taniz0702@mail.ru

The research outlines the findings of collaborative insights into the core values anchored in the linguistic consciousness of people living in the Urals and represented across diverse areas of speech in the cities of the Middle Urals. The purpose of the study is to understand the linguoaxiologic reality of the current times, interpret representatives of value concepts with a consolidating function.

To reach the target, the authors have practiced sociolinguistic monitoring helping to reveal value preferences among the student youth. Using the complementation principle, they have conducted a psycholinguistic experiment aimed at identifying nuclear and peripheral conceptual meanings anchored in the linguistic consciousness. The findings helped to conclude: the core of basic values is a system of interrelated conceptual meanings organized as a cognitive matrix.

Based on a meaningful interpretation of the materials used in the experiment, the authors managed to identify the increase in the divergent self-mentality of a subject with free consciousness focused on self-fulfillment and pursuing personal goals. However, at the emotional level, young people stay committed to the socio-centric traditions of the Russian culture: family interests (we-group) prevail over individual interests.

The linguoaxiologic analysis of municipal newspaper texts and methods of metalanguage study helped to describe the value aspects of provincial thinking: native speakers feel both as Uralians and Russians with preserved national, primarily, family traditions. The core value of the urban provincial community is little homeland – a key category of the Ural mentality. The mentally relevant mindsets are those related to common good.

Using conversation scripts reflecting the distinctive features of speech communication in the Urals, the authors divide the value-thematic and communicative-value text fragments, develop an algorithm for linguoaxiological commenting on oral dialogue.

Keywords: axiosphere, axiological reality, core values, concept, mentality, speech communication, the Ural province

REFERENCES

1. Toshchenko Zh.T. Fantomy rossiyskogo obshchestva. M.: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2015 (in Russian).

2. Ratmayr R. Russkaya rech' i rynek: traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013 (in Russian).
3. Kluckhohn S. Culture and Behaviour: Collected Essays. N.Y., 1962.
4. Leont'ev D.A. Tsennost' // Chelovek. Filosofsko-entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Nauka, 2000. S. 410–412 (in Russian).
5. Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov: kollektivnaya monografiya. M.: TEZAURUS, 2011 (in Russian).
6. Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture. M.: Indrik, 2015 (in Russian).
7. Vepreva I.T., Itskovich M.M., Kupina N.A., Shalina I.V. Tsennostnye predpochteniya sovremennoy studencheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. № 2. S. 62–73 (in Russian).
8. Kolesov V.V., Kolesova D.V., Kharitonov A.A. Slovar' russkoy mental'nosti: v 2 t. SPb.: Zlatoust, 2014 (in Russian).
9. Stepanov Yu.S. Konstanty: slovar' russkoy kul'tury. M.: Akademicheskiiy proekt. 2001 (in Russian).
10. Karasik V.I. Yazykovaya kristallizatsiya smysla. M.: Gnozis, 2010 (in Russian).
11. Berdyaev N.A. Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: ZAO «Svarog i K», 1997. S. 245–412 (in Russian).
12. Boldyrev N.N. Kontseptual'naya osnova yazyka // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2009. Vyp. IV. S. 25–77 (in Russian).
13. Vepreva I.T., Kupina N.A. Yazykovaya reprezentatsiya tsennostnykh predpochteniy ural'tsev po dannym mestnoy pressy // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya, filologiya. Zhurnalistika. 2016. № 2. S. 126–129 (in Russian).
14. Kupina N.A. Ot goroda-zavoda k sovremennomu peredovomu gorodu: stilisticheskie primety i tsennostnye orientiry gazety «Vecherniy Pervoural'sk» / Izvestiya Ural'skogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2016. № 2. S. 19–20 (in Russian).
15. Vepreva I.T., Mal'tseva T.V. Bazovye tsennosti rossiyan v otrazhenii yazykovoy refleksii // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 1. S.101–108 (in Russian).

УДК 81-119
ГРНТИ 16.21.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-107-114

**Л.В. ПОРОХНИЦКАЯ,
С.М. ТЕПЛЯКОВА***

Концептуальная репрезентация политкорректного лексикона (на материале французского языка)

В статье предлагается методика изучения механизмов формирования семантики лексических и фразеологических единиц, фигурирующих во франкоязычном политкорректном дискурсе. Несмотря на достаточно подробное изучение различных аспектов современной идеологии и языка политкорректности – преимущественно на материале английского языка, – неясным остаётся вопрос о возможности моделирования политкорректного лексикона.

В настоящей статье на материале французского языка предпринимается попытка выявить модели формирования не только отдельных языковых единиц, обладающих потенциалом к смягчению и маскировке нежелательных социальных практик и табуированных явлений действительности, но и целых номинативных сфер политкорректного дискурса.

В рамках данного исследования проведён концептуальный анализ политкорректных лексических и фразеологических единиц современного французского языка, представляющих различные сферы номинации, и выявлены регулярные концептуальные модели формирования политкорректного лексикона. На настоящем этапе исследования можно утверждать, что ведущая роль в пополнении политкорректного фонда принадлежит метонимическим моделям.

В ходе исследования выделены семь метонимических концептуальных блоков, образующих организованную систему. Внутри блоков концепты формируют кластеры, располагаясь по степени обобщённости, что соответствует степени их эвфемистического потенциала смягчать и маскировать номинируемые явления. Концепты разных блоков коррелируют при формировании семантики языковых единиц. В работе описываются базовые модели такого взаимодействия.

Ключевые слова: политкорректный дискурс, концептуальная модель, концептуальная метонимия, концептуальный блок, номинативный фокус, эвфемия

* **Порохницкая Лидия Васильевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета, руководитель проекта «Семантика эвфемизма с когнитивной точки зрения» (17-34-01003a2).
E-mail: projectplv77@gmail.com

Теплякова Светлана Михайловна — преподаватель кафедры иностранных языков Первого московского образовательного комплекса, исполнитель того же проекта.
E-mail: djcrazy@rambler.ru

Обзор основных исследовательских вопросов в сфере изучения политкорректности

Одними из наиболее разработанных вопросов современной лингвистики по праву можно считать различные аспекты идеологии политической корректности и их влияние на языковые процессы в европейских лингвокультурах. Действительно, социокультурным предпосылкам и функциям политкорректного дискурса посвящена обширная лингвистическая литература, преимущественно на материале английского языка. В большинстве работ авторы сосредоточивают внимание на выявлении и описании манипулятивных стратегий политкорректного дискурса [16, 18], интеракции масс-медиа тактик и политкорректных [10], становлении и эволюции политкорректности в контексте изучения культурных традиций социума [3, 5], на политкорректности в свете религиозной культуры и толерантности [4], на лексической составляющей политкорректности [6, 14], гендерном [21] и психологическом аспектах политкорректности [7], а также его лингводидактической составляющей [12]. Однако вопрос о том, как формируется семантика языковых единиц, обладающих потенциальной способностью к маскировке нежелательных явлений действительности и всё чаще фигурирующих в различных сферах бытового и институционального дискурса, попадающих в зону действия законов политической корректности, остаётся в значительной степени открытым.

Ключевым в этом смысле представляется вопрос о моделируемости политкорректной лексики и возможности выявления и описания концептуальных моделей, лежащих в основе семантики политкорректных единиц.

Основные положения теории концептуальной метонимии в свете изучения вопросов эвфемии и политкорректности

Проанализировав эвфемистические единицы современного французского языка,

используемые для политкорректного номинирования различных табуированных аспектов и социальных практик франкоязычного социума, мы пришли к выводу, что в основе семантики лексических и фразеологических единиц, употребляемых в политкорректном дискурсе с целью смягчения и/или маскировки нежелательных явлений действительности, а также с целью донести до адресата определённую точку зрения и повлиять на общественное мнение, лежат регулярные концептуальные модели. Среди них особая роль принадлежит моделям метонимическим.

Базовые функции концептуальной метонимии были описаны в наших ранних работах (напр., [11]). В контексте изучения политкорректной эвфемии следует отдельно остановиться на следующих положениях:

- роль концептуальной метонимии не может сводиться исключительно к референции. Роль концептуальной метонимии значительно шире и включает в себя функцию понимания одной концептуальной сущности через другую в рамках единого концептуального пространства;
- концептуальная метонимия наряду с концептуальной метафорой представляет собой ведущий механизм формирования значения как лексических, так и фразеологических единиц;
- концептуальная метонимия может лежать в основе целого ряда эвфемистических приёмов (фонетических, морфологических и т.д.);
- все многочисленные типы метонимических переносов сводятся к двум базовым метонимическим моделям: репрезентация концептуальной сущности путём апеллирования к одной из её частей и репрезентация одного из элементов концепта посредством активизации всего концепта;
- концептуальная метонимия может работать как на эвфемизацию, так и на дисфемизацию, что обуславливает её амбивалентность и множественность интерпретаций.

Методика изучения моделей формирования семантики политкорректных единиц

На настоящем этапе исследования можно утверждать, что все метонимические концепты, на базе которых формируется семантика политкорректных эвфемистических единиц во французском языке, входят в состав семи основных концептуальных блоков: темпоральные концепты, пространственные концепты, структурные концепты, концепты изменения состояния, концепты отклонения от нормы, антропоцентричные концепты и абстрактные концепты.

Все концептуальные блоки связаны между собой и образуют организованную систему. Названные концептуальные блоки определённым образом коррелируют при формировании семантики как отдельных языковых единиц, так и целых политкорректных сфер.

На основании проведённого исследования мы пришли к выводу, что подавляющее большинство лексических и фразеологических единиц, фигурирующих во франкоязычном политкорректном дискурсе, имеет в основе своей семантики действие концептуальной метонимии. Концептуальная метафора отвечает за формирование семантики политкорректных единиц не более чем в пяти процентах случаев (напр., *frappe chirurgicale* – бомбардировка).

Концептуальные метонимии (или, другими словами, метонимические концепты) [17], моделирующие семантику французских политкорректных единиц, являющихся принадлежностью всех без исключения номинативных сфер, оказывающихся в зоне действия законов политкорректности, представляют собой упорядоченную систему концептуальных блоков. Внутри блоков концепты формируют кластеры, располагаясь по степени обобщённости – от более абстрактных к более конкретизированным. Такая иерархия отражает степень их эвфемистического потенциала маскировать и смяг-

чать табуированную сущность референтов (табл.).

Необходимо отметить, что примеры, приведённые как иллюстрации реализуемых концептов, являясь достаточно частотными в современном французском политкорректном дискурсе, могут быть дополнены новыми единицами. И в этом смысле список метонимических концептов в рамках каждого блока является в значительной степени открытым.

Метонимические концепты, активизирующиеся при формировании семантики политкорректных лексических и фразеологических единиц, представляют собой регулярные модели, среди которых можно выделить две основные.

В первом случае речь идёт о реализации одного ведущего метонимического концепта, который может характеризоваться разной степенью обобщённости (например, *non traditionnel* – гомосексуальный, в сочетании *couple non traditionnel*; *touché* больной СПИДом, в сочетании *être une personne touchée*).

Вторая модель заключается в параллельной активизации двух или более метонимических концептов, один из которых призван конкретизировать референтную отнесённость другого. Данная модель становится всё более продуктивной в современном политкорректном дискурсе, изобилующем многокомпонентными политкорректными единицами. Здесь возможны два случая. В первом – параллельное действие нескольких метонимических концептов позволяет фокусировать идею, максимально удалённую от табуированной сущности. Реализуемая стратегия заключается в вуалировании или даже полной маскировке табуированного явления (например, *personne à compétence alternative* – инвалид; *sentiment d'insécurité* – вандализм). Политкорректная тактика, базирующаяся на описанной концептуальной модели, позволяет создавать языковые единицы, практически не расшифровываемые на уровне референции. Во втором случае

(например, *agent de traitement des déchets urbains et industriels* – рабочий, занимающийся утилизацией отходов; *réfugié économique débouté du droit d'asile* – нелегал) мы имеем дело с активизацией обобщённого метонимического концепта (*agent, réfugié*), в фокусе которого может нахо-

диться положительная идея престижа, легальности и т.д. Другой достаточно обобщённый метонимический концепт включает в себя по инференции маскируемый концепт (обращение с отходами (переработка отходов) vs уборка мусора; отказ в предоставлении официального стату-

Таблица

Метонимическая репрезентация политкорректного лексикона
во французском языке

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ БЛОКИ	КЛАСТЕРЫ КОНЦЕПТОВ
Пространственные	<ul style="list-style-type: none"> • <i>proximité</i> (близость) • <i>espace</i> (пространство), <i>zone</i> (зона), <i>quartier</i> (квартал)
Темпоральные	<ul style="list-style-type: none"> • <i>événement</i> (событие), <i>processus</i> (процесс), <i>fin</i> (конец), • <i>hiver</i> (зима), <i>printemps</i> (весна)
Структурные	<ul style="list-style-type: none"> • <i>unité</i> (единство), <i>entité</i> (субъект), <i>conglomérat</i> (конгломерат), • <i>structure</i> (структура), <i>centre</i> (центр) • <i>complexe</i> (комплекс), <i>établissement</i> (учреждение), <i>institut</i> (институт)
Переход состояния (изменение)	<ul style="list-style-type: none"> • <i>mouvement</i> (движение), <i>développement</i> (развитие), <i>émergence</i> (появление) • <i>cessation</i> (прекращение), <i>fracture</i> (разрыв) • <i>rationalisation</i> (рационализация), <i>sensibilisation</i> (информирование) • <i>ajustement</i> (приспособление), <i>reclassement</i> (перераспределение)
Отклонение от нормы	<ul style="list-style-type: none"> • <i>souci</i> (проблема), <i>difficulté</i> (трудность), <i>irrégularité</i> (неправильность), <i>challenge</i> (вызов), <i>défi</i> (вызов) • <i>dysfonctionnement</i> (дисфункция), <i>désordre</i> (беспорядок), <i>détresse</i> (тяжёлое положение), <i>précarité</i> (ненадёжность), <i>déficit</i> (дефицит) • <i>différent</i> (отличающийся), <i>visible</i> (заметный), <i>atypique</i> (нетипичный), <i>non-traditionnel</i> (нетрадиционный) • <i>contestable</i> (спорный), <i>touché</i> (затронутый), <i>désorienté</i> (сбитый с толку), <i>irrationnel</i> (иррациональный) • <i>à la périphérie</i> (на периферии), <i>marginalisé</i> (маргинальный), <i>défavorisé</i> (нуждающийся), <i>sous-privilegié</i> (непривилегированный)
Антропоцентричные концепты	<ul style="list-style-type: none"> • <i>personne</i> (человек) • <i>citoyen</i> (гражданин), <i>client</i> (клиент), <i>consommateur</i> (потребитель) • <i>agent</i> (должностное лицо, служащий), <i>travailleur</i> (работник), <i>collaborateur</i> (сотрудник), • <i>préposé</i> (служащий), <i>assistant/-e</i> (ассистент) • <i>technicien/-ne</i> (техник)
Абстрактные концепты	<ul style="list-style-type: none"> • <i>activité</i> (деятельность) • <i>relation</i> (отношение), <i>intervention</i> (вмешательство) • <i>potentiel</i> (потенциал), <i>force</i> (сила) • <i>service</i> (услуга) • <i>sécurité</i> (безопасность)

са (беженца) vs нелегальное положение). Использование таких многокомпонентных единиц, занимающих промежуточное положение между прямой и вторичной номинацией, не ставит своей целью полностью скрыть номинируемый концепт. Смягчающий эвфемистический эффект языковых единиц, семантика которых моделируется на базе описанной модели, в большинстве случаев достигается за счёт параллельного действия нескольких метонимических концептов, что позволяет сместить акцент со стигматичной сущности референта.

Перспектива изучения концептуального аспекта политкорректных единиц

Изучение концептуального аспекта семантики политкорректных лексических и фразеологических единиц с выявлени-

ем концепта, на базе которого моделируется их значение, и номинативного фокуса позволяет выявить регулярные модели формирования фонда политкорректной лексики в языке. Обращение к глубинной семантике даёт возможность на новом уровне изучить политкорректные стратегии, эксплуатируемые в современных СМИ, применяемые политтехнологами и специалистами по связям с общественностью. Настоящее исследование представляет собой первый этап сопоставительного анализа политкорректного лексикона на материале нескольких романских и германских языков с целью выявления общих концептуальных и культурологических принципов формирования политкорректных единиц. Такой ракурс изучения позволяет также по-новому взглянуть на механизм языковых контактов в синхронии и диахронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков И.А. Политкорректность и толерантность как принципы современной политической коммуникации // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и межкультурное взаимодействие в обществе: Материалы научно-практической конференции. СПб., 2008. С. 92–104.
2. Вашурина Е.А. Политическая корректность как лингвокультурологическая и переводческая проблема. Самарский университет. Самара, 2007.
3. Киселёва Т.В. Коммуникативная корректность в языковой картине мира // Языковая семантика и образ мира // Материалы международной научной конференции, 7–10 октября 1997 г. Казань: Казанский государственный университет, 1998. Т. 1. С. 115.
4. Кочесоков Р.Х. Политическая корректность как средство формирования религиозной толерантности. [Электронный ресурс] // <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-politicheskaya.php?PrPage=VT>.
5. Мальцева Г.Л., Москвина Р.М. Политическая корректность в аспекте российско-германской межкультурной коммуникации // Языковое образование в России: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-практ. конференции / Отв. ред. Н.К. Иванова. Иваново: Иван. гос. хим-технол. ун-т, 2005. С. 126–129.
6. Мерзлякова Л.В. Языковой аспект политкорректности // Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 137–140.
7. Недува А. Некоторые психологические аспекты современной политкорректности. 2011. «Слово\Word» 2011. № 70.
8. Палажченко М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политике двойных стандартов // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 1. С. 81–89.
9. Палкин А.Ю. Языковой аспект политкорректности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007. № 3. С. 139–145.
10. Панин В.В. Политическая корректность в текстах mass media. М., 2003.

11. Порохницкая Л.В. Концептуальная метонимия в контексте изучения семантики эвфемизма. М.: Изд-во МГЛУ «Рема», 2016. С. 137–142. (Вестник Московского государственного лингвистического ун-та; Вып. 12. (751). Серия: Языкознание).
12. Торгашов В.И. Отражение проблем политкорректности в учебных текстах (на материале учебников английского языка) // Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 203–210.
13. Brune F. Médiatiquement correct: modeste contribution à la pratique du discours. Paris: Pargon, collection «l'Aventurine», 2004.
14. Chosson M. Parlez-vous la langue de bois? Petit traité de manipulation à l'usage des innocents. Paris: Éditions Points, 2007.
15. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture. Wiley-Blackwell, 2010.
16. Keyes R. Unmentionables. What we say instead of what we mean. Lnd: John Murray, 2010.
17. Lakoff G., Jonsen M. Metaphors We Live by. The University of Chicago Press, 1980.
18. Mamejean J. De la manœuvre des mœurs et du silence des mots dans le lexique français. Itinéraire d'une bienséance langagière inédite: le politiquement correct, entre splendeur et trahison. Université de Cergy-Pontoise, 2006.
19. Percebois J. Étude diachronique de termes clés de l'économie du développement en anglais et en français: entre réalisme et euphémisation // Empreintes de l' Euphémisme. Paris: L'Harmattan, 2010. P. 181–205.
20. Resche C. L'euphémisme dans le domaine de l'économie, de la finance et de la gestion: du terme au discours // Empreintes de l' Euphémisme. Paris: L'Harmattan, 2010. P. 153–179.
21. Yaguello M. Les mots et les femmes. Essai d'approche sociolinguistique de la condition féminine. Paris: Éditions Payot & Rivages, 2002. P. 258.

ENGLISH

Conceptual Representation of a Politically Correct Vocabulary (Examined by the French Language)

Lydia Vasilyevna Porokhnitskaya – Dr. Sc. of Philology, professor of the English Lexicology chair, Moscow State Linguistic University, supervisor of the project “Euphemism semantics from the cognitive point of view” (17-34-01003a2).

E-mail: projectplv77@gmail.com

Svetlana Mikhailovna Teplyakova – tutor of the Foreign Languages chair, the First Moscow Educational Complex, researcher in the same project.

E-mail: djcrazy@rambler.ru

The research offers a way of studying the formation of lexical and phraseological units in the French politically correct discourse. Despite a quite scrupulous study of various aspects of modern ideology and politically correct language – mostly, in the English language, – the issue how to model politically correct language remains obscure.

This paper attempts to identify formation models of not just individual language units in French that have the potential to mitigate and camouflage negative social practices and tabooed life phenomena, but also entire nominative areas of politically correct discourse.

Within the framework of this research, the authors has carried out a conceptual analysis of politically correct lexical and phraseological units of the modern French language representing different areas, and identified regular conceptual models of the formation of a politically correct vocabulary. At the present stage of the research, it is possible to state that metonymic models play a leading role in the replenishment of a politically correct language.

The study helps to identify seven metonymic conceptual units of an organized system. Inside the units, concepts are clustered and arranged according to the degree of generalization, which corresponds to the extent of their euphemistic potential to mitigate and camouflage represented phenomena. The concepts of different units correlate in the formation of the language unit semantics. The research describes the basic models of such interaction.

Keywords: politically correct discourse, conceptual model, conceptual metonymy, conceptual unit, nominative focus, euphemisms as a phenomenon

REFERENCES

1. Bykov I.A. Politkorrektnost' i tolerantnost' kak printsipy sovremennoy politicheskoy kommunikatsii // Tsennostnoe sodержanie zhurnalistiki: kul'tura sotsial'nykh otnosheniy i mezhkul'turnoe vzaimodeystvie v obshchestve: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb., 2008. S. 92–104 (in Russian).
2. Vashurina E.A. Politicheskaya korrektnost' kak lingvokul'turologicheskaya i perevodcheskaya problema. Samarskiy universitet. Samara, 2007 (in Russian).
3. Kiselyova T.V. Kommunikativnaya korrektnost' v yazykovoy kartine mira // Yazykovaya semantika i obraz mira // Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 7–10 oktyabrya 1997 g. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 1998. T. 1. S. 115 (in Russian).
4. Kochesokov R.Kh. Politicheskaya korrektnost' kak sredstvo formirovaniya religioznoy tolerantnosti. [Elektronnyy resurs] // URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-politicheskaya.php?PrPage=VT> (in Russian).
5. Mal'tseva G.L., Moskvina P.M. Politicheskaya korrektnost' v aspekte rossiysko-germanskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii // Yazykovoe obrazovanie v Rossii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy nauch.-prakt. konferentsii / Otv. red. N.K. Ivanova. Ivanovo: Ivan. gos. khim-tekhnol. un-t, 2005. S. 126–129 (in Russian).
6. Merzlyakova L.V. Yazykovoy aspekt politkorrektnosti // Vestnik OGU. 2002. № 6. S. 137–140 (in Russian).
7. Neduva A. Nekotorye psikhologicheskie aspekty sovremennoy politkorrektnosti. 2011. «Slovo\Word» 2011. № 70 (in Russian).
8. Palazhchenko M.Yu. K voprosu o politicheskoy korrektnosti, nastoyashchey i mnimoy, i politike dvoynykh standartov // Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2004. № 1. S. 81–89 (in Russian).
9. Palkin A.Yu. Yazykovoy aspekt politkorrektnosti // Vestnik KGU im. H.A. Nekrasova. 2007. № 3. S. 139–145 (in Russian).
10. Panin V.V. Politicheskaya korrektnost' v tekstakh mass media. M., 2003 (in Russian).
11. Porokhnitskaya L.V. Kontseptual'naya metonimiya v kontekste izucheniya semantiki evfemizma. M.: Izd-vo MGLU «Rema», 2016. S. 137–142. (Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta; Vyp. 12. (751). Seriya: Yazykoznanie) (in Russian).
12. Torgashov V.I. Otrazhenie problem politkorrektnosti v uchebnykh tekstakh (na materiale uchebnikov angliyskogo yazyka) // Lingvodidakticheskie problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2003. S. 203–210 (in Russian).
13. Brune F. Médiatiquement correct: modeste contribution à la pratique du discours. Paris: Paragon, collection «l'Aventurine», 2004.
14. Chosson M. Parlez-vous la langue de bois? Petit traité de manipulation à l'usage des innocents. Paris: Éditions Points, 2007.

15. Hughes G. Political correctness: A history of semantics and culture. Wiley-Blackwell, 2010.
16. Keyes R. Unmentionables. What we say instead of what we mean. Lnd: John Murray, 2010.
17. Lakoff G., Jonson M. Metaphors We Live by. The University of Chicago Press, 1980.
18. Masmеjean J. De la manœuvre des mœurs et du silence des mots dans le lexique français. Itinéraire d'une bienséance langagière inédite: le politiquement correct, entre splendeur et trahison. Université de Cergy-Pontoise, 2006.
19. Percebois J. Étude diachronique de termes clés de l'économie du développement en anglais et en français: entre réalisme et euphémisation // Empreintes de l' Euphémisme. Paris: L'Harmattan, 2010. P. 181–205.
20. Resche C. L'euphémisme dans le domaine de l'économie, de la finance et de la gestion: du terme au discours // Empreintes de l' Euphémisme. Paris: L'Harmattan, 2010. P. 153–179.
21. Yaguello M. Les mots et les femmes. Essai d'approche sociolinguistique de la condition féminine. Paris: Éditions Payot & Rivages, 2002.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.922, 159.923
ГРНТИ 15.01.11, 15.21.55, 15.21.51
DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-115-125

**Ю.Д. ЧЕРТКОВА,
М.С. ЕГОРОВА***

Роль негативных личностных черт в психологической адаптации

В статье представлен один из аспектов исследования, выполненного в рамках проекта «Природа вариативности негативных черт личности: близнецовое исследование». В работе рассматривается адаптивная составляющая негативных личностных характеристик. Выборка исследования состояла из 136 членов монозиготных близнецовых пар и 401 одиночнорождённого в возрасте 18–78 лет. В качестве обобщённого показателя психологической адаптации выступала удовлетворённость жизнью. Показано, что ряд негативных личностных черт (в частности, нарциссизм, авторитарность) положительно коррелируют с удовлетворённостью жизнью. Субъективная ценность различных личностных черт, которая также может косвенно служить показателем адаптивности этих психологических свойств, оценивалась с помощью семантического дифференциала. Возрастные изменения идеального образа Я, связанные в первую очередь с повышением привлекательности части негативных личностных характеристик, а также разнонаправленность желаемых изменений черт личности у себя и со-близнеца (увеличение властности и конфликтности у себя и снижение — у брата/сестры) также свидетельствуют о том, что ряд негативных личностных черт играет положительную роль в психологической адаптации. Предполагается, что эти характеристики могут выполнять компенсаторную функцию в стрессовых ситуациях, а деструктивность этих черт может больше сказываться на окружающих, чем на самих носителях этих черт.

Ключевые слова: негативные личностные черты, близнецы, образ Я, удовлетворённость жизнью, изменения, психологическая адаптация

* **Черткова Юлия Давидовна** — кандидат психологических наук, доцент факультета психологии Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова, руководитель проекта «Природа вариативности негативных черт личности: близнецовое исследование» (15-06-10847а).

E-mail: y_chertkova@mail.ru

Егорова Марина Сергеевна — член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заведующая кафедрой факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: ms_egorova@mail.ru

До недавнего времени исследования, рассматривающие какие-либо черты за пределами базовых личностных черт, были эпизодическими и включали преимущественно характеристики, имеющие смысл для клинических исследований (преморбидные или сопутствующие психическому отклонению). В последнее десятилетие, по мере того как стали обобщаться данные о прогностической валидности частных черт личности, растёт интерес к негативным личностным чертам, которые — несмотря на название — не могут быть однозначно определены как дезадаптивные.

Исследования роли личностных характеристик в жизненной успешности (устойчивости брака, удовлетворённости профессией, сохранении активности и интереса к жизни в пожилом возрасте) показывают, что негативные черты личности играют, во-первых, значимую и, во-вторых, не обязательно негативную роль в разных показателях удовлетворённости жизнью [1, 2]. Так, показано, что негативные личностные черты выполняют — в определённой мере — защитную функцию при взаимодействии с окружающим миром в потенциально стрессовых ситуациях [3, 4].

Отсутствие деструктивного воздействия негативных черт связано с тем, что их деструктивность может больше сказываться на окружающих, чем на носителях этих черт, или не обнаруживаться в некоторых ситуациях, или проявляться «светлой стороной». Последнее — светлая сторона негативных черт — интенсивно исследуется как возможная точка личностного роста и компенсации нежелательных последствий [5–8].

Интересно также, что, казалось бы, противоположные по содержанию негативные черты (например, перфекционизм и импульсивность) могут действовать одинаково на характеристики, свидетельствующие о благополучии/неблагополучии [9].

Актуальность исследования определяется влиянием негативных черт практиче-

ски на все сферы жизни — на вероятность девиантного поведения, компетентность в межличностных отношениях, карьерную успешность, удовлетворённость жизнью, соматическое и психическое здоровье и т.д. В исследовании рассматриваются две альтернативные по содержанию группы негативных черт личности, связанные: 1) со склонностью к нарушению социальных норм (например, неклиническая психопатия, прокрастинация и др.) и 2) с преувеличением ценности и незыблемости социальных норм (например, авторитарность, перфекционизм).

Наряду с оценкой вклада негативных личностных черт в субъективное психологическое благополучие в работе рассматривается ценность различных личностных характеристик в глазах самих респондентов — участников исследования.

Цель исследования — проверка гипотезы о наличии адаптивных составляющих негативных личностных черт и соотнесение данных с результатами, полученными в другом культурном контексте (зарубежных работах).

Испытуемые и методики исследования

Выборку исследования в рамках проекта составили экспериментальная и контрольная группы. В экспериментальную группу вошли 136 членов монозиготных близнецовых пар в возрасте от 18 до 64 лет, в контрольную группу — 401 одиночно рождённый в возрасте от 18 до 78 лет.

Удовлетворённость жизнью

Удовлетворённость жизнью является когнитивным компонентом субъективного психологического благополучия. Для диагностики этой характеристики использовалась Шкала удовлетворённости жизнью Динера [10]. Испытуемому не задаются никакие критерии оценки, он сам определяет, насколько его жизнь близка к идеалу и многое ли ему хотелось бы изменить. Кроме общей удовлетворённости жизнью респондентам предлагалось

оценить удовлетворённость отдельными сторонами жизни – личной жизнью и карьерой. Ответы на эти вопросы не суммировались с баллами по шкале Динера.

Тёмная триада

Тёмная триада представляет собой комплекс черт, включающий неклинический нарциссизм, неклиническую психопатию и макиавеллизм. Неклинический нарциссизм поведенчески проявляется как ощущение собственной исключительности, самолюбование, демонстративность. Макиавеллизм описывается выражением «цель оправдывает средства» и проявляется как склонность к манипулятивному поведению, пренебрежение нравственными ценностями. Неклиническая психопатия предполагает низкую эмпатию, эмоциональную холодность, склонность к асоциальному поведению и др.

Тёмная триада диагностировалась с помощью Короткого опросника Тёмной триады SD3 [11], адаптированного для российской популяции [12].

Авторитарность

Авторитарность представляет собой личностную характеристику, отражающую стремление слепо повиноваться власти.

Для диагностики использовался Краткий опросник авторитарности – адаптированная на российской популяции версия опросника RWA (Right-wing authoritarianism) Б.Альтемейера 1997 г. в сокращённом варианте [13, 14].

Опросник имеет две шкалы: 1) авторитарное подчинение и агрессия и 2) конвенционализм. Испытуемые, имеющие высокий балл по первой шкале, уверены, что люди, находящиеся у власти, компетентны, авторитетны, всегда принимают правильные решения, а оппозиционеры – смутьяны, которые пытаются посеять сомнения в умах людей и должны быть нейтрализованы. Высокий балл по второй шкале соответствует убеждению, что традиции и ценности предыдущих поколений по-прежнему задают самые правильные жизненные ориентиры,

а стране необходим сильный лидер. Общая авторитарность представляет собой сумму баллов по обоим шкалам.

Прокрастинация

Под прокрастинацией понимается склонность откладывать дела на потом, до последнего момента.

Прокрастинация диагностировалась по сокращённой версии Шкалы прокрастинации [15] в адаптации авторов статьи.

Одиночество

Выраженность одиночества оценивалась Дифференциальным опросником переживания одиночества [16]. Опросник имеет три шкалы и позволяет оценить переживание одиночества и два аспекта отношения к нему – зависимость от общения и позитивное одиночество, предполагающее, что время наедине с собой – это возможность для отдыха и саморазвития.

Перфекционизм

Перфекционизм – личностная черта, заключающаяся в стремлении достичь идеала. Выделяется так называемый нормальный перфекционизм – желание сделать всё как можно лучше при сохранении реалистичных требований к результату деятельности и так называемый патологический перфекционизм – болезненное отношение к ошибкам и недочётам, установление нереалистичных стандартов, неумение найти баланс между трудоёмкостью и результатом деятельности.

В исследовании оба типа перфекционизма диагностировались с помощью Дифференциального теста перфекционизма [17].

Семантический дифференциал

Список из 45 прилагательных был отработан в более раннем исследовании. Испытуемые заполняли бланки семантического дифференциала четыре раза подряд. В первый раз им предлагалось ответить, насколько определённые психологические свойства для них характерны в настоящий момент. Во второй – подумать о том, что хотелось бы изменить в себе, и описать этими же прилагатель-

ными свой желаемый образ. В третий раз опрашиваемые оценивали по этим же свойствам своего со-близнеца и в четвёртый — образ идеального со-близнеца.

Такая постановка эксперимента позволяет решить целый ряд задач: получить представление о «Я-реальном» и «Я-идеальном», соотнести самооценки и взаимные оценки членов пары, оценить сходство близнецов по личностным чертам и др. В данной части исследования семантический дифференциал использовался для оценки субъективной ценности различных личностных черт.

Все методики предполагали оценку по 5-балльной шкале Ликерта, где 1 балл соответствовал полному несогласию с вопросом, а 5 — абсолютному согласию. Суммарный балл делился на количество вопросов, входящих в шкалу, таким образом, все шкалы получили одинаковую размерность от 1 до 5.

Обработка результатов проводилась с помощью статистических пакетов SPSS19 и Statistica 5.5. Использовались корреляционный, регрессионный и факторный анализ, а также сопоставление групп по t-критерию Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Негативные личностные черты и удовлетворённость жизнью

Для получения общего представления о вкладе негативных характеристик в когнитивную составляющую субъективного психологического благополучия был проведён иерархический регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступала удовлетворённость жизнью. На первом этапе в качестве независимых переменных выступали возраст, пол и наличие сиблингов. Коэффициент детерминации (R^2) в этом случае был незначимым. Добавление на втором шаге в качестве независимых переменных негативных личностных характеристик (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, одиночество, прокрастинация, нормальный и патологический перфекционизм, авторитар-

ное подчинение и агрессия, конвенционализм) дало возможность объяснить 24,5% дисперсии общего показателя удовлетворённости жизнью. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице.

Ни один из социодемографических параметров не является значимым предиктором удовлетворённости жизнью. Среди негативных личностных черт такими предикторами удовлетворённости жизнью являются нарциссизм ($\beta = 0,127$, $p < 0,05$), общее одиночество ($\beta = -0,131$, $p < 0,01$), прокрастинация ($\beta = -0,171$, $p < 0,01$), патологический перфекционизм ($\beta = -0,163$, $p < 0,01$), авторитарное подчинение и авторитарная агрессия ($\beta = 0,221$, $p < 0,001$). Полученные данные свидетельствуют о том, что нарциссизм и авторитарность способствуют формированию более высокой удовлетворённости жизнью. Одиночество, перфекционизм и прокрастинация, наоборот, уменьшают её.

Корреляционный анализ подтверждает эти выводы. Из негативных свойств, входящих в Тёмную триаду, только нарциссизм демонстрирует взаимосвязи с когнитивной составляющей психологического благополучия. Коэффициенты корреляции между нарциссизмом и показателями удовлетворённости жизнью значимые ($p < 0,001$), хотя и относительно невысокие (r от 0,18 до 0,20). Эти корреляции, как и можно было ожидать, положительные, т.е. люди, ощущающие своё превосходство над другими, восхищающиеся собой, уверенные в своей исключительности имеют большую удовлетворённость жизнью в целом и отдельными её сторонами (работой и личной жизнью). Корреляции макиавеллизма, психопатии и удовлетворённости жизнью близки к 0.

Коэффициенты корреляции удовлетворённости жизнью с общей авторитарностью, авторитарным подчинением и агрессией, конвенционализмом равны соответственно 0,28, 0,27 и 0,22, $p < 0,001$. Взаимосвязи авторитарности с двумя другими показателями — удовлетворённостью личной жизнью и удовлетворён-

Таблица

**Основные показатели регрессии характеристики
«Удовлетворённость жизнью»**

	Шаг 1			Шаг 2		
	B	SE B	β	B	SE B	β
Возраст	,019	,017	,061	,009	,016	,028
Пол	,198	,370	,028	-,114	,337	-,016
Наличие сиблингов	,483	,551	,045	,014	,504	,001
Макиавеллизм				,011	,036	,016
Нарциссизм				,093	,043	,127*
Психопатия				,020	,042	,028
Общее одиночество				-,107	,044	-,131**
Зависимость от общения				,029	,041	,043
Позитивное одиночество				,015	,036	,025
Прокрастинация				-,056	,018	-,177**
Нормальный перфекционизм				,036	,037	,058
Патологический перфекционизм				-,100	,036	-,163**
Авторитарное подчинение				,157	,045	,221***
Конвенционализм				-,019	,050	-,023
R ²	,050			,242		
F	,691			8,508***		

Примечания. *p < 0,05, **p < 0,01, ***p < 0,001.

ностью карьерой – более слабые, однако достигающие уровня значимости у двух показателей авторитарности – общей авторитарности и авторитарного подчинения и агрессии. Можно предполагать, что принятие общественных норм, уверенность в том, что власти «знают как надо», ощущение себя частью коллектива, делегирование ответственности руководству приводит к большему ощущению защищённости и, в конечном счёте, большей удовлетворённости жизнью.

Два типа перфекционизма демонстрируют противоположные тенденции в отношении связей с удовлетворённостью жизнью. Как и можно было ожидать, стремление хорошо делать то, чем занимаешься (и, вероятно, соответствующий этому результат), положительно связано с удовлетворённостью жизнью ($r = 0,31$, $p < 0,001$), и, в свою очередь, патологический перфекционизм связан с удовлетворённостью жизнью отрицательно ($r = -0,25$, $p < 0,001$).

Стремление откладывать дела на потом (прокрастинация) также негативно сказывается и на общей удовлетворённости жизнью ($r = -0,35$, $p < 0,001$), и на удовлет-

ворённости карьерой ($r = -0,29$, $p < 0,001$) и личной жизнью ($r = -0,24$, $p < 0,001$).

Таким образом, по крайней мере некоторые из негативных личностных черт положительно связаны с удовлетворённостью жизнью. Как писала канадский психолог Кара МакИннис, «Будучи “плохими” для других... они могут быть “хорошими” для самого человека» [18, с. 789]. Эти результаты соответствуют данным, полученным на западных выборах. Так, в зарубежных работах к негативным характеристикам, способствующим большому субъективному психологическому благополучию, относят консерватизм [19, 20], авторитарность [21, 22], нарциссизм [23] и некоторые другие.

Оценка субъективной ценности различных личностных черт

Какова субъективная ценность этих характеристик у наших респондентов? Представление о Я-идеальном, полученное при использовании семантического дифференциала, позволяет нам оценить, насколько привлекательны те или иные психологические характеристики для наших респондентов применительно к себе,

а об идеальном со-близнеце – применительно к значимым другим.

Большинство респондентов как одно-значно положительные (идеальный образ имеет среднюю оценку выше 4 по шкале от 1 до 5) рассматривают следующие качества: характеристики саморегуляции (упорство, трудолюбие, старательность, целеустремленность, сильная воля, активность, терпение), положительный эмоциональный фон (уверенность в себе, оптимизм, непринужденность), направленность на других (приятность в общении, доброжелательность, чуткость, сочувствие другим, отзывчивость, деликатность). Наименее привлекательны для респондентов (оценка от 1 до 2) невозможность положиться на человека (необязательность, лживость, неуправляемость), негативная эмоциональность (раздражительность, разочарованность, пугливость, нерешительность), неприятность в общении (ограниченность, подозрительность, злопамятность, конфликтность, ворчливость, нахальство, деспотичность). Амбивалентное отношение вызывают властность и недоверчивость (средний балл «идеального человека» близок к 3). Вероятно, предполагается, что наиболее адаптивной является умеренная выраженность этих характеристик.

С возрастом представление о желаемом образе Я несколько меняется – пять из 45 характеристик продемонстрировали значимые корреляции с возрастом испытуемых. Интересно, что становятся более привлекательными в первую очередь негативные личностные черты – конфликтность ($r = 0,284$, $p < 0,001$), злопамятность ($r = 0,23$, $p < 0,01$), раздражительность ($r = 0,18$, $p < 0,05$). Вместе с тем респонденты хотели бы стать менее пробиными ($r = 0,27$, $p < 0,01$) и более оптимистичными ($r = 0,18$, $p < 0,05$). Можно предположить, что респонденты в зрелом возрасте имеют жизненный опыт, свидетельствующий, что более эффективным является не желание нравиться, а умение отстаивать свои интересы.

С помощью эксплораторного факторного анализа 45 первичных характеристик были сгруппированы в 5 факторов, суммарно описывающих около 47% дисперсии: 1) «Доброжелательность» (Сочувствующий, Чуткий, Отзывчивый и др.); 2) «Неуверенность в себе, пассивность» (Уверенный в себе (с отрицательным знаком), Нерешительный и др.); 3) «Упорство, сознательность» (Трудолюбивый, Упорный, Старательный и др.); 4) «Властность, конфликтность» (Конфликтный, Властный, Деспотичный и др.); 5) «Эмоциональность» (Эмоциональный, Впечатлительный и др.).

На рис. 1 представлены данные по пяти выделенным факторам для всех четырех ответов респондентов. Оценки себя и со-близнеца схожи: оба члена пары рассматриваются как доброжелательные, ответственные, эмоциональные, довольно мягкие. Единственный фактор, по которому наблюдаются значимые различия в оценках – это неуверенность в себе. Респонденты видят себя более пассивными и неуверенными, чем своих со-близнецов ($2,76$ vs $1,82$, $p < 0,01$).

Насколько наши респонденты хотели бы измениться и каким видеть своего со-близнеца? На рис. 2 отражены желаемые изменения себя и со-близнеца по обобщенным личностным характеристикам. По каждому фактору рассчитывалась разность между оценкой свойств в настоящий момент и идеальным образом. Таким образом, положительная дельта свидетельствует о том, что респонденты хотели бы видеть данное свойство более выраженным, чем оно есть сейчас, а отрицательная – о желании смягчить/уменьшить данное свойство.

Главное, что, по мнению наших респондентов, нужно изменить и в себе, и в со-близнеце, – это повысить уверенность в себе, стать активнее и решительнее. Желательно также стать ответственным и упорнее, стать старательным и целеустремленным. Хотелось бы немного

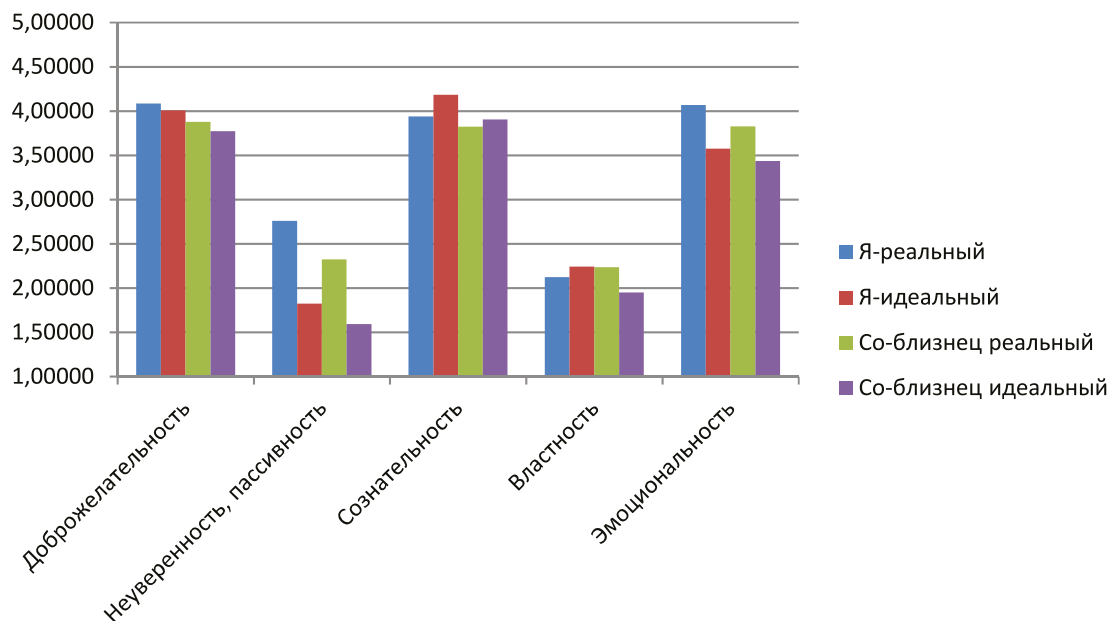

Рис. 1. Выраженность пяти обобщённых личностных свойств: оценка себя и со-близнеца в настоящее время и желаемые изменения

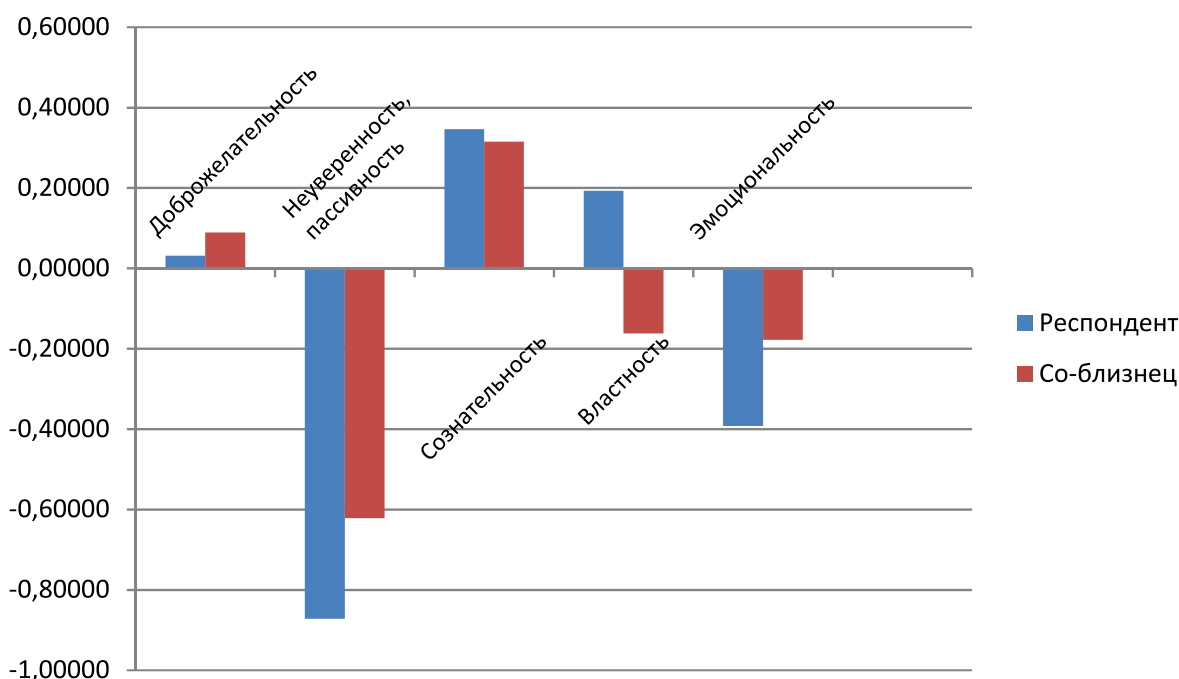

Рис. 2. Желаемые изменения личностных черт себя и со-близнеца

уменьшить эмоциональность, не принимать всё так близко к сердцу. Доброжелательность, по мнению наших респондентов, практически не требует изменений: они и так приятные в общении, готовые помочь и посочувствовать люди.

Самый интересный факт — отношение к властности. Желаемые направле-

ния изменений разнонаправлены для себя и со-близнеца. Самим респондентам хочется не бояться конфликтных ситуаций, уметь настоять на своём, даже добавить себе немного нахальства. Со-близнеца же им бы хотелось видеть более мягким, уступчивым, чем сейчас (0,19 vs -0,16, $p < 0,001$).

Заключение

Негативные личностные черты определяют примерно четверть вариативности удовлетворённости жизнью. Разные характеристики демонстрируют все три возможных вида соотношения с удовлетворённостью жизнью: положительную корреляцию (нарциссизм, авторитарность), отсутствие взаимосвязей (макиавеллизм, неклиническая психопатия), отрицательную корреляцию (прокрастинация, патологический перфекционизм).

При оценке субъективной ценности различных психологических черт большая часть негативных личностных характеристик оценивается испытуемыми скорее отрицательно, но некоторые из них (например, недоверчивость и властность) рассматриваются как адаптивно полезные при условии уме-

ренной выраженности. Вместе с тем для успеха в жизни, по мнению наших респондентов, оказывается важным комплекс характеристик, связанный с отсутствием стеснительности и желанием избежать конфликта, умением отстаивать свои интересы.

Различия в образе себя и со-близнеца касаются сферы эмоциональных отношений с другими людьми, в том числе в потенциально конфликтных ситуациях. Испытуемые кажутся себе менее привлекательными для других, более обидчивыми и пугливыми, неспособными настоять на своём, чем их брат/сестра, и желаемые изменения связаны с коррекцией этих различий.

В целом исследование подтверждает гипотезу об адаптивной природе негативных личностных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Paunonen S.V., Ashton M.C. On the prediction of academic performance with personality traits: A replication study // *Journal of Research in Personality*. 2013. Т. 47. № 6. С. 778–781.
2. Furnham A., Richards S., Rangel L., Jone, D.N. Measuring malevolence: Quantitative issues surrounding the Dark Triad of personality // *Personality and individual differences*. 2014. Т. 67. С. 114–121.
3. Brandt M.J., Chambers J.R., Crawford J.T., Wetherell G., Reyna C. Bounded openness: The effect of openness to experience on intolerance is moderated by target group conventionality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Т. 109. №. 3. С. 549–568.
4. Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Паршикова О.В., Ржанова И.Е. Авторитарность как компенсаторная характеристика // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 56. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
5. Hogan R., Hogan J. Assessing leadership: A view from the dark side // *International Journal of Selection and assessment*. 2001. Т. 9. № 1–2. С. 40–51.
6. Kwapil T.R., Brown L.H., Silvia P.J., Myin-Germeys I., Barrantes-Vidal N. The expression of positive and negative schizotypy in daily life: an experience sampling study // *Psychological Medicine*. 2012. Т. 42. № 12. С. 2555–2566.
7. Furnham A., Trickey G., Hyde G. Bright aspects to dark side traits: Dark side traits associated with work success // *Personality and Individual Differences*. 2012. Т. 52. № 8. С. 908–913.
8. Furnham A., Hyde G., Trickey G. On-line questionnaire completion time and personality test scores // *Personality and Individual Differences*. 2013. Т. 54. № 6. С. 716–720.
9. Boone L., Claes L., Luyten P. Too strict or too loose? Perfectionism and impulsivity: The relation with eating disorder symptoms using a person-centered approach // *Eating behaviors*. 2014. Т. 15. № 1. С. 17–23.
10. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // *Journal of personality assessment*. 1985. Т. 49. № 1. С. 71–75.

11. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the short dark triad (SD3) a brief measure of dark personality traits // *Assessment*. 2014. Т. 21. № 1. С. 28–41.
12. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Тёмной триады // *Психологические исследования*. 2015. 8 (43). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
13. Jost J.T., Sidanius J. *Political psychology: Key readings*. New York, NY: Psychology Press, 2004.
14. Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Фоминых А.Я., Алексеева О.С. Авторитарность в структуре личностных черт // *Психологические исследования*. 2017. Т. 10. № 52. С. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
15. Lay C.H. At last, my research article on procrastination // *Journal of research in personality*. 1986. Т. 20. № 4. С. 474–495.
16. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
17. Золотарёва А.А. Дифференциальная диагностика перфекционизма // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 2. С. 117–128.
18. MacInnis C.C., Bussieri M.A., Choma B.L., Hodson G. The happy cyclist: Examining the association between generalized authoritarianism and subjective well-being // *Personality and Individual Differences*. 2013. Т. 55. № 7. С. 789–793.
19. Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M. Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction // *Journal of Research in Personality*. 2012. Т. 46. № 2. С. 127–146.
20. Van Hiel A., Brebels L. Conservatism is good for you: Cultural conservatism protects self-esteem in older adults // *Personality and Individual Differences*. 2011. Т. 50. № 1. С. 120–123.
21. Sibley C.G., Duckitt J. Personality and prejudice: A meta-analysis and theoretical review // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Т. 12. № 3. С. 248–279.
22. Van Hiel A., De Clercq B. Authoritarianism is good for you: Right-wing authoritarianism as a buffering factor for mental distress // *European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology*. 2009. Т. 23. № 1. С. 33–50.
23. Rose P., Campbell W.K. Greatness Feels Good: A Telic Model of Narcissism and Subjective Well-Being. // S.P. Shohov (Ed.). *Advances in psychology research*. Hauppauge, NY, US: Nova Science Publishers, 2004. Vol. 31. Pp. 3–26.

ENGLISH

The Role of Negative Personality Traits in Psychological Adaptation

Yuliya Davidovna Chertkova — Cand. Sc. of Psychology, associate professor of the Psychology Department, Lomonosov Moscow State University, supervisor of the project “Nature of variability of negative personality traits: a twin study (15-06-10847a).

E-mail: y_chertkova@mail.ru

Marina Sergeevna Yegorova — associate fellow of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. of Psychology, head of the Psychology chair, Lomonosov Moscow State University, researcher in the same project.

E-mail: ms_egorova@mail.ru

The paper reflects one of the aspects of the research carried out within the framework of the project “Nature of variability of negative personality traits: a twin study”. The research reviews the adaptive component of negative personal traits. The sample of the study consisted of 136 members of monozygotic twins and 401 only children in their families aged 18-78. Life satisfac-

tion was a generalized metric of psychological adaptation. It is shown that a number of negative personality traits (in particular, narcissism, authoritarianism) positively correlate with life satisfaction. The biased value of various personality traits, which can also indirectly serve as an indicator of adaptability of these psychological properties, was assessed using a semantic differential. The age-related changes in the perfect image of the self, which are associated primarily with some more attractive negative personal traits, as well as the multidirectional desired changes in personality traits in themselves and the twin (more power and conflict in themselves and less of the same in the brother/sister) also indicate that a number of negative personal traits play a positive role in psychological adaptation. It is assumed that these traits can have a compensatory function during stress, and the destructiveness of these traits can have a greater impact on people around than on themselves.

Keywords: negative personality traits, twins, changes, self-perception, life satisfaction, psychological adaptation

REFERENCES

1. Paunonen S.V., Ashton M.C. On the prediction of academic performance with personality traits: A replication study // *Journal of Research in Personality*. 2013. T. 47. № 6. S. 778–781.
2. Furnham A., Richards S., Rangel L., Jone, D.N. Measuring malevolence: Quantitative issues surrounding the Dark Triad of personality // *Personality and Individual Differences*. 2014. T. 67. S. 114–121.
3. Brandt M.J., Chambers J.R., Crawford J.T., Wetherell G., Reyna C. Bounded openness: The effect of openness to experience on intolerance is moderated by target group conventionality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. T. 109. №. 3. S. 549–568.
4. Chertkova Yu.D., Egorova M.S., Parshikova O.V., Rzhanova I.E. Avtoritarnost' kak kompensatornaya kharakteristika // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2017. T. 10. № 56. S. 11. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 20.06.2018) (in Russian).
5. Hogan R., Hogan J. Assessing leadership: A view from the dark side // *International Journal of Selection and assessment*. 2001. T. 9. № 1–2. S. 40–51.
6. Kwapil T.R., Brown L.H., Silvia P.J., Myin-Germeys I., Barrantes-Vidal N. The expression of positive and negative schizotypy in daily life: an experience sampling study // *Psychological Medicine*. 2012. T. 42. № 12. S. 2555–2566.
7. Furnham A., Trickey G., Hyde G. Bright aspects to dark side traits: Dark side traits associated with work success // *Personality and Individual Differences*. 2012. T. 52. № 8. S. 908–913.
8. Furnham A., Hyde G., Trickey G. On-line questionnaire completion time and personality test scores // *Personality and Individual Differences*. 2013. T. 54. № 6. S. 716–720.
9. Boone L., Claes L., Luyten P. Too strict or too loose? Perfectionism and impulsivity: The relation with eating disorder symptoms using a person-centered approach // *Eating behaviors*. 2014. T. 15. № 1. S. 17–23.
10. Diener E.D., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // *Journal of personality assessment*. 1985. T. 49. № 1. S. 71–75.
11. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the short dark triad (SD3) a brief measure of dark personality traits // *Assessment*. 2014. T. 21. № 1. S. 28–41.
12. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptatsiya Korotkogo oprosnika Tyomnoy triady // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2015. 8 (43). URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 20.06.2018) (in Russian).

13. Jost J.T., Sidanius J. Political psychology: Key readings. New York, NY: Psychology Press, 2004.
14. Chertkova Yu.D., Egorova M.S., Fominykh A.Ya., Alekseeva O.S. Avtoritarnost' v strukture lichnostnykh chert // Psikhologicheskie issledovaniya. 2017. T. 10. № 52. S. 11. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 20.06.2018) (in Russian).
15. Lay C.H. At last, my research article on procrastination // Journal of research in personality. 1986. T. 20. № 4. S. 474–495.
16. Osin E.N., Leont'ev D.A. Differentsial'nyy oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoystva // Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2013. T. 10. № 1. С. 55–81 (in Russian).
17. Zolotaryova A.A. Differentsial'naya diagnostika perfektsionizma // Psikhologicheskiy zhurnal. 2013. T. 34. № 2. S. 117–128 (in Russian).
18. MacInnis C.C., Bussari M.A., Choma B.L., Hodson G. The happy cyclist: Examining the association between generalized authoritarianism and subjective well-being // Personality and Individual Differences. 2013. T. 55. № 7. S. 789–793.
19. Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M. Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction // Journal of Research in Personality. 2012. T. 46. № 2. S. 127–146.
20. Van Hiel A., Brebels L. Conservatism is good for you: Cultural conservatism protects self-esteem in older adults // Personality and Individual Differences. 2011. T. 50. № 1. S. 120–123.
21. Sibley C.G., Duckitt J. Personality and prejudice: A meta-analysis and theoretical review // Personality and Social Psychology Review. 2008. T. 12. № 3. S. 248–279.
22. Van Hiel A., De Clercq B. Authoritarianism is good for you: Right-wing authoritarianism as a buffering factor for mental distress // European Journal of Personality: Published for the European Association of Personality Psychology. 2009. T. 23. № 1. S. 33–50.
23. Rose P., Campbell W.K. Greatness Feels Good: A Telic Model of Narcissism and Subjective Well-Being. // S.P. Shohov (Ed.). Advances in psychology research. Hauppauge, NY, US: Nova Science Publishers, 2004. Vol. 31. Pp. 3–26.

Е.В.КУФТЯК*

Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрастах: динамика и детерминанты

Жизнеспособность человека анализируется как показатель его способности к развитию, адаптации и сохранению стабильности/равновесия в трудных жизненных ситуациях. Понятие жизнеспособности включает два аспекта: подверженность неблагоприятным обстоятельствам и последующая успешная адаптация или позитивный исход. В качестве ведущих факторов жизнеспособности человека рассматриваются личностные характеристики, социальная компетентность, наличие внешней поддержки. В статье отражена процедура адаптации и проверки психометрических характеристик опросника, направленного на оценку факторов жизнеспособности. Представлены результаты исследования, посвящённого изучению становления жизнеспособности в подростковом и юношеском возрастах. Предполагается, что существует возрастная динамика жизнеспособности на разных этапах онтогенеза, а личностные черты и социальные отношения выступают факторами защиты и риска. Показано, что имеются различия в показателях жизнеспособности в разновозрастных группах молодёжи, в том числе отличающихся по полу. Обсуждаются вопросы специфики личностного развития младших школьников с разным уровнем жизнеспособности. В группе жизнеспособных младших подростков выражен фактор «высокий интеллект» (В), а «низкожизнеспособные» подростки характеризуются высоким уровнем тревожности (фактор О).

Ключевые слова: жизнеспособность, возрастная динамика, детерминанты, подростки, юношеский возраст, опросник, адаптация

Проблема обеспечения стабильности и устойчивости жизни человека является одной из актуальных в современной психологической науке. Способность человека оставаться адаптивным и успешным в труд-

ных обстоятельствах выступает залогом его благополучия и здоровья независимо от возраста [1]. Функционирование адаптационной системы человека невозможно без такого психологического феномена, как жизнеспособность,

* **Куфтяк Елена Владимировна** — доктор психологических наук, заведующая кафедрой специальной педагогики и психологии Костромского государственного университета, руководитель проекта «Психологические факторы и методы диагностики жизнеспособности в подростковом и юношеском возрасте» (15-06-10198а).

E-mail: kuftyak@yandex.ru

обеспечивающего потенциальное развитие и эффективное функционирование, в том числе и в неблагоприятных условиях. Изначально способность противостоять стрессу рассматривалась как врождённое качество, как чудо, как способность, свойственная уникальным детям, как психологическая броня «неуязвимого ребёнка», который неподвластен стрессу [2]. Современные авторы определяют жизнеспособность как динамический процесс, включающий позитивную адаптацию в контексте неблагоприятных условий жизни [3]. Жизнеспособная личность – человек, который адаптируется «к чрезвычайным обстоятельствам, достигая неожиданного позитивного исхода в критических ситуациях» [4, р. 136]. Жизнеспособность предполагает невосприимчивость к вредным воздействиям [5].

Особый интерес представляет становление жизнеспособности в онтогенезе. В зарубежной психологии на протяжении долгого времени изучается жизнеспособность как среди детей, так и среди взрослых. В отечественной психологии активно ведётся изучение жизнеспособности в рамках общепсихологической проблематики человека в период зрелости. Малоизученным и актуальным остаётся вопрос о влиянии психологических факторов на развитие жизнеспособности в подростковом и юношеском возрастах [6, 7]. Данный возрастной период как наиболее уязвимый в онтогенезе большинство исследователей рассматривает в качестве фактора риска дезадаптации и психических нарушений. Для современного общества понимание психологических характеристик подрастающего поколения, помогающих ему жить, развиваться и адаптироваться, делающих его стойким перед лицом опасностей, раскрывающих возможности потенциального развития, вносит серьёзный практический вклад в разработку программ по формированию личностной и социальной компетентности.

Основная цель данного исследования состоит в изучении основных компонентов жизнеспособности человека на этапе его становления и взросления (подростковый и юношеский возраст) и его детерминант, что задаёт вектор потенциального развития, благополучия и эффективного функционирования в будущем. В центре внимания участников проекта находилась также разработка оригинального методического инструментария для изучения жизнеспособности в подростковом и юношеском возрастах, ранее недоступного отечественным исследователям.

На разных этапах в исследовании приняли участие 653 человека, из них 170 участников подросткового возраста. Юношескую выборку составили 226 студентов вузов и техникумов Костромы и Казани. Адаптация русскоязычного варианта опросника была проведена на выборке 257 человек (103 мужчины и 154 женщины) в возрасте от 15 до 34 лет.

Разработка опросника изучения факторов жизнеспособности

В англоязычных странах для исследования факторов жизнеспособности используются шкалы, разработанные на основе концепции Э.Гротберг [8]. Автор, основываясь на результатах международного проекта изучения жизнеспособности детей в возрасте от 0 до 11 лет из 30 стран [9], разработала концепцию жизнеспособности. По мнению Э.Гротберг, для достижения жизнеспособности важны три фактора: 1) «У меня есть» (внешняя поддержка); 2) «Я являюсь» (внутренние силы); 3) «Я могу» (социальные и личностные навыки), каждый из них содержит качественные характеристики (табл. 1). В 2003 г. Э.Гротберг предложила дополнительные характеристики и заменила навыки в категории «я могу» на межличностные навыки и навыки решения проблем [8].

Англоязычный вариант опросника «Шкала факторов жизнеспособности» построен на основе концепции Э.Гротберг и содержит 25 утверждений. Все вопро-

Таблица 1

Модель жизнеспособности (Э. Гротберг, 2000)

Факторы		
У меня есть	Я являюсь	Я могу
Доверительные отношения	Привлекательным	Общаться
Домашние правила	Любящим	Решать проблемы
Образцы для подражания (ролевые модели)	Обладающим чувством собственного достоинства	Управлять своими чувствами
Поощрение самостоятельности	Независимым и ответственным	Оценивать свой характер и характер других
Доступность услуг учреждений, служб и организаций	Исполненным надежды, веры, доверия	Искать доверительные отношения

сы группируются в шесть шкал: решимость и умение решать проблемы, саморегулирование и социальные навыки, позитивное мышление, упорство, личностная и другие виды поддержки. Разработанная структура опросника соответствует данным разных исследований, в которых личностные характеристики, определённые умения, а также наличие внешней поддержки определялись в качестве ключевых признаков жизнеспособности человека [11].

Хотя наличие шести шкал в опроснике не соответствует трёхкомпонентной структуре жизнеспособности в концепции Э.Гротберг, они рассматриваются как подкомпоненты ведущих факторов жизнеспособности. Согласно Э.Гротберг, личностная и другие виды поддержки могут быть объединены как внешняя поддержка. Остальные компоненты можно объединить в два основных источника: 1) внутренние силы и 2) способности к межличностному взаимодействию и решению проблем. Решимость, позитивное мышление, упорство и саморегулирование являются личностными качествами, характеризующими внутренние силы. Так, внутренняя сила выступает как основной компонент, состоящий из различных важнейших характеристик.

В рамках проекта нами была адаптирована и валидизирована русская версия опросника. Проверка дискримина-

тивности вопросов опросника показала хороший результат [12]. Подсчёт *внутренней согласованности* шкал (надёжности — согласованности), осуществлённый с помощью коэффициента α -Кронбаха, показал, что все шкалы имеют удовлетворительный показатель (в интервале $0,776 \geq \alpha \geq 0,531$). *Внешняя валидность* проверялась с использованием опросников «Шкала психологического благополучия К.Рифф» и «Шкала чувства связности А.Антоновского».

Проверка валидности показала, что все шкалы опросника положительно коррелируют со всеми показателями шкал психологического благополучия (за исключением показателя «автономность») и шкалы чувства связности. Полученные данные дают основание для валидного использования методики на русскоязычной выборке в психологической практике.

Возрастные изменения жизнеспособности

Важным является этап нашего исследования, посвящённый изучению возрастной динамики в развитии жизнеспособности [14, 15]. Поскольку жизнеспособность — это определённая способность, которая формируется и закрепляется в процессе жизни, должны существовать различия в компонентах жизнеспособности с учётом онтогенеза. Вся выборка была разделена по возрасту на три

подгруппы: 1-я группа – от 16 до 17 лет, 2-я группа – от 18 до 20 лет, 3-я группа – от 21 до 22 лет.

Мы выявили эффект взаимодействия независимых факторов «пол» и «возраст» в отношении зависимой переменной «другие виды поддержки». Оказалось, что обращение к поддержке у юношей и девушек имеет зеркально противоположные результаты. У девушек обращение к внешним видам поддержки с возрастом усиливается за счёт расширения представлений о стратегиях поведения. А юноши к 22 годам при столкновении с трудностями чаще привлекают внешние ресурсы и ориентированы на взаимодействие с другими.

В результате анализа был обнаружен эффект воздействия факторов «пол» и «возраст» на зависимую переменную «навыки определения и решения проблем». Так, с возрастом у юношей навыки разрешения проблем постепенно оформляются, закрепляются и начинают доминировать в поведении. Благодаря накопленному опыту становится возможным использовать отработанные способы, избегать «бесполезных» стратегий поведения и отказаться от желания «бросаться в бой», используя все способы. Вероятно, внутренняя регуляция и социальные навыки с возрастом повышаются за счёт сознательных усилий по сохранению уверенности и самообладания, сдержанности в своих спонтанных проявлениях.

Мы выявили, что юноши при решении проблем рассчитывают на себя, а девушки склонны чаще обращаться за поддержкой к близким людям. Было установлено, что девушки, в отличие от юношей, более консервативны, склонны к тенденции «вязнуть» в эмоциях, что затрудняет позитивный взгляд на происходящие события.

Личностные и социальные детерминанты жизнеспособности

В ряде исследований убедительно показано, что на развитие и становление жизнеспособности оказывают влияние

как факторы, относящиеся к окружающей среде, так и биологические факторы [16]. Внутренние или наследственные факторы описываются как факторы биологической и психологической природы: они присущи индивиду и им порождаются. С точки зрения внутренних факторов, жизнеспособные дети обладают хорошим физическим здоровьем, редко болеют, не страдают бессонницей и отсутствием аппетита [17].

В ряде психологических исследований жизнеспособность связывается с индивидуально-психологическими качествами. Жизнеспособным личностям свойственны забота о себе, наличие веры, эмпатия, ориентация на активную деятельность и развитие, позитивный настрой и настойчивость [18]. С жизнеспособностью у детей сопряжены следующие характеристики: высокие познавательные способности и лёгкость темперамента, что способствует качественным социальным связям. Для жизнеспособного взрослого, пережившего трудное детство, характерны такие черты, как пронизательность (осведомлённость о трудностях), независимость (дистанцирование от проблемы), межличностное взаимодействие (социальная поддержка от других), инициатива (помощь себе и близким), творчество, юмор (представление ситуации в менее угрожающем виде), моральные качества (справедливость, сострадание). Исходы жизнеспособности сопряжены с выносливостью, самоусилением, принудительным копингом и позитивными эмоциями [19].

Внешние или относящиеся к окружающей среде факторы отражают качество отношений или с членами семьи, или с людьми, не входящими в семейное окружение. Факторы в пределах близкого окружения включают в себя: родителей, их стиль воспитания, сиблингов, традиции и культуру. Факторы окружающей среды, которые играют роль в проявлении жизнеспособности, включают отношения и ресурсы социального окружения – общественные организации и со-

общества, и их членов — взрослых и ровесников.

Мы проанализировали личностные особенности младших подростков с разным уровнем жизнеспособности [20]. Было установлено, что жизнеспособные школьники, в отличие от детей с низким её уровнем, отличаются более сложной системой социальных умений, более уверены в себе и самостоятельны, склонны к решению и готовы действовать в сложных ситуациях (табл. 2). Жизнеспособные подростки имеют более широкую поддержку со стороны семейного окружения и сверстников, могут надеяться на стабильность отношений в семье. Выявлено, что девочки со сниженным уровнем жизнеспособности живут в благоприятных условиях, как и их жизнеспособные сверстницы. Эти данные позволяют говорить том, что у девочек данной группы семья может выступать ресурсом в неблагоприятных условиях.

В группе детей с низким уровнем жизнеспособности девочки, по сравнению с мальчиками, отличаются более благоприятными средовыми условиями. Так, семьи этих девочек характеризуется стабильными эмоциональными связями, привлечением к сотрудничеству и социальной поддержкой. Также девочки с низким уровнем жизнеспособности, по сравнению с мальчиками, оказываются более компетентными в социальном плане. Они более открыты, активно включаются во взаимодействие с другими и эмпатичны. Как видно, поведенческие и эмоциональные показатели тесно связаны с по-

лоролевыми характеристиками, гендерными стереотипами. Так, девочки в большей степени в сложных ситуациях могут чаще обращаться к социальному окружению, чем мальчики.

Наше исследование касалось изучения индивидуально-психологических особенностей личности в группах детей с высоким и низким уровнем жизнеспособности. Было обнаружено, что жизнеспособные дети отличаются более высоким интеллектуальным развитием, им легче усваивать новые знания. Школьники с низким уровнем жизнеспособности чаще испытывают озабоченность, страх и неуверенность в себе. Так, подростки менее жизнеспособные оказываются более тревожными. По данным современных исследований высокотрехотные школьники, по сравнению с их эмоционально устойчивыми сверстниками, имеют меньший объём наглядно-образной памяти, низкую скорость восприятия и переработки информации [21]. Установлено, что эмоционально неустойчивые школьники, в отличие от эмоционально устойчивых детей, имеют более высокий утренний уровень кортизола [21]. Вероятно, эмоциональное состояние детей этой группы обусловлено низкой физиологической устойчивостью к стрессу, высоким уровнем нейротизма и личностной тревожностью, что нарушает адаптацию детей в сложных ситуациях.

Ориентируясь на имеющиеся данные о том, что жизнеспособность у детей оказывается социально обусловленной и формируется под влиянием родителей,

Таблица 2

Личностные особенности младших подростков с разным уровнем жизнеспособности

Жизнеспособные подростки	Подростки с низким уровнем жизнеспособности
Подростки отличаются сложной системой социальных умений, уверены в себе, самостоятельны, склонны к действиям в сложных ситуациях	Девочки находятся в благоприятных средовых условиях, социально компетентны (в сравнении с мальчиками)
Подростки имеют высокие познавательные способности, легко усваивают новые знания	Тревожны, не уверены в себе, испытывают страхи

мы проверили взаимосвязь показателей жизнеспособности с воспитательными практиками родителей (отца, матери).

Было установлено, что социальная компетентность подростков отрицательно связана с позитивным интересом матери. Это единственная связь жизнеспособности с отношением матери к подростку. Так, безусловное положительное отношение матери к ребенку в подростковом возрасте оказывает влияние на социальные умения и навыки взаимодействия с окружающими.

Социальный ресурс коррелирует с «непоследовательностью» отца по отношению к подростку. Показатель единства семьи и личностная компетентность отрицательно связаны с «директивностью» отца по отношению к подростку.

Именно воспитательные тактики со стороны отца имеют большее воздействие на жизнеспособность. Предъявление отцом жёстких требований в сочетании с их непоследовательностью уменьшают уверенность в себе и ориентацию на будущее, но заставляют подростков искать в окружающей среде (внешний защитный фактор) помощь и поддержку.

Жизнеспособность и ограниченные возможности здоровья

В особой ситуации находятся дети с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), где наличие тяжёлого инвалидизирующего заболевания рассматривается в качестве фактора риска для развития и жизнедеятельности. Слабовидение как психофизическое нарушение проявляется в ограничении зрительного восприятия. Нарушение зрения влияет на весь процесс формирования и развития личности, предопределяя специфические особенности деятельности, общения и психофизического развития. В ходе исследования было обнаружено, что у подростков с нарушениями зрения среди характеристик жизнеспособности доминирует склонность целенаправленно пла-

нировать и достигать поставленной цели. Можно констатировать, что развитая способность планирования при разрешении проблем и жизнедеятельности в целом позволяет им без лишних эмоциональных затрат справляться с ограниченными возможностями жизни.

Подростки с нарушениями зрения, значимо чаще подростков с типичным развитием, используют механизмы психологической защиты по типу *компенсация* и *реактивное образование*. Активность в замещении одного вида деятельности другим освобождает подростков от признания своей неполноценности, что способствует их позитивному самопринятию, а трансформация негативных эмоций в противоположные помогает ослабить эмоциональное напряжение. Мы обнаружили связь механизма компенсации со стилем планирования и единством семьи. Это объясняется тем, что выраженность характеристик жизнеспособности подростков с нарушениями зрения связана с использованием защитных механизмов, относящихся преимущественно к группе зрелых или невротических защит. Так, зрелые механизмы психологической защиты соотносятся с высоким уровнем жизнеспособности, что может рассматриваться в качестве буфера от неблагоприятных условий жизни.

Жизнеспособность выступает ключевым фактором способности детей и подростков справляться с трудностями и выживать в неблагоприятных условиях. Содействие повышению их жизнеспособности должно стать необходимым элементом их развития и воспитания. Развитие самостоятельности, рефлексии, повышение интеллектуального уровня и социальной компетентности, преодоление страхов, снижение эмоционального напряжения и уровня тревожности являются главными задачами современной системы образования в контексте оптимизации жизнеспособности подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куфтяк Е.В. Устойчивость в психологии семьи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». Т. 17. № 4. 2011. С. 202–207.
2. Куфтяк Е.В. Жизнеспособность семьи: теория и практика // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 5 (28) [Электронный ресурс]. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 26.12.2017).
3. Куфтяк Е.В. Жизнеспособность человека в условиях травматичных и стрессовых событий: теоретический обзор // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность: Сборник статей Международной научно-практической конференции: В 8 ч. Ч. 3 / Под ред. В.С. Белгородского, О.В. Кашеева, В.В. Зотова, И.В. Антоненко. М.: МГУДТ, 2016. С. 205–210.
4. Fraser M.W., Richman J.M., & Galinsky M. Risk, protection, and resilience: Toward a conceptual framework for social work practice // Social Work. 1999. Vol. 23 (3). P. 131–143.
5. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
6. Лактионова А.И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
7. Психология семьи: стресс, совладание и устойчивость / Под науч. ред. Е.В. Куфтяк. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012.
8. Grotberg E.H. What is resilience? How do you promote it? How do you use it? // Grotberg E.H. (ed.). Resilience for Today: Gaining Strength from Adversity. Westport, CT: Praeger, 2003. P. 1–88.
9. Grotberg E.H. A Guide to Promoting Resilience in Children: Strengthening the Human Spirit // Early Childhood Development Practice and Reflections. № 8. The Netherlands: Bernard van Leer Foundation, 1995.
10. Куфтяк Е.В. Устойчивость в психологии семьи // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика» Т. 17. № 4. 2011. С. 202–207.
11. Arthur M.W., Hawkins J.D., Pollard J.A., Catalano R.F., Baglioni A.J. Measuring risk and protective factors for substance use, delinquency, and other adolescent problem behaviors // The Communities That Care Youth Survey. Eval. Rev. 2002. Vol. 26. P. 575–601.
12. Куфтяк Е.В. Адаптация методики оценки факторов жизнеспособности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 3. С. 140–154.
13. Antonovsky A. The structure and properties of the Sense of Coherence Scale // Social Science and Medicine. 1993. Vol. 36. P. 725–733.
14. Куфтяк Е.В. Жизнеспособность в подростковом и юношеском возрасте // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 961–967.
15. Куфтяк Е.В. Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // Вестник Костромского университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 30–32.
16. Махнач А.В. Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 54–83.
17. Mandleco B., Peery J.C. An organizational framework for conceptualizing resilience in children // Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing. 2000. Vol. 13 (3). P. 99–111.

18. Rose J.M. Footprints on the soul: Journeys from trauma to resilience (Doctoral Dissertation), Dissertation Abstracts International. Toronto: The Fielding Institute, 1997.
19. Bonanno G.A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? // American Psychologist. 2004. Vol. 59. P. 20–28.
20. Куфтяк Е.В. Взаимосвязь жизнеспособности и личностных особенностей в младшем школьном возрасте // Успехи современной науки и образования. 2017. № 10. С. 41–45.
21. Гуров В.А. Тревожность и здоровье младших школьников // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 4 (82). С. 56–60.

ENGLISH

Vitality in Teenagers and Adolescents: Dynamics and Determinants

Elena Vladimirovna Kuftyak – Dr. Sc. of Psychology, head of the Special Pedagogy and Psychology chair, Kostroma State University, supervisor of the project “Psychological factors and vitality metrics in teenagers and adolescents” (15-06-10198a).

E-mail: kuftyak@yandex.ru

The author explores human vitality as an indicator of people's ability to develop, adapt and maintain stability/balance in challenging life situations. The concept of vitality embraces two aspects: susceptibility to negative circumstances and subsequent successful adaptation or positive outcome. The core factors of human vitality are considered personal traits, social competence, and available external support. The paper reflects the procedure of adapting and testing the psychometric indicators of the questionnaire aimed at assessing the vitality factors. It describes the findings of the study focused on the development of vitality in teenagers and adolescents. It is assumed that vitality differs across age groups at different stages of ontogeny, and personality traits and social relations are either protective or risk factors. It is shown that vitality differs across different age groups of young people, including by gender. The author discusses the personal development of junior schoolchildren with different levels of vitality. The group of viable younger adolescents expresses the “high IQ” factor (V), and “low-vitality” adolescents feel a high level of anxiety (factor O).

Keywords: vitality, age dynamics, determinants, teenagers, adolescent age, questionnaire, adaptation

REFERENCES

1. Kuftyak E.V. Ustoychivost' v psikhologii sem'i // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika». T. 17. № 4. 2011. S. 202–207 (in Russian).
2. Kuftyak E.V. Zhiznesposobnost' sem'i: teoriya i praktika // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2014. № 5 (28) [Elektronnyy resurs]. URL: <http://mprj.ru> (data obrashcheniya: 26.12.2017) (in Russian).
3. Kuftyak E.V. Zhiznesposobnost' cheloveka v usloviyakh travmatichnykh i stressovykh sobytii: teoreticheskiy obzor // Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremenost': Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: V 8 ch. Ch. 3 /

- Pod red. V.S. Belgorodskogo, O.V. Kashcheeva, V.V. Zotova, I.V. Antonenko. M.: MGUDT, 2016. S. 205–210 (in Russian).
4. Fraser M.W., Richman J.M., & Galinsky M. Risk, protection, and resilience: Toward a conceptual framework for social work practice // *Social Work*. 1999. Vol. 23 (3). P. 131–143.
 5. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2016 (in Russian).
 6. Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017 (in Russian).
 7. Psikhologiya sem'i: stress, sovladanie i ustoychivost' / Pod nauch. red. E.V. Kuftyak. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova, 2012 (in Russian).
 8. Grotberg E.H. What is resilience? How do you promote it? How do you use it? // Grotberg E.H. (ed.). *Resilience for Today: Gaining Strength from Adversity*. Westport, CT: Praeger, 2003. P. 1–88.
 9. Grotberg E.H. A Guide to Promoting Resilience in Children: Strengthening the Human Spirit // *Early Childhood Development Practice and Reflections*. № 8. The Netherlands: Bernard van Leer Foundation, 1995.
 10. Kuftyak E.V. Ustoychivost' v psikhologii sem'i // *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika»* T. 17. № 4. 2011. S. 202–207 (in Russian).
 11. Arthur M.W., Hawkins J.D., Pollard J.A., Catalano R.F., Baglioni A.J. Measuring risk and protective factors for substance use, delinquency, and other adolescent problem behaviors // *The Communities That Care Youth Survey. Eval. Rev.* 2002. Vol. 26. P. 575–601.
 12. Kuftyak E.V. Adaptatsiya metodiki otsenki faktorov zhiznesposobnosti // *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*. 2017. T. 2. № 3. S. 140–154 (in Russian).
 13. Antonovsky A. The structure and properties of the Sense of Coherence Scale // *Social Science and Medicine*. 1993. Vol. 36. P. 725–733.
 14. Kuftyak E.V. Zhiznesposobnost' v podrostkovom i yunosheskom vozraste // *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya* / Otv. red. A.L. Zhuravlyov, V.A. Kol'tsova. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2017. С. 961–967 (in Russian).
 15. Kuftyak E.V. Vozrastnye i gendernye osobennosti zhiznesposobnosti v yunosheskom vozraste // *Vestnik Kostromskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*. 2017. № 4. S. 30–32 (in Russian).
 16. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka: izmerenie i operatsionalizatsiya termina // *Psikhologicheskie issledovaniya problem sovremennogo rossiyskogo obshchestva* / Otv. red. A.L. Zhuravlyov, E.A. Sergienko. M.: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», 2013. S. 54–83 (in Russian).
 17. Mandleco B., Peery J.C. An organizational framework for conceptualizing resilience in children // *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*. 2000. Vol. 13 (3). P. 99–111.
 18. Rose J.M. *Footprints on the soul: Journeys from trauma to resilience* (Doctoral Dissertation,). Dissertation Abstracts International. Toronto: The Fielding Institute, 1997.
 19. Bonanno G.A. Loss, trauma, and human resilience: Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. P. 20–28.
 20. Kuftyak E.V. Vzaimosvyaz' zhiznesposobnosti i lichnostnykh osobennostey v mladshem shkol'nom vozraste // *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*. 2017. № 10. S. 41–45 (in Russian).
 21. Gurov V.A. Trevozhnost' i zdorov'e mladshikh shkol'nikov // *Vestnik TGPU*. 2009. Vyp. 4 (82). S. 56–60 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-135-144

**А.И. КРИВОШАПКИН, К.А. КОЛОБОВА,
С.В. ШНАЙДЕР, М.Е. РОМАНЕНКО***

Экспедиционные исследования многослойного пещерного памятника Сельунгур (Ферганская долина, Кыргызстан)

В статье представлены результаты возобновлённых в последнее время раскопок в пещере Сельунгур (Ферганская долина Республики Таджикистан). Исследование найденных материалов говорит о сложной картине формирования среднего палеолита в регионе, а также о том, что необходимо пересмотреть хронологию и культурную принадлежность этого археологического объекта.

Ключевые слова: палеолит, палеомиграции, технология расщепления камня, появление человека современного типа

Вопросы первоначального заселения Евразии древним человеком в последнее время вновь находятся в центре научных интересов, поскольку результаты исследований начала XXI столетия позволили пересмотреть как хронологию, так и культурную специфику археологических объектов, относящихся к раннему палеолиту. За исключением лёссовых стоянок Афгано-Тад-

жикской депрессии [1, 2] наиболее известными раннепалеолитическими памятниками считались многослойные стоянки Кульбулак и пещера Сельунгур. В результате работ 1960–1970-х гг. наиболее древние культурные отложения Кульбулака были определены в технико-типологическом отношении — как ашельские [3, 4], а хронологически — как равные или более древние, чем палеомаг-

* **Кривошапкин Андрей Иннокентьевич** — доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, исполнитель проектов Экспедиционные исследования многослойного пещерного памятника Сельунгур (Ферганская долина, Республика Кыргызстан) (16-01-18082e; 17-01-18038e).

E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Колобова Ксения Анатольевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, исполнитель тех же проектов.

E-mail: kolobovak@yandex.ru

Шнайдер Светлана Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, руководитель тех же проектов.

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Романенко Максим Евгеньевич — магистрант Геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета; исполнитель тех же проектов.

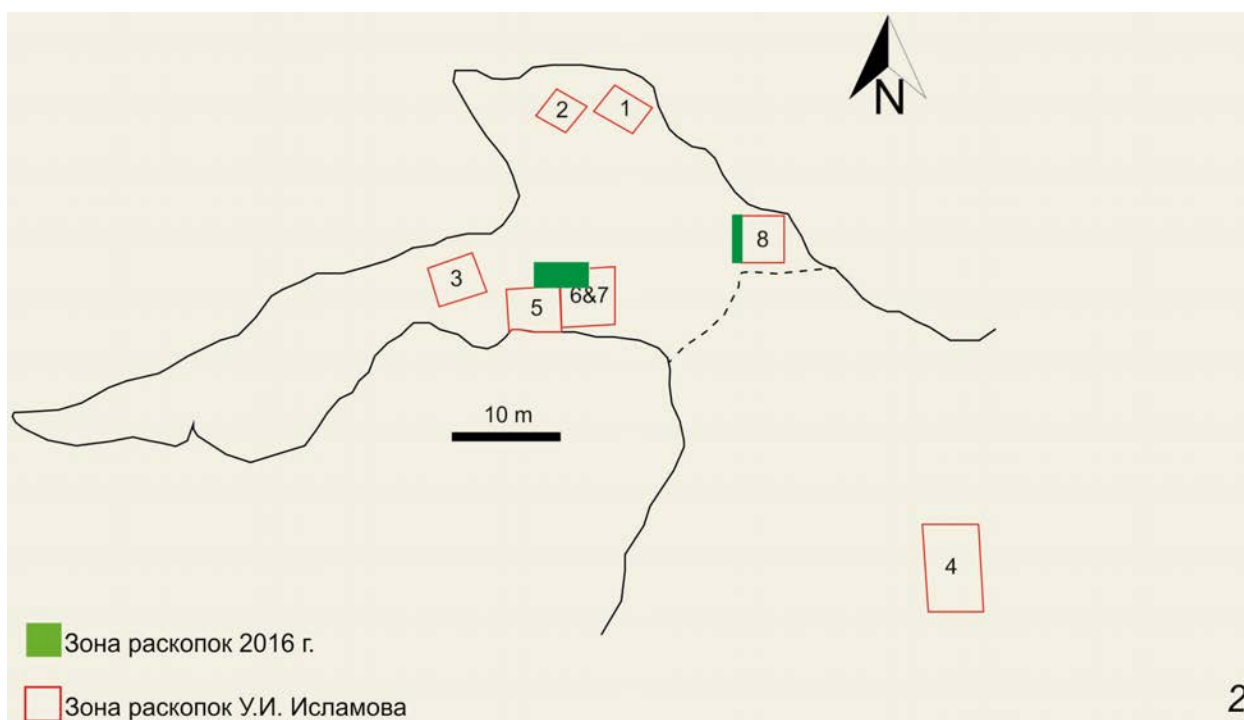
E-mail: maxsim.romanenko194@mail.ru

■ Город

● Археологический памятник

1

2

Рис. 1. 1 — Расположение пещеры Сельунгур; 2 — План распределения зон раскопок в пещере

нитная граница Брюнес-Матуяма (780–800 тыс. л.н.). Проводившиеся в последнее десятилетия исследования опровергли эту интерпретацию, было доказано, что данная индустрия относится к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту [5, 6]. Среди известных релевант-

ных к обозначенной проблематике археологических объектов особое значение имеет пещера Сельунгур. Пещера располагается в Ферганской долине в окрестностях г. Хайдаркен по верхнему течению Обиширса (рис. 1, 1). Пещера образована в карстовых отложениях и состо-

ит из двух широких галерей-коридоров длиной от капельной линии около 60 м. Вход в неё обращён к юго-востоку, имеет ширину 27 м и высоту — 20 м. Пол пещеры в дальнем и переднем залах сильно понижается к выходу.

Памятник Сельунгур открыли в 1955 г. А.П.Окладников и П.Т.Конопля, которые выполнили шурфовку рыхлых отложений пещеры и обнаружили каменные артефакты. Однако полученные материалы не были опубликованы (личное сообщение д.и.н. У.И.Исламова, 2010 г.). В ходе дальнейших планомерных исследований, проводившихся в период с 1980 по 1988 г. под руководством У.И.Исламова, на памятнике заложили 10 раскопов в различных частях пещеры. В них было выявлено значительное число литологических слоёв, залегавших, по мнению исследователя, *in situ* (рис. 1, 2). Количество выделенных культурных слоёв варьировалось от 2 до 13, в зависимости от расположения раскопа. Согласно мнению У.И.Исламова, культурные горизонты всех раскопов можно объединить в пять пачек, которые он назвал «культурными слоями» и отнёс к раннему палеолиту. Всего на памятнике в 1980–1988 гг. было обнаружено около 1500 каменных артефактов [7, 8].

Аналогии исследуемой каменной индустрии в технико-типологическом отношении У.И.Исламов усматривал в материалах олдувайских памятников Евразии и стоянки Убейдия, которые датируются возрастом от 1,4 до 2,5 млн л.н. На основании проведённых исследований для комплексов Сельунгура У.И.Исламов предложил датировку в 1,1 млн л.н. Позже эту дату он увеличил до 1,5 млн лет [7].

Что касается технико-типологического, а соответственно, и хро-

нологического определения каменных индустрий пещеры Сельунгур, то и здесь целый ряд исследователей выразил скептическое отношение к ранним определениям (В.А.Ранов, А.Е.Додонов, Л.Б.Вишняцкий) [9, 10].

На современном этапе исследований каменного века Центральной Азии крайне актуальным признано возобновление археологических работ на памятнике

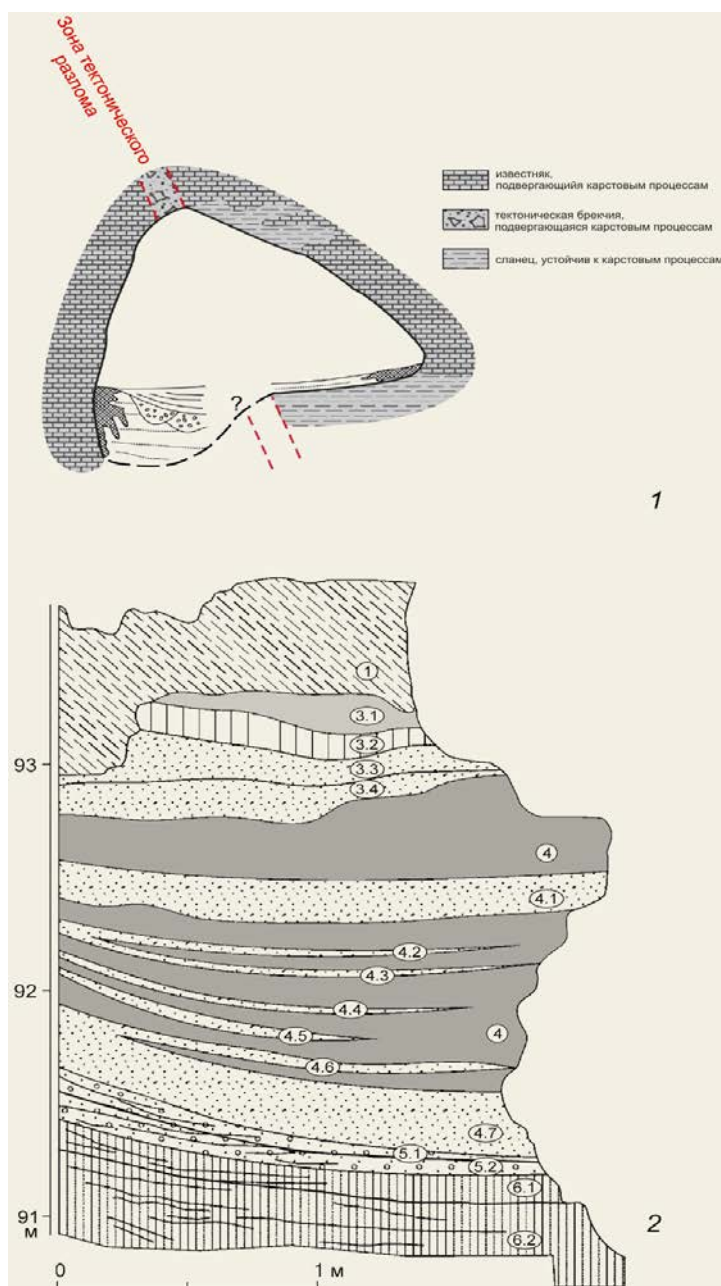

Рис. 2. 1 — Зона распределения различных петрографических типов пород в коренных породах пещеры Сельунгур; 2 — Поперечный разрез пещеры Сельунгур на предвходовом участке по линии 100

Сельунгур. Полноценное изучение памятника началось в 2015 г. [11–13]. Полевые исследования сосредоточились на изучении культуросодержащих отложений, представленных в привходовой (внутренней) части пещеры (раскоп 8 У.И.Исламова) (рис. 1, 2).

Согласно новым геологическим наблюдениям пещера Сельунгур обладает чёткой асимметричной морфологией, что хорошо прослеживается при визуальном осмотре (рис. 2, 1). Асимметрия проявляется на привходовой площадке пещеры с крутыми, почти вертикальными, немного наклонёнными под разными углами правым и левым сводами, относительно центральной оси. Данная морфология является следствием существования объекта в тектонической зоне разлома, проходящей через всю пещеру, что и является основной причиной её образования. Разлом наблюдается как снаружи, так и внутри пещеры. Левая сторона пещеры сложена известняковыми породами, которые подвергались постепенному разрушению, что способствовало интенсивному накоплению рыхлых отложений в этой части пещеры. Правая сторона сложена как известняками, так и глинистыми сланцами. Глинистые сланцы более устойчивы к карстовым процессам, поэтому в данной части пещеры практически не накапливались рыхлые отложения. Таким образом, скальное дно пещеры располагается на разных уровнях (рис. 2, 1).

Раскоп в зоне 8 был вписан в старый раскоп У.И.Исламова. На привходовой площадке сделана зачистка стратиграфического разреза с целью его уточнения. Описание стратиграфии разреза, куда вошли данные из нового раскопа (слои 4.4–5.1) стоянки, представлено сверху вниз (рис. 2, 2):

Слой 1 состоит из нескольких слоёв светло-серой рыхлой породы с обломками известняка и тонкими прослойками гуано. В слое встречаются фрагменты керамики и угля, нижняя граница резкая, эрозионная. Отложения являются

культурными антропогенными. Истинная мощность — до 0,85 м.

Слой 2 (в основном недоступен в 2016 г.). Данный слой делится на два прослоя. Верхний состоит из желтоватых слоистых осадочных отложений. Лежащий ниже — из желтоватого лёссовидного осадка без каких-либо обломков. Нижняя граница слоя горизонтальная, данные отложения могут рассматриваться как лёсс. Истинная мощность — до 0,6 м.

Слой 3 представлен желтоватыми осадочными отложениями с мелкими обломками известняка из более древних отложений. Нижняя граница слоя резкая. Присутствуют тоненькие прослои, состоящие из марганцевых минералов. Образование слоя связано с солифлюкционной деятельностью осадка. Истинная мощность — до 0,35 м.

Слой 4 представлен желтоватым осадком, состоящим из коллювиальной серии подслоёв переменной литологии. Истинная мощность — до 0,65 м.

Прослой 4.1 — наклонный слоистый осадок, состоящий из желтоватых суглинков с градуированной слоистостью. Состоит из лёссового осадка, который промывался на склоне под воздействием талой/дождевой воды. Истинная мощность — до 0,1 м.

Прослой 4.2 — наклонный бесструктурный осадок с множеством мелких обломков известняка и редкими костями плоскостной структуры. Прослой образовался вследствие коллювиальной деятельности. Истинная мощность — до 0,15 м.

Прослой 4.3 — наклонные осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых прослоев (слоёв) с градуированной слоистостью. Отложения лёссовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность — до 0,1 м.

Прослой 4.4 — наклонный бесструктурный осадок с множеством мелких обломков известняка и редкими костями плоскостной структуры. Прослой образовался вследствие коллювиальной деятельности. Истинная мощность — до 0,02 м.

Прослой 4.5 – наклонные слоистые отложения, состоящие из желтоватых глинистых слоев с градуированной слоистостью. Отложения лёссовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,08 м.

Прослой 4.6 – наклонный бесструктурный осадок с множеством мелких обломков известняка и редкими костями плоскостной структуры. Прослой образовался вследствие коллювиальной деятельности. Истинная мощность – до 0,05 м.

Прослой 4.7 – наклонные осадочные отложения, состоящие из желтоватых глинистых слоев с градуированной слоистостью. Отложения лёссовые, промывались на склоне талой/дождевой водой. Истинная мощность – до 0,15 м.

Слой 5 (прослои 5.1 и 5.2) – желтоватый суглинок с многочисленными мелко- и среднезернистыми обломками известняка, костями и каменными артефактами. Образование слоя связано с массовыми движениями коллювиальных осадков. Истинная мощность – до 0,3 м.

Слой 6 – коричневатый осадок, состоящий из прослоев переменной литологии. Истинная мощность – более 0,7 м.

Прослой 6.1 – коричневатый суглинок с белыми шариками глины копролитов (clayballs of coprolites) и округлыми обломками сланцев. Отложения коллювиального/аллювиального генезиса, перемещённые в потоке воды. Истинная мощность – до 0,1 м.

Прослой 6.2 – коричневатый суглинок с редкими мелко- и среднезернистыми обломками известняка, без регулярной ориентации обломков или локальной плоскостной структурой, слабо горизонтально стратифицирован, со слабо отмеченной интеркаляцией сероватых отложений. В прослое встречаются кости. Генезис – пещерный суглинок, сохранившийся *in situ*. Истинная мощность – до 0,3 м.

Прослой 6.3 – красноватая глина, состоящая из трёх слоев с градуированной слоистостью, с большим коли-

чеством глинистых прослоев в нижней части, где-то – с мелкими отсортированными обломками известняка в нижней части прослоя. Генезис отложений связан с глинистым осадком, который примыкал к локальному озеру и промывался при помощи дождевой и талой воды. Истинная мощность – до 0,05 м.

Прослой 6.4 – коричневатый суглинок с мелко- и среднезернистыми обломками известняка, с беспорядочной ориентацией обломков; отложениям присуща наклонная слоистость, со слабо выделяемой интеркаляцией сероватого осадка. В отложениях встречаются кости, в нижней части они слабо кальцированы. Пещерный суглинок, сохранившийся *in situ*, похож на прослой 6.2. Истинная мощность – более 0,3 м.

Слой 7 – Коричневый ил/илистый суглинок. Генезис пока не известен. Истинная мощность – более 0,05 м.

В результате проведённых работ предложена новая стратиграфическая интерпретация отложений пещеры Сельунгур: в настоящее время по итогам предварительных геологических исследований только слой 6.2 определяется как инситный. Большая часть изучавшихся отложений имеет пролювиальный, коллювиальный или солифлюкционный генезисы.

В условиях отсутствия новых определений абсолютного возраста для среднепалеолитических отложений пещеры Сельунгур временно может быть принята дата 126 ± 5 тыс.л.н., полученная торий-урановым методом [14]. Учитывая, что повторный анализ остатков микрофауны не выявил нижнеплейстоценовых компонентов, время заселения памятника может быть отнесено лишь к самому концу среднего плейстоцена.

Предварительные данные петрографического анализа свидетельствуют о том, что артефакты на памятнике были изготовлены из разного типа пород: кремни, халцедоны, алевролиты, эффузивы, кварц. Кремень, представленный в индустрии, является наиболее высококачественным

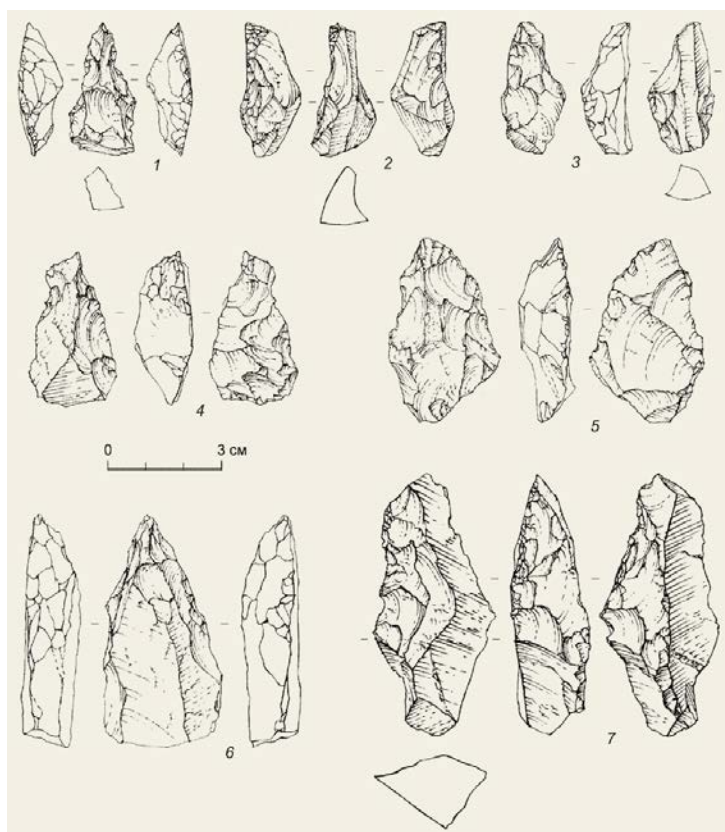

Рис. 3. Каменная индустрия пещеры Сельунгур:
1–4 — тейяжские остря; 5 — бифасы;
6 — конвергентное скребло

типом сырья. Среди халцедонов найдены полупрозрачные разновидности, а также хризопраз — халцедон насыщенного зелёного цвета. Алевролиты в основной массе представлены породами красного и чёрного цвета, имеющими мелкозернистую структуру, без каких-либо вкрапленников, с заметной слабой слоистостью. Эффузивы, использовавшиеся в качестве сырья, имеют чёрный цвет, мелкозернистую структуру, иногда с включениями вкрапленников. Кварц представлен минералом молочного и прозрачного цвета.

В привходовой части пещеры (раскоп № 8) на площади 2 кв. м изучались культурные отложения слоёв 4.4–5.1. Общее число обнаруженных каменных артефактов — 1893 экз., практически половину из них составили обломки, осколки и чешуйки (928 экз.). Первичное расщепление представлено немногочисленными нуклеидными изделиями (5 экз.), техническими сколами (76 экз.), отще-

пами (874 экз.), преимущественно некрупных размеров, единичными пластинами (5 экз.) и пластинками (5 экз.). Типологически определяемые нуклеусы относятся к радиальному способу плоскостного принципа расщепления, целью которого являлось получение небольших массивных отщепов с гладких ударных площадок. Обращает на себя внимание тщательнейшая подработка карнизов при отсутствии любых следов дополнительного оформления площадок скалывания.

Анализ дорсальных поверхностей сколов также свидетельствует о значительном преобладании радиального или ортогонального расщепления, а остаточные ударные площадки относятся практически исключительно к типу гладких массивных. Орудийный набор (127 экз.) насчитывает 28,5% от типологически значимой коллекции (без обломков, отщепов менее 2 см и чешуек) и представлен скрёблами различных модификаций (47 экз.), зубчатыми и выемчатыми орудиями (21 экз.), мустьерскими стамесками (8 экз.), тейяжскими острями (5 экз.; рис. 3, 1–4), боковыми скребками (по Исламову) или скрёблышками (*raclettes* — Ф.Борд) (5 экз.; рис. 4, 2–3), перфораторами (6 экз.), бифасиально обработанными изделиями в рамках плоско-выпуклой техники (2 экз.; рис. 3, 5; 4, 4) и сколами с эпизодической нерегулярной (преимущественно утилизационной) ретушью (30 экз.; рис. 4, 1).

Среди скрёбел доминируют поперечные формы. При этом в половине случаев рабочее лезвие оформлялось классически, т.е. дорсально по дистальному краю широкой массивной в сечении короткой заготовки. В небольшом количестве (2 экз.) присутствуют скрёбла с лезвием, оформленным на дорсальном фазе остаточной ударной площадки (*racloirs sur talon, platform scrapers*) (рис. 3, 7). К по-

перечным скрёблам мы относим и формы, у которых оформлялись два рабочих лезвия, в дистальной и проксимальной частях широкой заготовки. Обработка лезвий в половине случаев была однофасиальной, а у других пяти экземпляров — альтернативной. В последней группе скрёбел имеется ряд изделий, у которых обработанные края (дистал и проксимал заготовки) не параллельны друг другу, а смыкаются под острым углом (конвергентно), что приводит к внешнему сходству с микокскими рубильцами.

Другой весомой частью коллекции скрёбел являются тщательно обработанные малых размеров скрёбла высокой формы (11 экз.; рис. 4, 5, 6).

Второе по значению место занимают продольные скрёбла, которые представлены как одиночными формами, так и двойными, причём в последнем случае — преимущественно в разновидности с альтернативным оформлением рабочих краёв (рис. 4, 7).

Конвергентное скрёбло, выполненное на массивной удлинённой пластине, представлено единственным экземпляром. Дистальное окончание в профиле круто-ступенчатое, что не позволяет отнести его к категории мустьерских остроконечников (рис. 3, 6).

Интересно полное отсутствие каких-либо признаков леваллуазской технологии и/или хотя бы минимальной подправки ударных площадок нуклеусов. Другим характерным признаком индустрии является явная ориентация на производство укороченных массивных и широких сколов, что, основываясь на первичном петрографическом анализе сырьевой базы индустрии (достаточно разнообразной: от высококачественных кремней до трещиноватых кварцев), не может быть объяснено ограничениями, накладываемыми характеристиками каменного

сырья (доступность, размер, качество), а, скорее, является культурозначимым признаком.

Таким образом, имея явно не раннепалеолитический (тем более, не ашельский), а среднепалеолитический облик, индустрия Сельунгура резко отличается от известных среднепалеолитических комплексов региона, проявляя, возможно, большую схожесть с комплексами Среднего Востока [15].

Бесспорно, при отсутствии в настоящее время достоверных определений абсолютного возраста культурных отложений памятника и более полной коллекции каменных артефактов данное предположение стоит рассматривать лишь в плане обозначения сложившейся интерпретационной проблемы, чем реальной аналогии. Тем не менее, предварительные результаты исследований, воз-

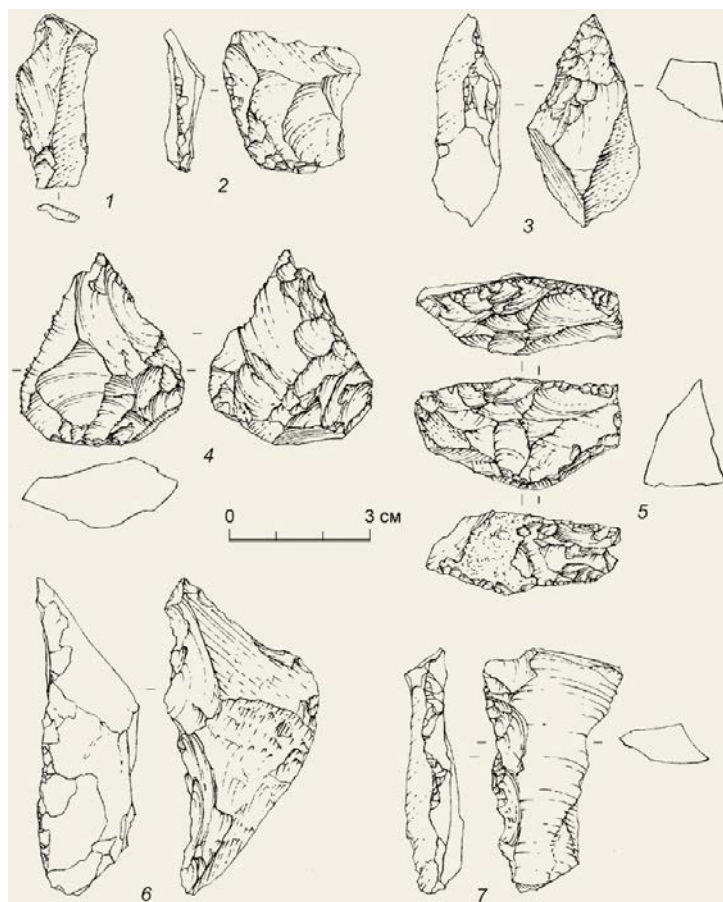

Рис. 4. Каменные орудия пещеры Сельунгур: 1–3 — боковые скребки; 4 — рубильце; 5, 6 — скрёбла высокой формы; 7 — двойное продольное альтернативное скрёбло

обновлённых в пещере Сельунгур, уже сейчас позволяют говорить, с одной стороны, о сложной картине формирования среднего палеолита в регионе а с другой — дают основание усомниться в однозначной раннепалеолитической (ашельской) интерпретации артефактов данного многослойного археологического объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Davis R., Ranov V. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. № 8. С. 186.
2. Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск, 1988.
3. Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак). Автореф. дис... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990.
4. Касымов М.Р., Тетюхин Г.Х. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // *История материальной культуры Узбекистана*. 1981. № 16. С. 7.
5. Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper M.De. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // *Archaeological and Anthropological sciences*. 2018. 10. 615. <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0367-3>.
6. Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2010. № 16. С. 105.
7. Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнего человека в Центральной Азии. Ташкент: ФАН, 1995.
8. Исламов У.И., Годин М.Х., Крахмаль К.А. Хайдарканская котловина в нижнечетвертичном периоде // *История материальной культуры Узбекистана*. 1990. № 24. С. 3.
9. Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский дом, 1996.
10. Ранов В.А., Додонов А.Е. О периодизации и хронологии нижнепалеолитических стоянок Средней Азии // *К истокам истории древнекаменного века Средней Азии*. Ташкент: ФАН, 1996.
11. Кривошапкин А.И., Виола Б., Колобова К.А., Чаргынов Т., Бакчиев Д. Возобновление исследований пещеры Сельунгур (Кыргызстан) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2015. № 21. С. 94.
12. Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцарж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В., Романенко М.Е. Исследования среднепалеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 г. // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2016. № 22. С. 94.
13. Кривошапкин А.И., Виола Б., Чаргынов Т., Крайцарж М., Колобова К.А., Шнайдер С.В. Исследования палеолитических комплексов пещеры Сельунгур в полевом сезоне 2016 г. // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2017. № 23. С. 141.
14. Vishnyatsky L. The Paleolithic of central Asia // *Journal of World Prehistory*. 1999. № 13. С. 69.
15. Kuhn S.L., Arsebük G., Howell F.C. The Middle Pleistocene Lithic Assemblage from Yarimbura Cave, Turkey // *Paleorient*. 1996. № 22. P. 31.

ENGLISH

**Field Research of the Multilayer Selungur Cave
(Fergana Valley, Republic of Kyrgyzstan)**

Andrey Innokentyevich Krivoshapkin – Dr. Sc. of History, Deputy Director of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, researcher in the projects “Field research of the multilayer Selungur cave (Fergana Valley, Republic of Kyrgyzstan) (16-01-18082e, 17-01-18038e).

E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

Ksenia Anatolyevna Kolobova – Dr. Sc. of History, leading researcher of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, researcher in the same projects.

E-mail: kolobovak@yandex.ru

Svetlana Vladimirovna Schneider – Cand. Sc. of History, research associate of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, supervisor in the same projects.

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Maxim Evgenyevich Romanenko – graduate of the master's program, Geological and Geophysical Department, Novosibirsk State University; researcher in the same projects.

E-mail: maxsim.romanenko194@mail.ru

The research paper describes the findings of recent excavations in Selungur cave (Fergana valley, Republic of Tajikistan). The study of found materials shows a complex snapshot of the formation of the Middle Paleolithic in the region, and that it is required to review the timeline and cultural background of this archaeological site.

Keywords: Paleolithic, paleomigration, stone cleavage technology, appearance of modern human beings

REFERENCES

1. Davis R., Ranov V. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. № 8. S. 186.
2. Ranov V.A. Kamenny vek Yuzhnogo Tadzhikistana i Pamira Avtoref. dis... dokt. ist. nauk. Novosibirsk, 1988 (in Russian).
3. Kasymov M.R. Problemy paleolita Sredney Azii i Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam mnogoslnoy paleoliticheskoy stoyanki Kul'bulak). Avtoref. dis... dokt. ist. nauk. Novosibirsk, 1990 (in Russian).
4. Kasymov M.R., Tetyukhin G.Kh. K voprosu ob arkheologo-geologicheskome vozraste mnogoslnoy paleoliticheskoy stoyanki Kul'bulak // *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana*. 1981. № 16. S. 7 (in Russian).
5. Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., Dapper M.De. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // *Archaeological and Anthropological sciences*. 2018. 10. 615. <https://doi.org/10.1007/s12520-016-0367-3>.

6. Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Flyas D., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Luk"yanova G.D. Industriya sloya 23 stoyanki Kul'bulak po materialam raskopok 2010 goda // Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. 2010. № 16. S. 105 (in Russian).
7. Islamov U.I., Krakhmal' K.A. Paleoekologiya i sledy drevnego cheloveka v Tsentral'noy Azii. Tashkent: FAN, 1995 (in Russian).
8. Islamov U.I., Godin M.Kh., Krakhmal' K.A. Khaydarkanskaya kotlovina v nizhnechetvertichnom periode // Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana. 1990. № 24. S. 3 (in Russian).
9. Vishnyatskiy L.B. Paleolit Sredney Azii i Kazakhstana. SPb.: Evropeyskiy dom, 1996 (in Russian).
10. Ranov V.A., Dodonov A.E. O periodizatsii i khronologii nizhnepaleoliticheskikh stoyanok Sredney Azii // K istokam istorii drevnekamennogo veka Sredney Azii. Tashkent: FAN, 1996 (in Russian).
11. Krivoshapkin A.I., Viola B., Kolobova K.A., Chargynov T., Bakchiev D. Vozobnovlenie issledovaniy peshchery Sel'ungur (Kyrgyzstan) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. 2015. № 21. S. 94 (in Russian).
12. Krivoshapkin A.I., Viola B., Chargynov T., Kraytsarzh M., Kolobova K.A., Shnayder S.V., Romanenko M.E. Issledovaniya srednepaleoliticheskikh kompleksov peshchery Sel'ungur v polevom sezone 2016 g. // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. 2016. № 22. S. 94 (in Russian).
13. Krivoshapkin A.I., Viola B., Chargynov T., Kraytsarzh M., Kolobova K.A., Shnayder S.V. Issledovaniya paleoliticheskikh kompleksov peshchery Sel'ungur v polevom sezone 2016 g. // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. 2017. № 23. S. 141 (in Russian).
14. Vishnyatskiy L. The Paleolithic of central Asia // Journal of World Prehistory. 1999. № 13. S. 69.
15. Kuhn S.L., Arsebük G., Howell F.C. The Middle Pleistocene Lithic Assemblage from Yarimbura-gaz Cave, Turkey // Paleorient. 1996. № 22. P. 31.

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-145-157

А.Ю. БОРОДИХИН*

Древние книги Сибири (по материалам археографических экспедиций ГПНТБ СО РАН 2014–2017 гг.)

В статье представлены результаты последних лет поисковой и камеральной археографической работы отдела редких книг и рукописей крупнейшей библиотеки Сибири. Особое внимание уделяется проблеме сохранения книжного культурного наследия Древней Руси на востоке страны, в том числе с использованием современных технологий копирования и доставки информации.

Ключевые слова: древнерусская литература, рукописи, старопечатные книги, описание, старообрядчество, археография, Сводный каталог, духовная культура, Сибирь

Полевые экспедиционные исследования археографов Новосибирского научного центра, длящиеся уже более полувека, с самого начала носили двоякий характер. С одной стороны, это планомерная работа по выявлению и описанию произведений древнерусской письменности и печати в государственных учреждениях Сибири и Дальнего Востока. С другой стороны, организация широчайшего поиска книжных памятников Древней Руси в среде живущих на этой территории старообрядцев. Результатом этой деятельности стало появление научной серии описаний и обзоров книжных раритетов под названием «Материалы

к Сводному каталогу рукописей, старопечатных и редких книг, хранящихся на территории Сибири и Дальнего Востока» (27 выпусков: 1989–2017 гг., под общей редакцией академика А.П. Деревянко), а также формирование на базе Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН крупнейшего в сибирском регионе собрания рукописей и старопечатных книг.

И сегодня сибирская археография ведёт разноплановую работу по изучению истории русской книги в Сибири, в задачи которой входят реконструкция общерусского репертуара бытовавшего здесь книжного фонда, научное описание экземпляров книг и рукописей госу-

* **Бородихин Андрей Юрьевич** — кандидат филологических наук, заведующий отделом редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, руководитель проектов экспедиционных исследований «Эвенкия, Хакасия, Тува: археографический поиск в местах компактного проживания старообрядцев» (14-01-18053e), «Книжные древности на востоке России (Сибирь, Приморский и Хабаровский края)» (15-01-18044e), «Книжный репертуар общинных и частных библиотек беспоповских согласий Сибири и Дальнего Востока: традиции и новации» (16-01-18080e), «Сибирь старообрядческая: комплексные полевые исследования книжной культуры и литургической практики» (17-01-18068e).

E-mail: borodikhin@spsl.nsc.ru

Фото 1. Семейская община с. Бичура республики Бурятия

дарственных и частных собраний, пополнение фондов специализированных подразделений книжными находками, являющимися национальным достоянием.

Книги, обнаруженные в старообрядческой среде, лишней раз подтверждают репутацию русского старообрядчества как носителя и хранителя традиций времён церковного раскола. Это уникальное явление в мировой истории. В подавляющем большинстве случаев являя пример удачно адаптировавшегося прошлого, сегодня оно представляет собой памятник культуры минувших веков, требующий внимательного отношения, прежде всего, в книжной сфере.

Именно старообрядцы хранят в наши дни драгоценные экземпляры книжных памятников, целые собрания древнерусских рукописей и старопечатных книг в «живом» обращении. Их кровный интерес не только в сохранении, но и в закреплении в современных условиях социаль-

но-поведенческих механизмов (от бытовых до религиозных), доставшихся от средневековой Руси. Трудно представить, что при отсутствии книг – носителей многовекового исторического и духовного опыта русского православия – это было бы достижимо. Поэтому и сегодня мы имеем реальную возможность открывать и изучать памятники книжной культуры Древней Руси как фрагменты современной духовной жизни. И ныне руководящим принципом археографических поисков является спасение многих произведений древнерусского книжного дела из-за угрозы исчезновения (от неправильного хранения и использования, неграмотно сделанного ремонта переплёта и книги в целом, нередких пожаров и т.п.).

Экспедиционная работа последних лет (2014–2017 гг.) была сосредоточена в основном вокруг старообрядческих поселений Западной и Восточной Сибири (фото 1), в рамках камеральных работ

осуществлялись поездки в Тюменскую область, Алтайский край, республику Тыва, Приморский и Хабаровский края.

Общее число участников экспедиционных исследований от 25 до 30 человек. В экспедициях ежегодно находят применение опыт, знание и научное рвение сотрудников отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, а также преподавателей, магистрантов, аспирантов и студентов Новосибирского государственного университета и Новосибирской государственной консерватории. В поездках по отдельным районам Красноярского края активное участие принимал сотрудник Научной библиотеки Варшавского университета, заведующий фондом русской книги XIX в. Збигнев Ольчак (фото 2).

В соответствии с основной задачей археографических разработок – введение в научный оборот экземпляров, коллекций и собраний редких книг и рукописей – экспедиции вели исследователь-

Фото 2. Встречи в приенисейской тайге: Збигнев Ольчак (справа) и мастер переплёта старинных книг У.Н. Сидоркин

ские работы преимущественно поискового характера. В результате в коллекции ГПНТБ СО РАН поступили 25 рукописей кириллической традиции и 41 издание русских типографий середины XVII–XX вв. (фото 3).

Фото 3. Книжные находки археографов отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН

Фото 4. Сборник Красноярского собрания с Житием и Словом похвальным Варлааму Хутынскому Пахомию Логофета, рукопись XVII в.

Практически все экспедиционные приобретения значимы с историко-культурной точки зрения. Новые поступления детализируют, прежде всего, представления об особенностях древнего книжного фонда, бытующего в старообрядческой среде Сибири, его репертуаре и типологии.

Наибольший интерес всегда представляют находки рукописных материалов. Их индивидуальность, а в некоторых случаях уникальность, выдвигают такие книжные документы в ряд источников первостепенной важности.

Приведём ряд примеров. Именно к такому разряду следует отнести находки конволютных сборников XVII–XIX вв. из таёжных поселений Красноярского края и Томской области. В первом случае основу рукописной книги составляют полная служба и житие Варлаама Хутынского в редакции середины XV в. (фото 4), составленной известным переписчиком рукописей, профессиональным агиогра-

фом Пахомием Сербом. Уникальность произведению придаёт нестандартный набор чудес святого старца, вставленный в житийный текст, по-видимому, в момент его редактирования. Кроме того, произведение, дополнившие состав сборника в XVIII в. и в более позднее время (выписки «из книги Апокалипсиса седми толковаго, напечатана повелением государя царя Иоанна Васильевича... о рождении Антихристове и о церкви его...», «Ис книги преподобнаго отца нашего Ефрема Слово 111...», «Ис книги Старчества глава 46», «Книга Зинарь... Правила святых апостол и святых отец о епископех и о мнисех, и о мирских», «Ис книги Алфавита...», «От Слова Афанасия Александрийскаго о различных образех спасения и о покаянии», «...Иосифа Волоколамскаго Слово 7 о Церковном собрании», «Слово святых отец о правде и о неправде» и др.), интересны с точки зрения формирования догматики, исторических и литературных предпочтений, складываю-

щихся в это время основных старообрядческих согласий беспоповского толка.

Другой пример: рукописный сборник, в составе которого читается Житие Алексея человека Божия в редакции Арсения Грека, переводчика и деятеля московского Печатного двора времени церковной реформы патриарха Никона, – самое заметное экспедиционное приобретение последних лет (фото 5).

Суммируя всё ставшее нам известным о рукописной традиции и истории изданий Жития этой сравнительно поздней редакции, а также об особенностях списка самого сборника (показания заголовка, материалы и характер письма), можно сделать предположение о непосредственном участии в создании этого фрагмента сборника-конволюта самого автора текста. А документ представить как автограф Арсения Грека, неведомо какими путями дошедший до нашего времени, сохранившийся у обладателей книжных собраний, не особо жаловав-

ших и почитавших представителей и носителей так называемой еллинской мудрости.

Состоящий из семи рукописей середины XVII–XIX вв. сборник принадлежал старообрядцам страннического согласия, во второй половине XX в. населявшим необжитые таёжные места недалеко от Томска. Сформированный в первой четверти XIX в., сборник не только раскрывает идеологические предпочтения и литературные интересы его создателя и читателей, но и уникальным образом демонстрирует репертуар рукописных памятников, бытующих в старообрядческой среде.

Археографические экспедиции ГПНТБ СО РАН делают доступными уникальные письменные источники, характеризующие особенности возникновения служебной, литературной и догматической книжности периода формирования идеологии первых старообрядческих направлений, их последующего развития и за-

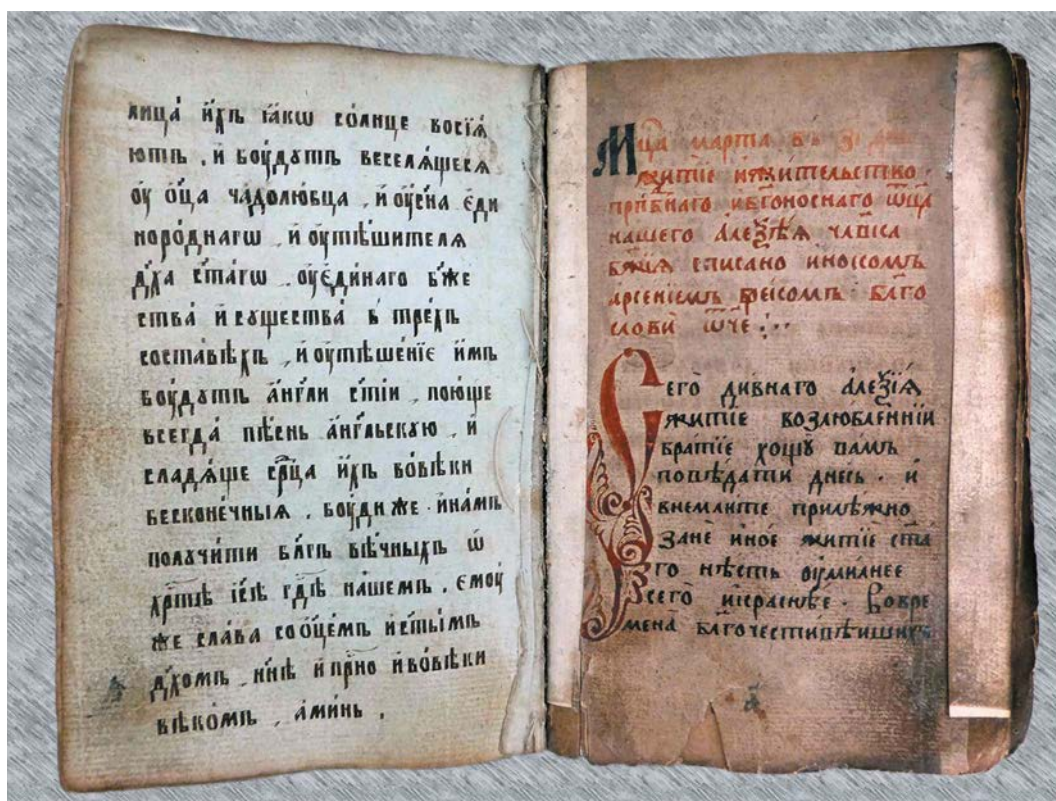

Фото 5. Граница рукописи XVIII в. и автографа Арсения Грека в сборнике из Томской области

Фото 6. Сборник с Апокалипсисом Иоанна Феолога и Анастасиевыми ответами. Красноярское собрание, 1901 г.

крепления в определённых жанровых образованиях (цветниках, сборниках служб и канонов, месящесловах), с одной стороны, и обнаруживают факты и условия «долгожительств» в письменной традиции произведений древнейшей поры отечественной книжной культуры, с другой стороны.

К примерам такого рода следует отнести обнаруженную археографами на зимке староверов в приенисейской тайге рукопись с двумя произведениями древнерусской православной книжной традиции: Лицевой Апокалипсис и знаменитые «Анастасиевы ответы» (основная часть древнейшего Изборника Святослава 1073 г. — !). Как следует из послесловия¹ трудившихся над его перепиской «многочисленных рабов Божиих, двух братьев Евсея и Макара», работа была закончена в феврале 1901 (7401 от сотворения мира) года (фото 6)².

В последующее время он принадлежал старообрядцам достаточно распространённого в этих краях бегунского тол-

ка, заселивших во второй половине XIX в. необжитые таёжные места на границе современных Томской и Тюменской областей и Красноярского края. Переписанный со списка, близкого рукописи 1619 г. Овчинниковского собрания № 108 (РГБ. Ф. 209), сборник полностью повторяет состав и особенности её оформления, в очередной раз иллюстрируя приверженность «древнему благочестию» создавшей и сохранившей его среды.

Из приобретённых старопечатных книг своей древностью выделяются, прежде всего, вышедшая в свет при царе Михаиле Фёдоровиче и патриархе Иоасафе Псалтирь с воследованием (М.: Печатный двор, 04.10.1636) и простая (или учебная) Псалтирь (М.: Печатный двор, [11.VII.1636]). Как следует из записи на Следованной Псалтири, в самом начале XVIII в. она принадлежала фамилии Муратовых, стольнику Любиму «Артемьеву сыну», а затем «резанцу Гавриле Петрову сыну», который положил её вкладом в один из храмов Рязани. Отметим также экземпляры Пролога, 1-я четв. (М.: Печатный двор, [20.VIII.1641 г.]) и вышедших в свет при царе Алексее Михайловиче и патриархе Иосифе накануне церковного раскола Евангелия Учительного (М.: Печатный двор, 12.VI.1652) и служебной книги Часослов (М.: Печатный двор, 17.03.1652) (фото 7). Уникальность последнему придают экслибрис и запись о принадлежности его отцу и сыну, Елисею и Викулу Морозовым, видным представителям старообрядческого рода куп-

¹ В послесловии эти сведения оригинально исполнены буквами древнегреческого алфавита как средства тайнописи, после выходных данных древнего списка: «Начата и съвершена бысть сия книга Анастасия и Апокалипсис... Иоанна Феолога... в лето от создания миру 7127, а от воплощения Господа нашего Иисуса Христа 1627 месяца мая 10 дня...».

² Представители разных согласий сибирского старообрядчества не без оснований подвергают сомнению разницу в 5508 лет между начальной точкой, сотворением мира, и Рождеством Христовым, принимая в этом случае период в 5500 лет. Главным аргументом в отстаивании этого мнения является ссылка на Слово 14 Иоанна Златоуста «...на Рождество Богородицы и присно Девы Марии» в издании книги «Маргарит» (М.: Печатный двор, 1641. Л. 618 об.).

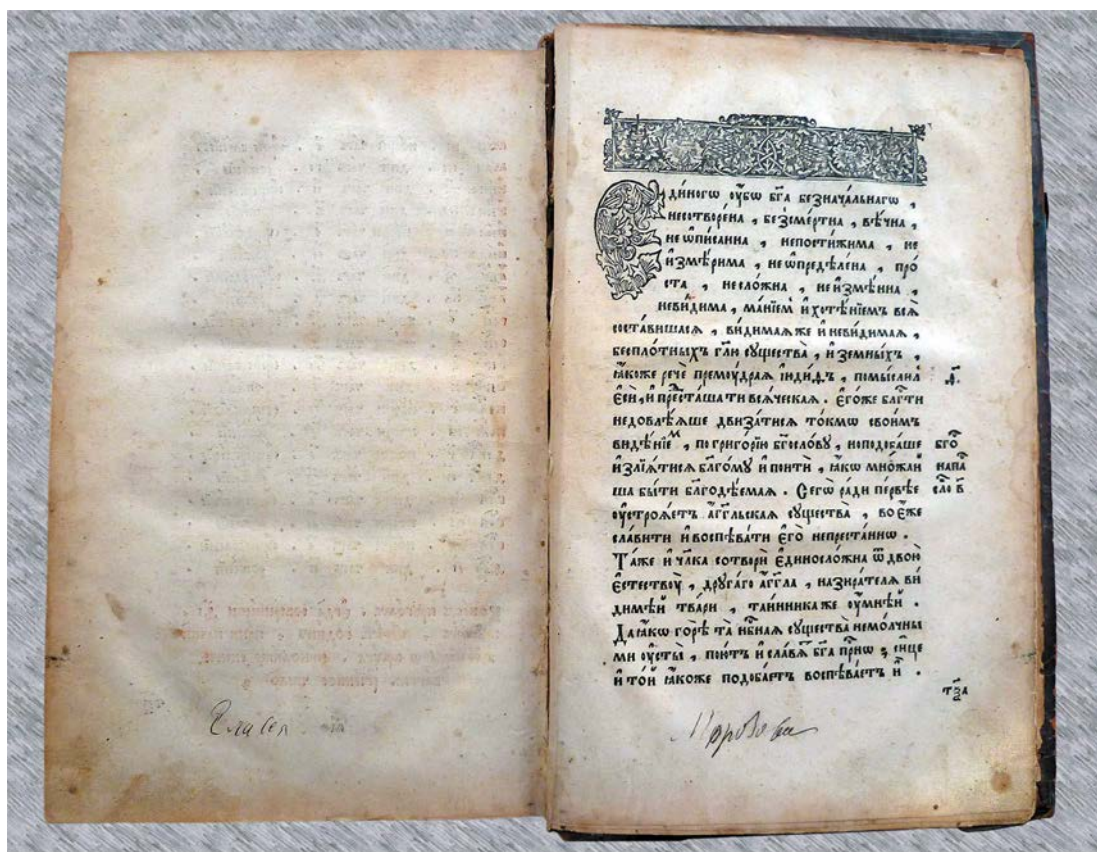

Фото 7. Часослов из библиотеки отца и сына Морозовых, Елисея и Викула.
Красноярское собрание, М.: Печатный двор, 1652 г.

цов и крупных промышленников России, меценатов.

Немалый интерес представляют и находки книг поздней кириллической традиции XVIII–XIX вв., подавляющее большинство которых являются реализацией оригинальных издательских проектов столичных или провинциальных старообрядческих книжных центров и типографий. Находки этих лет – «Начало келейному правилу», «Канон Богородице», апокриф «Страсти Христовы», издания Супрасля, Ясс, Москвы и Уральска. Приобретения подобного рода сегодня составляют единственный источник сведений о репертуаре, издательских центрах и особенностях традиционной книжности, используемой в типографской деятельности старообрядцев. Они вполне могут стать базовым материалом для составления в будущем крайне необходимого справочного пособия о старообрядческой книжности второй половины XIX – начала XX в.

С точки зрения статистики пополнения библиотечных территориальных коллекций картина выглядит следующим образом. В Алтайское собрание за это время поступили 8 книг, собрание Текущих поступлений увеличилось на 27 изданий и 4 рукописи. Кемеровское собрание пополнилось 3 певческими рукописями. В Красноярское собрание поступили великолепные образцы древнерусской письменности: 5 старопечатных книг XVII–XVIII вв. и 3 рукописи четьего характера начала XVII – конца XIX в. В это же собрание следует включить 6 цифровых копий рукописей архива старообрядцев титовского согласия, представляющих ценнейший источник сведений об истории согласия, его догматике и книжных предпочтениях.

Важным пополнением Томской территориальной коллекции стали 6 рукописей и одно издание типографии Единоверцев в Москве, предположительно принадле-

Фото 8. Николай Спафарий. Хрисмологион, 1672 г. Научная библиотека Хабаровской духовной семинарии, рукопись 1700–1701 гг.

жавшие старообрядцам страннического согласия, во второй половине XX в. населявших таёжные массивы Кривошеинского района. В *Забайкальское территориальное собрание* поступили в этот период три певческих рукописи с пятью фрагментами иных музыкальных произведений разного времени.

Кроме того, *Алтайское территориальное собрание*, *Тувинская и Красноярская коллекции*, а также собрание *Текущих поступлений* после завершения оцифровки и обработки изображений пополнились копиями старообрядческих полемиических и уставных сборников, образцов древнерусских певческих книг, редкого издания Триоди цветной типографии Мамоничей начала XVII в., взятых на подержание в общинах старообрядцев титовского и белокриницкого согласий Енисейска и Кызыла (2 рукописи, 1 печатное

издание), из фондов Музея истории православной миссии на Алтае (Бийск, 2 рукописи) и научной библиотеки Хабаровской Духовной семинарии (2 рукописи, включая список сочинения Николая Спафария 1672 г. «Хрисмологион» в редакции 1700 г.) (фото 8).

Обнаружение таких экземпляров в общинных библиотеках таёжных старообрядцев или в государственных хранилищах открывает новые стороны и характеристики культурного наследия Древней Руси, обретающегося на востоке страны за Уралом (фото 9–11).

Об этом же свидетельствует и камеральная археографическая работа. В 2014–2017 гг. она велась в государственных и частных собраниях республики Тыва (Национальная библиотека им. А.С.Пушкина), Алтайского края (Музей истории православной миссии на Алтае). Продол-

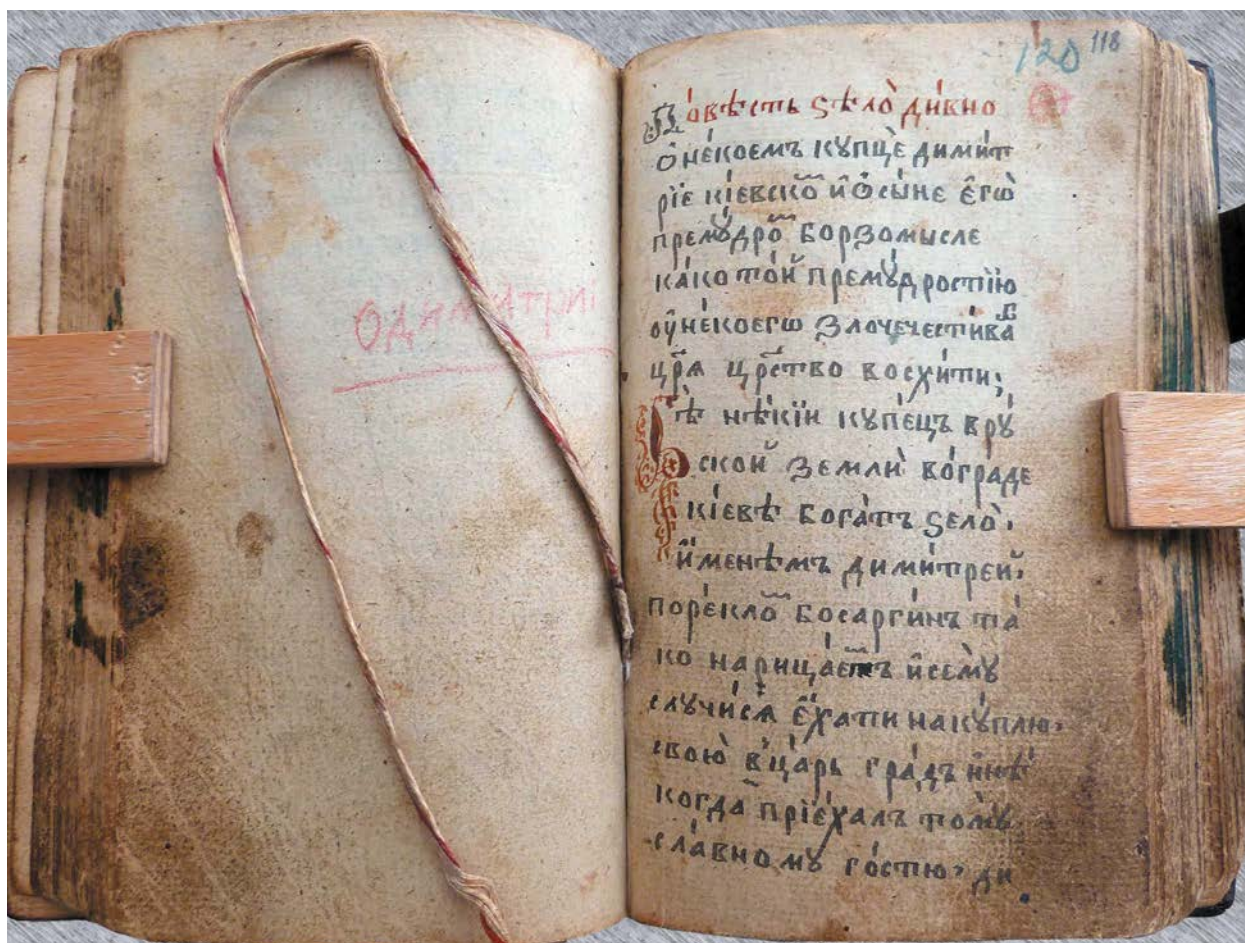

Фото 9. Произведение XV в. в старообрядческом Цветнике середины XIX в. Повестью о Басарге и ей подобными открывается период «развития литературы как искусства» (Д.С. Лихачёв)

жалась научная обработка выявленных ранее собраний в Тобольском архиве, Енисейском краеведческом музее, в учреждениях Биробиджана и Хабаровска.

Ограничимся лишь одним, но совершенно особым примером. В рамках камеральной работы 2017 г. было проведено исследование и подготовлено полное научное описание обнаруженного в частном собрании Новосибирска ранее неизвестного издания Часовника последней четверти XVI в., оказавшегося подлинным открытием археографического сезона.

По целому ряду примет (шрифт, особенности набора, оформление, плотность печати, сохранность материалов, водяные знаки бумаги) можно сделать вывод о непосредственном участии в работе над этим изданием русского первопечатника, соратника Ивана Фёдорова, Петра Тимофеева Мстиславца. Об этой находке

был сделан доклад на Международном конгрессе 2017 г., посвящённом 500-летию выхода Библии Франциска Скорины (Минск, Национальная библиотека Беларуси, 1–15 сентября 2017 г.) [1].

Находка Часовника П.Т.Мстиславца позволяет не только дополнить географию творческого пути этого легендарного книгоиздателя (Москва — Заблудов — Вильно) и вернуться к уже высказывавшейся ранее точке зрения А.С.Зерновой об острожском периоде его книгоиздательской деятельности, но и предложить в качестве одной из последних его работ книгу «Часословец» начала 1590-х гг. (фото 12).

Использование новейших технологий копирования, хранения и доставки информации о новых книжных находках позволяет незамедлительно вводить в научный оборот малоизвестные или

Фото 10. Лицевой Апокалипсис из рукописи с «Анастасиевыми Ответами» (основы Изборника Святослава 1073 г.). Красноярское собрание

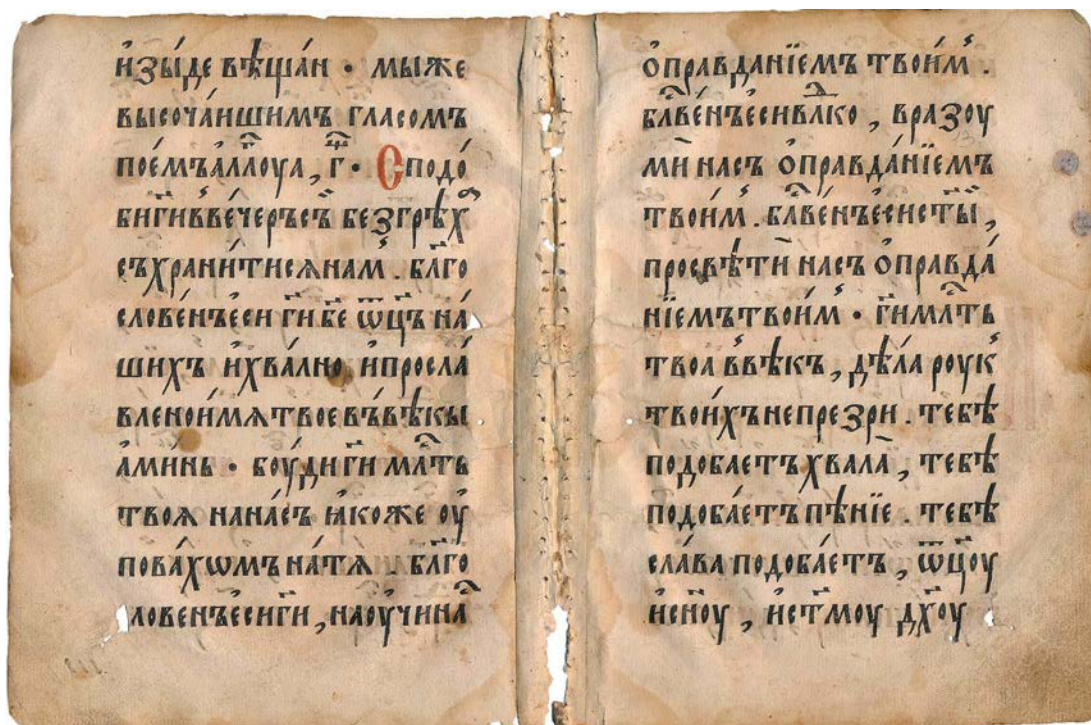

Фото 11. Разворот Часовника П.Т. Мстиславца, Острог, начало 1590-х гг. Частная коллекция, Новосибирск, цифровая копия оригинала, приобретённого в Томской области

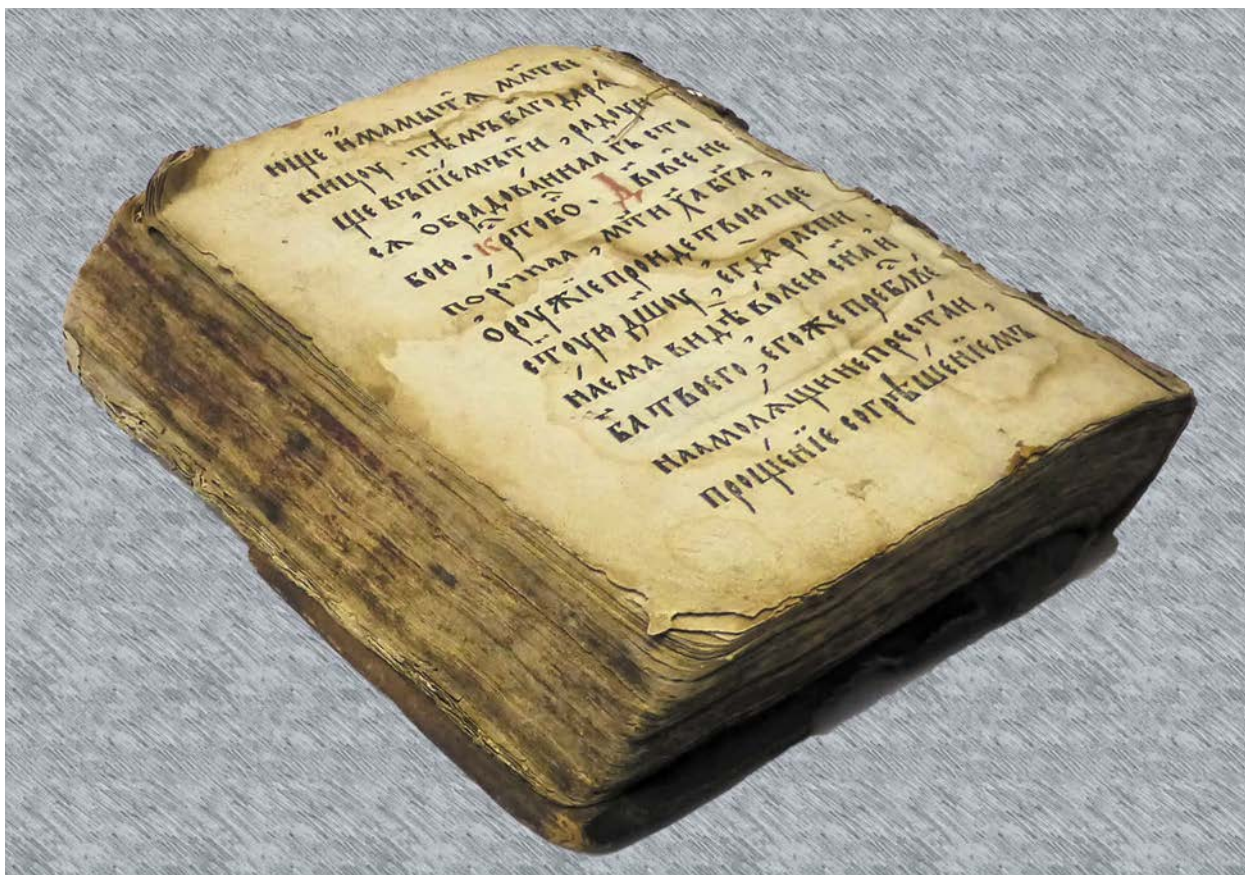

Фото 12. П.Т. Мстиславец. Неизвестное издание первопечатника. «Часословец». Острог, начало 1590-х гг.

совсем неизвестные учёному миру литературные, исторические и иные произведения и документы (цифровая библиотека «Книжные памятники Сибири» размещается на сайте ГПНТБ СО РАН по адресу: <http://www.spsl.nsc.ru/rbook/>). Сканирование, проведение фотосъёмки рукописей и книг, доступных только в среде их бытования, является в настоящее время частью работ отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН по формированию единого электронного фонда книжных памятников, хранящихся в СО РАН.

В рамках этой деятельности в ГПНТБ СО РАН подготовлено электронное издание древнейшего списка Учительного Евангелия, одной из находок экспедиций текущего столетия. Предварительная хронологическая экспертиза показала, что книга, имеющая в заглавии точную дату «перевода с греческого языка на русский» —

1438 г., может быть отнесена к первой трети, в крайнем случае, середине XV в.

Свидетельством исключительной культурно-исторической значимости экземпляра является его бывшая принадлежность семейству Годуновых, самому заметному на политической арене боярскому роду второй половины XVI – начала XVII в. Дмитрием Ивановичем Годуновым, владельцем рукописи в конце XVI в., была осуществлена большая часть вкладов «годуновского данья» в Костромской Ипатьевский монастырь — «колыбель династии Романовых» (фото 13).

Поступление новых книг и распространение сведений о них укрепляют историко-культурную и историко-культурную значимость территориальных коллекций собрания древних книг ГПНТБ СО РАН.

В научный обиход историков, филологов, искусствоведов вводятся исторические источники, корректирующие пред-

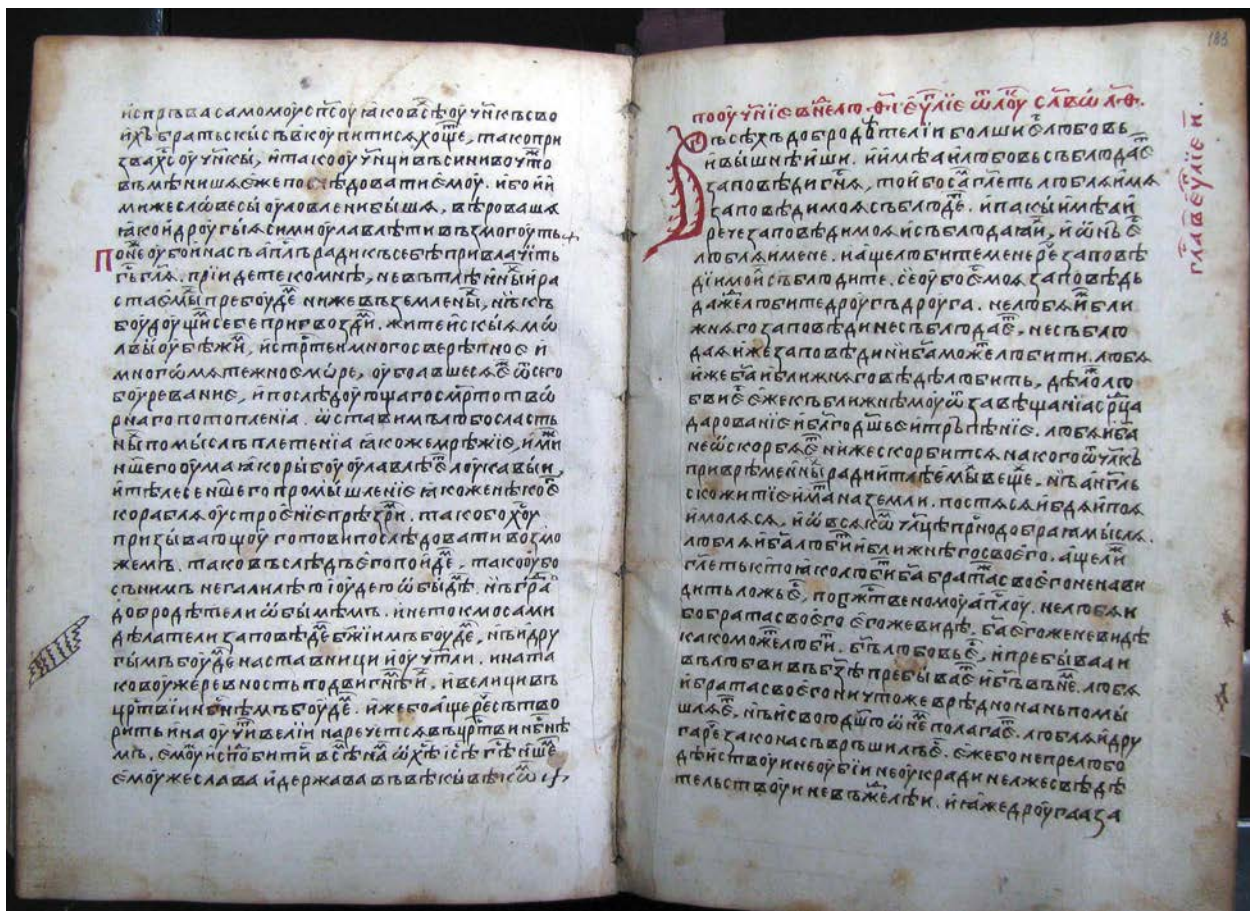

Фото 13. Евангелие Учительное, древнейшая рукопись произведения (ок. 1438 г.).

«Данье» Д.И. Годунова в Костромской Ипатьевский монастырь

ставления о книжном мире давно ушедших эпох, о культурно-исторической значимости древнерусских книг, по сей день встречающихся в живом обращении на территории Сибири. Эти данные, до-

ступные, в том числе, в цифровом формате, могут быть использованы в самом широком контексте научно-исследовательской и культурно-просветительской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородихин А.Ю. Новонайденный экземпляр «Часовника Мстиславца»: проблемы описания // Матэрыялы міжнароднага кангрэса «500 гадоў беларускага кнігадрукавання». У 2 ч. Ч. 1. XIII Міжнародныя кнігазнаўчыя чытанні, Мінск, 14–15 верасня 2017 г. / Нацыянальная бібліятэка Беларусі. Мінск, 2017. С. 166–170.

ENGLISH

Ancient Books of Siberia (Based on Archaeological Expeditions of the State Public Scientific & Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 2014–2017)

Andrey Yuryevich Borodikhin – Cand. Sc. of Philology, head of the section of rare books and manuscripts of the State Public Scientific & Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, supervisor of field research projects supported by the Russian Humanitarian Scientific Foundation, “Evenkia, Khakassia, Tuva: archaeographic search in the places of compact settlements of Old Believers” (14-01-18053e), “Antique books in the east of Russia (Siberia, Primorye and Khabarovsk Territories)” (15-01-18044e), “Common books of communal and private libraries of priestless communities of Siberia and the Far East: traditions and innovations” (16-01-18080e), “Siberia of Old Believers: complex field research of book culture and liturgical practice” (17-01-18068e).
E-mail: borodikhin@spsl.nsc.ru

The paper describes the recent findings of the search and in-office archaeographic work of the department of rare books and manuscripts of Siberia's largest library with the focus on preserving the book cultural heritage of Ancient Russia in the east of the country, including with modern technologies of copying and IT.

Keywords: Old Russian literature, manuscripts, old printed books, Old Believers, archaeography, description, Consolidated catalog, spiritual culture, Siberia

REFERENCES

1. Borodikhin A.Yu. Novonaydennyy ekzemplyar «Chasovnika Mstislavtsa»: problemy opisanija // Materyyaly mizhnarodnaga kangresa «500 gadoŭ belaruskaga knigadrukavannya». U 2 ch. CH. 1. XIII Mizhnarodnyya knigaznaŭchnyya chytanni, Minsk, 14–15 verasnyya 2017 g. / Natsyyanal'naya bibliyateka Belarusi. Minsk, 2017. S. 166–170.

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-158-163

А.В. ЗАБОЛЕЕВА-ЗОТОВА*

II Всероссийская научно-практическая конференция «Совершенствование системы взаимодействия Российского фонда фундаментальных исследований и субъектов Российской Федерации в вопросах проведения региональных и молодёжных конкурсов» (Томск, 22–23 июня 2018 г.)

РФФИ – РЕГИОНЫ РФ

Основными направлениями работы конференции явились анализ опыта взаимодействия РФФИ и субъектов РФ, определение приоритетных направлений совместной деятельности при реализации региональных и молодёжных конкурсных программ поддержки фундаментальных научных исследований.

Ключевые слова: Российский фонд фундаментальных исследований, субъект Российской Федерации, фундаментальные исследования, региональные конкурсы, молодёжные конкурсы

Конференция была проведена совместно Российским фондом фундаментальных исследований, Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Федеральным агентством научных организаций, Администрацией Томской области, Национальным исследовательским Томским государственным университетом.

Цель конференции – анализ взаимодействия и определение приоритетных направлений совместной научной и административной работы субъектов Российской Федерации и РФФИ при реализации

региональных и молодёжных конкурсных программ поддержки фундаментальных научных исследований в аспекте социально-экономического развития регионов.

Основные направления работы конференции:

- ♦ Анализ реализации региональных и молодёжных программ поддержки фундаментальных научных исследований. Демонстрация передовых достижений в решении актуальных проблем социально-экономического развития субъектов РФ средствами фундаментальной науки;

* **Заболеева-Зотова Алла Викторовна** — доктор технических наук, начальник Управления региональных и межгосударственных программ РФФИ, член Оргкомитета конференции.
E-mail: zabzot@rfbr.ru

- ♦ Организационное, информационно-аналитическое и финансовое обеспечение региональных программ поддержки фундаментальных научных исследований в процессе административной работы;
- ♦ Совершенствование системы взаимодействия научного сообщества, административных органов управления субъектами РФ, региональных научных фондов и РФФИ в вопросах реализации региональных программ;
- ♦ Привлечение научной молодёжи к решению актуальных проблем субъектов РФ.

В работе конференции приняли участие более 200 человек из 45 субъектов РФ в составе 7 действительных членов и 2 членов-корреспондентов РАН, 69 докторов наук, 56 кандидатов наук, 15 координаторов региональных программ из администраций регионов.

В приветствии к участникам конференции Министр науки и высшего образования РФ М.М.Котюков отметил: «Сегодня, когда у нас определены ориентиры с помощью Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой 1 декабря 2016 г., РФФИ и другие фонды становятся не только одними из важнейших механизмов поддержки научных исследований, но и инструментом реализации государственной политики в области науки и технологий. Очень важно, что, обсуждая на площадке конференции вопросы взаимодействия РФФИ и регионов, вы делаете акцент на привлечение к этой работе молодых учёных. Уверен, что поддержка и развитие научных исследований в регионах будет способствовать выполнению региональных планов и стратегий социально-экономического развития».

С приветственными словами к участникам конференции обратились председатель совета Российского фонда фундаментальных исследований академик В.Я.Панченко, губернатор Томской области С.А. Жвачкин и заместитель председа-

теля Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре В.М.Кресс.

На форуме были обсуждены важные вопросы взаимодействия РФФИ и субъектов Российской Федерации: роль и место научных исследований в решении социально-экономических проблем регионов; новые научные достижения, полученные в рамках региональных конкурсов РФФИ; особенности экспертизы проектов регионально ориентированных конкурсов РФФИ; проблемы налогообложения и уплаты страховых взносов с региональной части гранта, привлечения и оплаты региональных экспертов и другие. Выдвинуто предложение о введении новых видов регионально ориентированных конкурсов: региональных конкурсов с привлечением высокотехнологических предприятий региона; конкурсов по направлениям, актуальным для группы субъектов РФ, региональных конкурсов с привлечением зарубежных партнёров и другие. Особое внимание рекомендовано уделить региональным молодёжным конкурсам.

Программа конференции состояла из пленарного заседания, на котором было представлено 10 докладов, секционных заседаний – секция «Новые научные результаты, полученные в рамках региональных конкурсов РФФИ, и их связь с программами социально-экономического развития регионов» (20 докладов) и секция «Итоги и перспективы региональных молодёжных конкурсов РФФИ» (10 докладов). В рамках конференции состоялся круглый стол «Совершенствование процесса администрирования и нормативно-правовые аспекты взаимодействия РФФИ, администраций субъектов РФ и региональных научных фондов», на котором выступили 17 представителей администраций регионов и представителей научного сообщества.

Выступая на пленарном заседании, председатель совета РФФИ академик РАН В.Я.Панченко высоко оценил вклад сибирских, в частности томских, учёных:

Фото 1. 20 лет сотрудничества РФФИ и Томской области

«Ваш регион — один из лидеров в программах регионального развития науки. За годы работы в Фонде я убедился, что многие инновации рождались именно в дискуссиях с томичами. Идеи, выдвинутые сибирскими учёными, формировали новые линейки грантов, и регион тут же их поддерживал. В Томске ярко,

красиво представлена цепочка, в которой старт — фундаментальные исследования, а финиш — индустриальный результат» (фото 1).

Важной роли Томской области во взаимодействии и перспективах сотрудничества для решения приоритетных задач социально-экономического развития ре-

Фото 2. Осмотр экспозиции. В.Н. Вавилов рассказывает о результатах своей работы. Слева направо: заместитель губернатора Томской области по научно-образовательному комплексу чл.-корр. РАН Л.М. Огородова, председатель совета РФФИ академик В.Я. Панченко, губернатор Томской области С.А. Жвачкин

гиона было посвящено выступление заместителя губернатора Томской области по научно-образовательному комплексу чл.-корр. РАН Л.М. Огородовой.

С докладом о деятельности Экспертного совета по региональным конкурсам РФФИ выступил академик РАН В.П. Матвеев. Он отметил, что за последние два года значительно вырос интерес научной общественности к региональным конкурсам РФФИ, увеличилось число и качество проектов, поддержанных Фондом, увеличилось объём финансирования и число регионов, участвующих в конкурсах.

О результатах работы с молодёжью рассказала к.ф.-м.н., заместитель директора РФФИ И.А. Журбина. Она отметила динамичность и эффективность исследований молодых учёных Сибири.

На заседании круглого стола, который вели заместитель директора РФФИ В.С. Косоуров и чл.-корр. РАН Л.М. Огоро-

дова, прозвучало много вопросов и предложений по улучшению качества администрирования региональных конкурсов, развитию конкурсной деятельности в субъектах РФ, по новым направлениям работы по поддержке науки в регионах.

К открытию конференции была подготовлена выставка (фото 2), продемонстрировавшая достижения в решении актуальных проблем социально-экономического развития субъектов РФ средствами фундаментальной науки, реализация которых стала возможна благодаря объединению усилий РФФИ и регионов.

При обсуждении и принятии решения по результатам работы конференции были выделены следующие направления дальнейшей работы:

- ♦ издать материалы конференции в виде специального выпуска «Вестника РФФИ»;
- ♦ одобрить существующий порядок проведения экспертизы региональных кон-

Фото 3. Участники конференции

курсов, обратить внимание региональных экспертных советов на необходимость подробного обоснования принятия решений о допуске проектов к конкурсу и рекомендаций по поддержке (не поддержке) проектов;

- ♦ РФФИ совместно с органами исполнительной власти субъектов РФ и региональными экспертными советами осуществлять анализ результативности поддержанных Фондом и регионами научных проектов, проводя на регулярной основе отчётные конференции;
- ♦ распространить практику проведения многосторонних конкурсов с привлечением высокотехнологичных предприятий для увеличения вложений в науку внебюджетных средств, укрепления связи «наука–индустрия», подготовки научно-технических кадров в субъектах РФ;
- ♦ распространить практику проведения региональных конкурсов РФФИ, способствующих привлечению молодых учёных к решению социально-эконо-

мических проблем региона, подготовке и закреплению научных кадров в субъектах РФ;

- ♦ организовать проведение совместно с РФФИ региональных конкурсов типа «Наставник», ориентированных на выявление и поддержку талантливой молодёжи, в том числе в рамках выполнения п. 15 «Комплекса мер по реализации Концепции общенациональной системы выявления и развития молодых талантов на 2015–2020 гг.», утверждённого заместителем Председателя Правительства Российской Федерации 27 мая 2015 г.

В заключение участники конференции (фото 3) отметили, что проведение регулярных (один раз в два года) конференций по этой тематике и более широкое привлечение для участия в их работе представителей органов исполнительной власти субъектов РФ, научных и учебных учреждений позволят более эффективно выстроить систему взаимодействия РФФИ и регионов.

ENGLISH

**The 2nd Russian National Academic & Practical Conference
"Improvement of interaction between the Russian Foundation for Basic Research
and the regions of the Russian Federation in the issues of regional and youth
competitions" (Tomsk, June 22–23, 2018)**

Alla Viktorovna Zaboleeva-Zotova – Dr. Sc. of Technical Sciences, head of the Department of Regional and Intergovernmental Programs of the RFBR, member of the Organizing Committee of the conference.
E-mail: zabzot@rfbr.ru

The agenda of the conference was focused on the experience of the RFBR and the regions of the Russian Federation, identification of priority areas for joint work in regional and youth competitive programs to support basic R&D.

Keywords: Russian Foundation for Basic Research, regions of the Russian Federation, fundamental research, regional competitions, youth competitions

**Д.А. ФУНК, Р.Н. ИГНАТЬЕВ,
В.О. ФИЛАТОВА***

Международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях» (Москва, 15–16 мая 2018 г.)**

На конференции был обсуждён широкий спектр проблем, таких как научные эксперименты и эксперименты с наукой; междисциплинарные лаборатории как форма кооперации; проблема позиции наблюдателя в путешествии, в экспедиции, в эксперименте; общие (и потому невероятно сложные в теории и на практике) вопросы этики эксперимента в антропологии. Наряду с этими проблемами обсуждались «частные» сюжеты — например, музей как лаборатория.

Ключевые слова: антропология, этнология, этнография, этническая история и культура народов Севера и Сибири, этнодемография, корпусная лингвистика

Международная конференция «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях» была организована кафедрой этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Инициаторы проведения конференции предложили рассматривать это мероприятие как призыв к открытости и расширению границ антропологии, к признанию не только перспективности, но и необходимости междисциплинарной кооперации, а также к смелой критике тех теоретических и методоло-

гических конвенций, которые приводят или могут привести к замкнутости этой дисциплины.

Тема эксперимента и экспериментальности многогранна. С одной стороны, она отсылает к вопросам о критериях научности знания и к методологическим различиям между гуманитарными и естественными науками. С другой стороны, понятие «экспериментальность» связано со смелостью и свободой — свободой организационной, свободой мысли и самовыражения. Специфика предмета антропологических исследований такова, что применение метода экспе-

* **Функ Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Игнатьев Роман Николаевич — кандидат исторических наук, член Оргкомитета конференции.
E-mail: roman_ignatiev@mail.ru

Филатова Василиса Олеговна — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, член Оргкомитета конференции.
E-mail: w.philatova@gmail.com

** Проект 18-09-20017г.

Фото 1. Декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова проф. И.И. Тучков приветствует участников (фото И. Ильяшенко)

римента проблематично не только этически, но и практически. Тем не менее, элементы экспериментальной методологии могут быть интегрированы в антропологическое исследование, и более того – вероятно, что статус антрополога как учёного и эксперта вынуждает его быть экспериментатором (т.е. человеком, который создаёт искусственную ситуацию в научных целях и контролирует происходящее в большей степени, чем того, кого он изучает). Таким образом, особенно остро звучат вопросы о персональной ответственности исследователя за судьбы людей, которых он вовлекает в процесс производства научного знания.

С приветственными словами к участникам конференции обратился декан исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова профессор И.И. Тучков (фото 1).

В обсуждении заявленных проблем приняли участие антропологи и филологи, а также художники и фотографы, развивающие экспериментальные подходы к антропологическим и междисциплинарным исследованиям в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Тюмени, Томске и других городах России, а также в Орхусе (Дания), Гётеборге (Швеция),

Пловдиве (Болгария) и Лондоне (Великобритания).

Темы докладов, представленных на конференции, были весьма разнообразны: от антропологических подходов к нейропсихологическим исследованиям до интеграции художественных практик в методологию антропологического изучения города; от вопросов о личном и телесном опыте автора научного текста до экспериментов антропологов над научным сообществом, над полем, над собой; от представлений испанских колонизаторов об общественном устройстве майя до художественного исследования городской фауны.

Доклады участников образовали несколько тематических блоков.

(Авто)этнография: личный опыт против текстуальных и методологических конвенций

Сложное, во многом маргинальное положение автоэтнографического письма по отношению к стандартам «научности» текста отметил С.В. Соколовский (Москва) в докладе «Остаётся ли автоэтнография антропологическим экспериментом?». Он обратился к аудиоартефактам ярких эмо-

циональных моментов в общественной жизни, повлиявших на значимые образы в его (авто)этнографии.

На примере лонгитюдного исследования семейной пары в Норвегии А.Н. Мануйлов (Москва) подробно рассмотрел коллективную этнографию как новаторский подход и метод, не получивший пока должного внимания у российских антропологов.

Опыт наблюдения за сложным диахронным взаимодействием норм и стандартов научной деятельности, советов и указаний авторитетных учёных, воспитывающих поколения антропологов, с их личным жизненным опытом продемонстрировала Е.В. Миськова (Москва). Письма ребёнка своей маме – докладчице, находившейся тогда в «поле», ставят совершенно недетские вопросы о цели пребывания антрополога на значительном удалении от дома: о естественности/искусственности подобного опыта/эксперимента, о доверии научным руководителям, о функционировании и практической пользе академического знания.

Эксперименты с форматами и методами полевой работы: трансформация «поля» и роли исследователя

Опыт антропологических исследований городского пространства, основанных на анализе интернет-публикаций с геотэгами, содержательно описала Д.А. Радченко (Москва). Она показала практический и научный интерес изучения взаимосвязи между стремительной трансформацией цифровой среды и не менее стремительной трансформацией среды городской.

Доклад «К нам приехал ревизор», подготовленный исследовательской группой «Мониторинг актуального фольклора» (А. Архипова, А. Кирзюк, И. Козлова, Е. Югай, С. Белянин, В. Лурье, Е. Ландова, М. Гаврилова), был посвящён последним новостям из политической жизни российского общества – празднованию Дня

Победы, в частности, акции «Бессмертный полк». Рассматривая особенности структуры и функции «Бессмертного полка» в двух разных городах, А. Архипова обратилась к вопросу о том, как меняется интерпретация и репрезентация акции организаторами и участниками в зависимости от того, какая ролевая модель приписывается исследователю (или выбирается им сознательно) – «столичный корреспондент», «консультант» или «ревизор».

Включить в область исследовательского интереса ситуацию общения антрополога со своими друзьями предложил Д.Ю. Сивков (Москва).

Насколько результативным и перспективным может быть преодоление текстуальности на этапе сбора данных и как коллективная художественная практика (изображение города будущего на современной карте города) помогает изучить то, что крайне сложно или невозможно описать словами, а именно – образ родного города, рассмотрел А.Ю. Стрепетов (Москва) совместно с М.Р. Терешиним (Санкт-Петербург).

Экспериментальным подходам к антропологическим исследованиям политически значимых (и неоднозначных) городских пространств была посвящена презентация М. Муравски (Великобритания), сопровождавшаяся слайд-шоу с фотографиями отдельных моментов из длительной истории проекта автора по изучению парка Зарядье в Москве.

Вопросы о возможности целенаправленного воздействия исследователя на «поле», о практической пользе конструирования коммуникативных ситуаций в поликультурной среде предложил обсудить И. Савин (Москва).

Этика эксперимента глазами антропологов и неантропологов

В первый же день конференции состоялся круглый стол «Этика эксперимента», модератором которого выступила Е. Соколова (Институт этнологии и антропо-

логии (ИЭА) РАН). Несмотря на явно не-антропологический повод для дискуссии, последовавшее обсуждение позволило затронуть такие важные и болезненные для профессионального антропологического сообщества темы, как прагматика сбора и анализа данных, разрешение на использование записанного в поле материала, статус науки и позиция учёного-исследователя в современном обществе. Е.Соколова подчеркнула важность обнаружения и преодоления границы между академическими и «неакадемическими» подходами в обсуждении этики исследований социальной реальности, с чем сложно не согласиться.

Эксперименты над своей/чужой культурой: история, практика, амбиции

Начать обсуждение исторических процессов и событий как следствия масштабных социальных и политических экспериментов позволило выступление В.В.Федюшина (Москва) «Общественное устройство мая в оптике европейских колонистов: к проблеме интерпретации инокультурных реалий на заре Нового времени». После доклада состоялась небольшая дискуссия, на которой, в частности, обсуждался вопрос об осознанности «социального эксперимента» как эксперимента самими «экспериментирующими», которые на завоёванных территориях преследуют свои конкретные цели.

Ряд интересных вопросов — например, можно ли стать аутентичным исполнителем блюза в США будучи российским антропологом — поставил А.А.Казанков (Москва) в докладе «Экспериментальная антропология и современная эстрадная музыка» (на примере экспериментов автора над музыкальными традициями, ассоциирующимися с различными языками, культурами, этническими и социальными группами). Такого рода вопросы довольно просто решаются в рамках эмик- и этик-подхода или в более ранней версии, автором которой является

С.М.Широкогоров: если данный исполнитель будет востребован (принят) хотя бы небольшой группой в качестве исполнителя блюза (для данной группы возможно как «аутентичный исполнитель»), то проблема на этом оказывается исчерпанной: этот исполнитель становится аутентичным для *данной* группы слушателей.

Эксперимент как метод, как игра и как возможность свободного высказывания

Действующие в академической среде механизмы, способствующие распространению экспертных, но не всегда научно обоснованных версий этнонациональной истории, а также опыт борьбы за публикацию научных, политически не ангажированных и не направленных на национальное строительство этнологических исследований в одной из российских национальных республик (борьбы, принимающей форму «включённого эксперимента») проанализировал А.В.Овчинников (Казань).

С докладом «Понятие “скорость” в антропологии» выступил М.А.Никитин (Москва). В том, что всё вокруг нас ускоряется, докладчик склонен видеть новую норму, с которой нельзя не считаться, но можно её принять и интерпретировать. Он предложил представлять «скорость» не как водораздел внутри социума или профессиональных цехов, но как одну из причин консолидации антропологического сообщества, основным принципом которого остаются «медленные» факты и наблюдения.

Выступление Р.Игнатъева и В.Филатовой (Москва) «Гипервидео и гипертекст в антропологическом исследовании (школьного буллинга)» состояло из показа фильма В.Филатовой «Школьный буллинг///школьная травля» и краткого комментария Р.Игнатъева о концепции «гипервидео», после которого состоялись обсуждение фильма и общая дискуссия. Фильм о школьном буллинге был представлен как «видеодиссертация» — визу-

Фото 2. На пленарном докладе Андреаса Рёпсторффа (Дания)
(фото И. Ильешенко)

альный аналог научно-исследовательского текста и в то же время — метод углубления в исследуемую тему, способ вывести результаты деятельности молодого учёного из замкнутой академической среды.

Опыту применения метода эксперимента в антропологическом исследовании опыта «общения» с духами был посвящён доклад А.Лауридсена (Швеция). Серия экспериментов, заключающихся в чтении и обсуждении инокультурного текста («Орля» Ги де Мопассана) в компании юных малагасийцев, позволила автору доклада собрать уникальные материалы о том, какими же представляются духи в малагасийской культуре.

Анализ положения антрополога и информанта (с точки зрения эпистемологии) в насыщенной знаками, символами и сообщениями среде продемонстрировал Д.Ю.Доронин (Москва). Он рассмотрел ряд «странных» и с трудом рефлекслируемых ситуаций как проявление бикультурности, раздвоенности, промежуточного положения на пути к достижению соизмеримости культур.

Ход эксперимента по (вос)созданию сакрального объекта с целью дальнейшего его изучения был детально изложен в выступлении Е.Е.Ермаковой (Тюмень) «Роль исследователя в конструировании

сакральных ландшафтов». Помимо чисто экспериментального научного интереса, мотивом активного вмешательства учёного в процессы сакрализации и десакрализации культурных объектов может стать его стремление изменить к лучшему жизнь людей, среди которых проводится исследование. Но возникает вопрос: совпадают ли представления антрополога и исследуемых групп людей о «лучшей жизни»?

Пограничье дисциплин и междисциплинарность

А.Рёпсторфф (Дания) (фото 2) выступил с докладом об опыте и перспективах применения антропологических подходов в нейропсихологических исследованиях и естественно-научных методов и инструментов — в антропологических исследованиях. Докладчик на примерах показал, насколько взаимовыгодной может быть коллаборация антропологов и представителей естественно-научных дисциплин, а также подчеркнул перспективность развития экспериментальной антропологии как самостоятельного направления, в котором эксперимент осмысливается и как метод, и как опыт (*experiment and experience*).

Телесная вовлечённость инженеров в исследовательский процесс, их отноше-

ния и соотношения с неживыми объектами, которые они создают и исследуют, которыми они манипулируют, были затронуты в выступлении И. Чалакова (Болгария) и И. Поправко (Томск).

Е.В. Александров представил сообщение, подготовленное совместно с Е.С. Данилко (Москва), о бифункциональном исследовании человека, в котором рассказал о деятельности Центра визуальной антропологии МГУ и о сложностях, подстерегающих профессиональных кинематографистов (не антропологов), развивающих визуальную антропологию в России в течение последних почти 30 лет.

Масштабному междисциплинарному проекту, объединившему географов, культурологов, этнографов, филологов, искусствоведов, историков и художников в работе над исследованием Арктики, был посвящён доклад Н.А. Смирнова (Москва). Как географ по образованию, но художник и куратор по роду деятельности, докладчик смог одновременно с нескольких сторон проследить внутреннюю логику, по которой строилось междисциплинарное сотрудничество в рамках проекта.

Методы исследований, не ориентированные на текстуальную репрезентацию знания

Проекту, который изначально был реализован в форме выставки фотографий студентов, сделанных ими во время экспедиционных учебных выездов в «поле» (сейчас этот проект преобразован в сайт), был посвящён доклад Е.В. Дёминой и Е.И. Лариной (Москва) «Поднимая целину: визуальная антропология антропологического процесса». Огромные фотоархивы, собирающиеся после каждой студенческой экспедиции, ценны не только как источник этнографической информации, но и как запечатлённый опыт пребывания студентов и преподавателей в чужом, другом, исследуемом месте.

М.Я. Шер (Москва) рассказал о проекте «Палимпсесты» («Новый» визуаль-

ный язык для фиксации и осмысления постсоветского обитаемого ландшафта), для которого в течение семи лет (2010–2017) были сделаны фотографии более чем в 70 городских поселениях постсоветского пространства. Останавливая взгляд не на достопримечательностях, а на узнаваемых, но обычных местах, фотограф предлагает задаться вопросом о том, как и почему мы делим городскую среду на презентабельные и непрезентабельные элементы и как это деление влияет на городское пространство.

Если рассматривать саму конференцию как эксперимент, то следует признать, что привлечение художников и фотографов к участию в научном форуме стало успешным опытом: взаимный интерес к обсуждению нетривиальных или старых-добрых, но неизменно актуальных тем оказался сильнее, чем гнёт формальных требований, различия в методах и языках описания.

Призыв антропологов к смелости и открытости не остался безответным: участники конференции оказались солидарны в стремлении вскрывать привязанность к конвенциям. Было предложено множество путей выхода из теоретических, социополитических и методологических кризисов и тупиков.

Однако в ходе конференции стало понятно и то, что впечатляющее разнообразие стратегий работы антрополога в насыщенной возможностями среде — это не только показатель изобретательности и оригинальности отдельных исследователей, но и следствие некоторой разобщённости внутри профессионального сообщества. Сложно сказать, готовы ли мы, антропологи, одновременно быть открытыми к опыту других дисциплин и налаживать связи внутри профессионального сообщества, объединяя усилия по развитию антропологии с коллегами, чьи подходы, методы и теоретические установки отличаются от наших собственных.

Работа научного форума оказалась продуктивной, его участники намерены продолжить обсуждать самые острые и актуальные проблемы антропологии, находить основания для коллаборации и укреплять междисциплинарные связи, сохраняя внимательное и уважительное отношение к теоретическим, методологическим и этическим принципам различных исследований.

пять междисциплинарные связи, сохраняя внимательное и уважительное отношение к теоретическим, методологическим и этическим принципам различных исследований.

ENGLISH

International Conference “Experiments and Experimentality in Anthropology and Interdisciplinary Studies” (Moscow, May 15–16, 2018)

Dmitry Anatolyevich Funk – Dr. Sc. of History, head of the chair at Lomonosov Moscow State University, chairman of the Organizing Committee of the conference.

E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Roman Nikolaevich Ignatyev – Cand. Sc. of History, member of the Organizing Committee of the conference.

E-mail: roman_ignatiev@mail.ru

Vasilisa Olegovna Filatova – N.N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnology, the Russian Academy of Sciences, member of the Organizing Committee of the conference.

E-mail: w.philatova@gmail.com

The conference debated about a wide range of issues, such as scientific experiments and experiments with science; interdisciplinary labs as a way of cooperation; observer’s position in the journey, in the expedition, in the experiment; general (and therefore incredibly challenging in theory and in practice) issues of the experiment ethics in anthropology. Along with these issues, “private” topics were discussed, for example, the museum as a lab.

Keywords: anthropology, ethnology, ethnography, ethnic history and culture of the peoples of the North and Siberia, ethnodemography, corpus linguistics

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-171-175

Е.Г. ЛЕБЕДЕВА*

Круглый стол «Прогресс России: женский аспект» (Москва, 15 мая 2018 г.)

В работе круглого стола «Прогресс России: женский аспект» приняли участие авторитетные российские учёные, сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов. В докладах участников много внимания уделялось личностям женщин – учёных, общественных деятелей, великих женщин России. Высоко была оценена их роль в достижениях отечественной и мировой науки.

Ключевые слова: музейно-выставочная деятельность, роль женщин в развитии науки

15 мая нынешнего года в Архиве РАН состоялось открытие документальной выставки-исследования и был проведён круглый стол «Прогресс России: женский аспект». Мероприятие прошло под председательством учёного секретаря Архива РАН Н.М.Осиповой, заместителя директора по науке И.Н.Ильиной, руководителя Музейно-выставочной группы доктора культурологии И.А.Урминой.

Открывая заседание, вр.и.о. директора Архива РАН, член-корреспондент РАН А.Г.Толстикова (фото 1) отметил, что взлёт интереса женщин к научной деятельности произошёл ещё в середине XVIII в. во время правления Екатерины II, когда в 1783 г. императрица назначила на пост директора Петербургской Академии наук свою близкую подругу Е.Р.Дашкову. Екатерина Романовна приобрела славу самой образованной женщины своего времени: организатор российской науки, писатель, педагог,

натуралист, филолог, композитор, знаток живописи. Н.Добролюбов говорил о ней как о своеобразном «двигателе» прогрессивных идей.

А.Г.Толстикова отметил важность и актуальность темы круглого стола. Говоря о персоналиях, он остановился на именах нескольких выдающихся женщин-учёных: С.В.Ковалевской – известного математика, члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук; Ю.В.Лермонтовой – талантливой химика, основоположницы нефтепереработки; М.В.Павловой – палеонтолога, первой женщине-профессоре; З.В.Удальцовой – историка, известного византиниста; М.В.Нечкиной – историка, академика, посвятившей свою жизнь исторической науке, в основном изучению движения декабристов.

В работе круглого стола приняли участие авторитетные российские учёные, сотрудники научно-исследовательских институтов, преподаватели вузов. Все

* **Лебедева Елена Геннадиевна** — кандидат культурологии, старший научный сотрудник Музейно-выставочной группы Архива РАН, исполнитель проекта «Актуализация документального научного наследия: изучение и анализ эффективных методов его контекстной визуализации в музейно-выставочной деятельности Архива РАН» (18-011-00238а).

E-mail: lhg68@yandex.ru

Фото 1. Выступление чл.-корр. РАН А.Г. Толстикова

докладчики высоко оценили роль женщин в развитии науки.

О законодательном обеспечении гендерного равенства во всех областях жизнедеятельности и реальном участии жен-

Фото 2. Выступление Г.И. Климантовой

щин в политической жизни и принятии решений рассказала Г.И.Климантова (фото 2) — президент Национального общественного Комитета «Российская семья», заместитель председателя Совета Ассамблеи народов России, член президиума и председатель Комиссии по науке и образованию Общественной палаты Союзного государства России и Беларуси.

Докладчик напомнила об Указе Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин», в котором, в частности, была отмечена необходимость преодоления исторически сложившихся различий в положении мужчин и женщин в сфере труда, «двойной» занятости женщин на работе и в домашнем хозяйстве путём более справедливого перераспределения семейных обязанностей.

Тема женского влияния на развитие научной мысли и культуры прослеживалась на различных выставках Архива РАН и ранее. В 2008 г. в залах Архива РАН прошла художественно-документальная выставка «Музы в храме науки», на которой были представлены живописные, литературные произведения, скульптура и архитектурные проекты.

В 2017 г. в рамках выставки «Научный рисунок в трудах учёных — членов Академии наук» были отобраны для экспонирования рабочие записи и рисунки по зоологии М.П.Садовниковой-Кольцовой, жены основателя русской школы экспериментальной биологии Н.К.Кольцова; а также рисунки академика И.И.Мечникова, увеличенные его женой О.Н.Мечниковой для его лекций, и др.

В залах Архива РАН до сих пор действует экспозиция «Прорыв. Наука XX века», посвящённая развитию отечественной науки с 1900 по 1991 г. где представлены личные дела и архивные документы, демонстрирующие научные разработки учёных, среди которых немало и женских имён.

В докладах на круглом столе много внимания уделялось личностям женщин —

учёных, общественных деятелей, великих женщин России.

И.Н.Ильина, заместитель директора Архива РАН по науке, выбрала темой для доклада удивительную судьбу М.Н.Смит-Фалькнер — экономиста, статистика, автора более ста научных трудов (фото 3). Жизнь этой женщины была полна загадок и тайн. Доклад И.Н.Ильиной позволил приоткрыть завесу некоторых тайн, внести уточнения в общепринятую биографию, дополнить имеющиеся сведения о творческой и педагогической деятельности М.Н.Смит-Фалькнер, составить более цельное представление о её личности и вкладе в науку.

В докладах выступавших прозвучали также имена Е.Н.Ивановой — почвовед, доктора сельскохозяйственных наук, известного специалиста по систематике и классификации почв; Л.С.Штерн — физиолога, организовавшей Отдел возрастной физиологии в Институте охраны материнства и младенчества и Отдел общей физиологии ВИЭМ. Особой заслугой Л.С.Штерн является разработанный ею метод борьбы с шоком.

Доктор культурологии И.А.Урмина посвятила свой доклад талантливому математику С.А.Яновской (фото 4), научные интересы которой вместили как методологию, так и философию и историю математики. Её первые научные работы «Категория количества у Гегеля и сущность математики», «Закон единства противоположностей», «Идеализм в современной философии математики» поражают глубиной исследования предмета. На основе архивных документов докладчик проанализировала деятельность С.А.Яновской как учёного-математика, а также проследила её жизненный путь от революционерки до известного деятеля науки.

В ходе круглого стола были не только представлены доклады об известных российских женщинах-учёных, но и открыты новые имена, которые ранее были знакомы, как правило, лишь специалистам той или иной отрасли науки.

Фото 3. М.Н. Смит-Фалькнер. АРАН.
Ф. 1694. Оп. 1. Д. 35. Л. 3

Фото 4. С.А. Яновская

Фото 5. А.Д. Шаховская (третья слева). АРАН. Ф, 518. Оп. 2. Д. 139. Л. 99

Одним из таких малоизвестных имён стало имя Анны Дмитриевны Шаховской (фото 5). В докладе И.А. Чаевой, старшего научного сотрудника Архива РАН, было подробно рассказано об этой удивительной женщине — дочери князя Д.И. Шаховского, посвятившей свою жизнь служению науке. Геолог, организатор музейного дела, деятель кооперативного движения, Анна Дмитриевна на протяжении нескольких лет была личным секретарем В.И. Вернадского. К тому времени учёный уже практически утратил зрение, и Шаховская была его «глазами и руками». После смерти Вернадского Шаховская посвятила себя увековечению его памяти и научных идей. Она стала первым публикатором его неизданного научного наследия, прежде всего книги «Химическое строение биосферы Земли и её окружения», и создателем Кабинета-музея В.И. Вернадского в ГЕОХИ АН СССР, где работала его хранителем вплоть до ухода на пенсию в 1957 г.

Настоящим открытием для участников круглого стола стал доклад старшего научного сотрудника Архива РАН Ю.В. Щепанской о судьбе учёного-биолога, автора исследований в области генетики, селекции и сортовой систематики картофеля Т.В. Ассеевой (фото 6).

Значение данного проекта огромно для популяризации имён женщин, внёсших весомый вклад в российскую и мировую науку. Благодаря докладам участников научного мероприятия картина российской науки стала более полной. Круглый стол позволил раскрыть имена учёных женщин, о существовании которых знали, пожалуй, только узкие специалисты и сотрудники Архива, обрабатывающие и хранящие в фондах материалы из личных архивов этих женщин-учёных.

К круглому столу была приурочена выставка документов из Архива РАН. В экспозиции были представлены наиболее интересные факты биографий женщин-

Фото 6. Т.В. Ассеева. Из фондов Архива РАН

учёных, фотографий из личных архивов (Электронная презентация выставки: <http://www.arran.ru/bookreader/publica->

[tion.php?guid=9FBC9960-51A8-48B7-8D51-5FC6C28F55A6&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up](http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=9FBC9960-51A8-48B7-8D51-5FC6C28F55A6&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up)).

ENGLISH

Round table “Progress of Russia: women's aspect” (Moscow, May 15, 2018)

Elena Gennadyevna Lebedeva – Cand. Sc. of Cultural Studies, senior researcher of the museum group of archive of the Russian Academy of Sciences, researcher in the project “Updating the documentary academic heritage: study and analysis of effective methods of its contextual visualization in the museum and exhibition activity of the RAS Archive” (18-011-00238a).
E-mail: lhg68@yandex.ru

The roundtable discussion “Progress of Russia: women's aspect” was attended by prominent Russian scholars, researchers and university tutors. The reports of the participants focused on women personalities – scientists, public figures, great women of Russia. Their role in the achievements of national and global science was highly appreciated.

Keywords: museum and exhibition activity, role of women in the development of science

Н.А. ТРУБИЦИНА*

Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания» (Елец, 20–21 апреля 2018 г.)**

Состоявшаяся 21 апреля 2018 г. в Елецком государственном университете Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания» стала значимым событием не только для российских и зарубежных пришвиноведов, но и для всех учёных-гуманитариев. Прозвучавшие на конференции доклады открыли различные грани содержания и структуры художественного дискурса Михаила Пришвина, по-новому осветив вопросы поэтики и стилистики, философских основ и мифотворчества писателя.

Ключевые слова: творчество М.М. Пришвина, поэтика пространства, локальный текст, геокультурный образ мира, геокультурные топосы, этнография, народная культура

Творческое наследие Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954) продолжает поражать исследователей новыми гранями. Благодаря изданию многотомного дневника писателя Пришвин, более известный как автор рассказов для детей, предстал выдающимся русским мыслителем и философом, географом и этнографом, фольклористом и педагогом. Ежедневные дневниковые записи стали материалом для глубоких исторических, культурологических, философских исследований, так как они без купюр фиксировали все значимые события, происходившие в России первой половины XX в. В новом свете предстало и художественное наследие писателя. Специалисты различных

направлений современного гуманитарного знания исследуют творчество художника в разных аспектах. Филологические изыскания, актуальные вопросы литературного краеведения, фольклорно-этнографические реалии художественного дискурса, педагогический, лингвистический аспекты в пришвиноведении стали основой многочисленных докторских и кандидатских диссертаций, монографий, научных статей, словарей, научных экспедиций.

Являясь малой родиной Пришвина, город Елец чтит память своего выдающегося земляка. В Елецком государственном университете (ЕГУ) им. И.А. Бунина регулярно проводятся научные конференции, посвящённые творчеству писа-

* **Трубицина Наталия Алексеевна** — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, председатель Оргкомитета конференции.
E-mail: trubicina-nat@mail.ru

**Проект 18-012-20014г.

Фото 1. Открытие конференции

теля: «Михаил Пришвин: актуальные вопросы изучения творческого наследия» (2003), «Михаил Пришвин: диалоги с эпохой» (2008), «Михаил Пришвин и XXI век» (2013). По итогам прошедших конференций были опубликованы сборники научных материалов.

В годовщину 145-летия со дня рождения писателя в ЕГУ им. И.А. Бунина состоялась Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания» (фото 1). На конференции были широко представлены российские регионы: Барнаул, Воронеж, Елец, Кострома, Липецк, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург. В научном форуме приняли участие представители Китайской Народной Республики – преподаватель Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли Го Ли и аспирантка факультета русского языка Нанкинского университета Тянь Юйтун, а также представитель Германии Маргграфф Утэ, кандидат филологических наук, преподаватель института славистики Грайфсвальдского университета.

Искренний интерес слушателей вызвал доклад Го Ли (Китай, Гуанчжоу) (фото 2) «Перевод и публикация произведений М.М. Пришвина в Китае». Го Ли рассмотрела основные вопросы перевода и публикации произведений Пришвина, творчество которого в последние годы привлекает большое внимание китайских переводчиков, издателей и читателей. Предметом исследования стало восприятие творчества писателя в Китае. Автор отметила огромную популярность Пришвина среди читающей китайской аудитории, назвала наиболее любимые жителями КНР пришвинские произведения, уверила, что работа по переводу будет продолжена и жители Поднебесной продолжат изучение творчества Пришвина.

Генеральный директор издательства «Росток», выпустившего в свет последние тома дневников писателя, Л.И. Чикарова (Санкт-Петербург) в приветственном слове отметила, что феномен Михаила Пришвина как для отечественной словесности, так и для русской исторической и философской мысли до конца не изучен. Она призвала научное сообщество обратить пристальное внимание именно

Фото 2. Выступление преподавательницы Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли Го Ли (Китай, Гуанчжоу)

на дневниковые записи Пришвина, так как это не только творческая лаборатория писателя, но и самостоятельное художественное произведение, отразившее все кризисные моменты становления как новой страны, так и личности художника.

К дневниковому дискурсу писателя обратился ряд исследователей. А.М.Подоксёнов (Елец) проанализировал философско-мировоззренческую и художественно-образную оценку Пришвиным Октябрьской революции и роли в ней Ленина. Влияние Розанова на Пришвина по дневниковым записям 1928–1954 гг. писателя исследовала И.А.Едошина (Кострома), выявив условный розановский текст на страницах дневников Пришвина.

Тема философских и мировоззренческих контекстов жизнетворчества писателя породила острую научную дискуссию, тон которой задал доклад Л.Е.Тагильцевой (Новосибирск). По мнению исследовательницы, в творчестве М.М.Пришвина ценным и оригинальным является не только содержание, но и то, как он стремился к истине, поскольку интеллектуальное постижение и художественное восприя-

тие действительности у писателя составляют единый творческий процесс. Исследуя философию писателя, В.П.Визгин (Москва) пришёл к выводу, что отправной точкой пришвинского творчества следует считать «интуицию» жизни, стремление к совершенствованию которой нельзя отделить от природы, Бога и человека в их тройственном союзе. По мнению автора, центральной темой писателя-мыслителя является идея пасхального преображения души и жизни в целом.

На стыке философии и литературоведения было проведено исследование Я.В.Сарычева (Липецк). Обратившись к повести «У стен града невидимого», докладчик подробно рассказал о том, как в процессе творческого становления писатель взаимодействовал с движением «нового религиозного сознания», кругом Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус, а также с их идейно-литературным наследием.

Трансформацию идей христианского персонализма М.М.Пришвина в новозаветном сюжете о блудном сыне впервые исследовала Е.Ю.Кнорре (Москва). Молодой учёный считает, что этот сюжет

в рецепции М.Пришвина включает несколько покаяльных притч Нового завета, соединяя в образе блудного сына образ мытаря и праведного разбойника. Путь преобразования личности от «я» к «мы» она рассматривает в составе «китежского текста», в основе которого в дневниках М.Пришвина – покаяльный путь личности к обретению подлинного Дома, утраченной родной земли.

Другие аспекты художественно-филологического наследия М.М.Пришвина елецкие исследователи осветили в докладах «Идея добра в произведениях М.М.Пришвина» Н.В.Зайцевой, «Некоторые особенности характера героев «Кашеевой цепи» как специфика русского человека» Е.В.Карасёвой, «Личность и историческое время в романе М.Пришвина «Осударева дорога» О.А.Ковыршиной, «Природа и человек в творчестве М.М.Пришвина» З.П.Ларских.

Тему литературной репутации и стиля писателя затронула И.Г.Минералова (Москва). Она обратилась к обширному корпусу пришвинских стилевых самохарактеристик, уделив особое внимание художественной миниатюре. В выступлении Н.В.Борисовой (Елец) прозвучала мысль о том, что в пришвинских произведениях противопоставлены историческое и природно-циклическое время, реальное и мифологическое, время человека и природы.

Архетипы и автомифологию в произведениях М.Пришвина об Азии выбрала для исследования Е.А.Худенко (Барнаул). По её мнению, сквозные метафоры, кочующие поэтические легенды и реальные бытовые истории, обрастающие символами, наполняют ранние очерковые и путевые книги Пришвина, а затем переходят в рассказы. Это позволяет Пришвину философски осмыслить особенности социально-исторических процессов начала XX в., воссоздать своеобразие европейского и азиатского мышления, сложность поиска национальной идентичности на границе *своего* и *чужого*.

Художественные особенности и структуру сюжета документального цикла

М.М.Пришвина «Слепая Голгофа» подробно исследовала Н.Д.Есикова (Елец), обратив внимание на символические образы и мотивы, их семантику и ассоциативный потенциал. Объектами исследования студентки А.Алёхиной (Москва) стали поэма Пришвина «Фацелия» и особенности мифотворчества писателя.

Интертекстуальные особенности повести М.Пришвина «Мирская чаша» осветила в своей работе Маргграфф Утэ (Германия, Грайфсвальд). В русле нового научного направления – геопэтики – проведено исследование автора этой статьи. Она выявила специфику формирования геопэтических образов в творчестве М.М.Пришвина, проанализировав главы о русской Лапландии из книги писателя «За волшебным колобком».

Учёные-лингвисты также нашли в творчестве писателя много интересного. Структурно-семантические преобразования пословиц и поговорок в дневниках М.М.Пришвина рассмотрены в докладе Г.Н.Абреимовой (Елец). Н.А.Бородина (Елец) проанализировала «звучание» весны в индивидуально-авторской картине мира писателя, рассмотрев акустические признаки этого времени года и описав языковые средства создания звуковых образов. Особенности речевой реализации лексем на основе учёта контекстных значений исследовала Г.Н.Воеводина (Елец).

Вопросы лингвистической поэтики сказки-были М.М.Пришвина «Кладовая солнца» с точки зрения отражения в них звуковых сенсорных впечатлений рассмотрены в докладе Т.В.Гончаровой (Липецк). В.И.Казарина (Елец) попыталась вычленивать субмодусы, объективируемые модификаторами внешней модальной рамки высказывания, и выявить сравнительный уровень истинности в их содержательной структуре. О.А.Мещерякова (Елец) рассмотрела семантику прилагательного *жёлтый* и его дериватов в произведениях о природе М.М.Пришвина «Фацелия» и «Лесная капель». Описанию компонент-

ного состава и лексического наполнения структурной схемы «кому есть како-во» на материале дневниковых записей М.М.Пришвина за 1926–1928 гг. посвятила свою работу магистрантка И.В.Нелюбова (Елец).

Функционированию глагольной метафоры как смысловой и стилистической доминанты художественного текста посвятила свой доклад Л.П.Плеханова (Липецк). Е.А.Сотникова (Елец) сосредоточилась на приёмах, используемых М.М.Пришвиным для введения имени персонажа в текст художественного произведения. Были проанализированы основные пути, выбранные автором для интродукции героев в текст повести «Чёрный Араб». Краткий обзор научных работ, касающихся темы ономастического пространства творчества М.М.Пришвина, представил И.И.Страхов (Воронеж).

На заседании секции «Творчество Михаила Пришвина: фольклорно-этнографический и педагогический аспекты» дискуссию открыл доклад Н.Ф.Александровой (Липецк). Она обобщила педагогический опыт изучения лирических миниатюр М.М.Пришвина на уроках литературы у студентов, обучающихся по программам среднего профессионального образования СПО. В.В.Бондаренко (Москва) подчеркнула, что поэтика индивидуального стиля в детских рассказах М.Пришвина зачастую основана на использовании художественных особенностей сказа как имитации авторски окрашенной устной речи. Вовлечение читателя-ребёнка в общение с автором усиливает эстетическое воздействие, позволяет ненавязчиво передать важные нравственно-этические установки.

К специфике функционирования фольклора в автобиографических очерках «За волшебным колобком» обратилась Н.Ф.Злобина (Москва).

На конференции были представлены доклады, сопоставляющие творчество Михаила Пришвина и других писателей. Это сообщения В.Ю.Лебедевой (Елец) «М.Пришвин и В.Набоков: грани соприкосновения» и кандидата филологических наук С.А.Ломакиной (Елец) «Гармония мира природы и детства в сказке-были М.Пришвина «Кладовая солнца» и в рассказе В.Астафьева «Васюткино озеро». Особый интерес вызвал доклад Тянь Юйтун, аспирантки факультета русского языка Нанкинского университета (Нанкин, Китай), «Земляки Пришвина: Бунин в Китае».

В целом тематика прозвучавших на конференции докладов была широкой и разнообразной. Важная особенность большей части исследований – использование междисциплинарных методов, что вполне укладывается в современные тенденции развития гуманитарного знания, в том числе и филологической науки. Состоявшаяся конференция имеет большое значение для пришивиноведения в частности и развития отечественной гуманитарной мысли в целом. Учёные-пришивиноведы открыли различные грани содержания и структуры художественного дискурса Михаила Пришвина, по-новому осветив вопросы поэтики и стилистики, философских основ и мифотворчества писателя.

Материалы конференции опубликованы в сборнике научных работ «Творческое наследие Михаила Пришвина в системе современного гуманитарного знания».

ENGLISH

Russian National Academic Conference
“Mikhail Prishvin’s Heritage in the System of Modern Humanities”
(Yelets, April 20–21, 2018)

Natalia Alekseevna Trubitsyna – Cand. Sc. of Philology, head of World History and Historical and Cultural Heritage chair, Bunin Yelets State University, chairperson of the Organizing Committee of the conference.
E-mail: trubicina-nat@mail.ru

The Russian National Academic Conference “Mikhail Prishvin’s heritage in the system of modern humanities” held on April 21, 2018, at Yelets State University, was a landmark event not only for Russian and foreign scholars studying Prishvin’s works, but also for all experts in humanities. The reports presented at the conference uncovered various facets of the content and structure of Mikhail Prishvin’s artistic discourse shedding new light on poetics and stylistics, philosophical foundations and myth-making of the writer.

Keywords: M. M. Prishvin, poetics of space, local text, geocultural image of the world, geocultural topos, ethnography, folk culture

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-182-185

Д.А. РЕДИН*

Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В.
Город Сибирь — городище Искер
 (историко-археологическое исследование) /
 Ин-т истории и археологии УрО РАН;
 Ин-т российской истории РАН; Ин-т экологии
 растений и животных УрО РАН. М.: Наука —
 Восточная литература, 2017. — 456 с.: ил. **

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, Урал, Средневековье, история народов России, образование многонационального государства, межэтнические отношения

Богато иллюстрированное научное издание «Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование)» — результат сотрудничества известных специалистов, сотрудников трёх институтов Российской академии наук: Института российской истории РАН (Москва), Института истории и археологии УрО РАН и Института экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург). Стремление разобраться с загадками столицы Сибирского ханства — города Сибирь (современного городища Искер) объединило историка д.и.н. В.В.Трепавлова, археолога к.и.н. А.П.Зыкова и биолога к.б.н. П.А.Косинцева.

Книга состоит из предисловия, девяти глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1 «Сибирь/Кашлык/Искер. Исторический очерк», написанная В.В.Трепавловым, представляет собой увлекательный исследовательский обзор истории столицы Сибирского ханства, созданный на базе всего корпуса доступных письменных источников (в том числе не публиковавшихся архивных), как русских, так и тюркских документов, летописей, хроник, исторических преданий и др. В.В.Трепавлову, великолепно разбирающемуся в средневековой истории русского, тюркских и монгольских народов, удалось создать обособленную панораму событий, сотканную из отрывочных, зачастую противоречивых сведений.

Глава посвящена становлению и развитию Сибирского юрта, показана его сложная административная система, по-

* **Редин Дмитрий Алексеевич** — доктор исторических наук, заместитель директора по науке Института истории и археологии УрО РАН, профессор кафедры истории России Уральского федерального университета.

E-mail: landrat14@mail.ru

**Проект 17-01-16001д.

литические и экономические связи. Перед взором читателя проходят формирование династий, интриги, семейные отношения, династические браки, междоусобные войны, заговоры, восстания. Затрагивается очень непростой вопрос — русское взятие Сибири в конце XVI в. На основе скудных источников автор главы рассмотрел историческую судьбу средневековой столицы — Сибира (Кашлыка), показал её место в государственной и военной системе ханства, привёл разные мнения исследователей относительно происхождения её названий.

В.В.Трепавлов изложил материал беспристрастно, объективно раскрыл картину взаимоотношений русского и сибирско-татарского народов, показал силу и величие каждого из них. Очерк, безусловно, может служить примером межэтнической толерантности и бережного отношения к первоисточникам.

Следующие шесть разделов книги принадлежат перу археолога А.П.Зыкова. Глава 2 «Археологические исследования городища Искер» раскрывает историю археологического изучения Искера, которая началась с первого топографического плана 1703 г., снятого С.У.Ремезовым, и первого подробного описания 1734 г., составленного Г.Ф.Миллером. А сборы вещей и раскопки на городище начались с 1880 г. и продолжаются до сих пор.

А.П.Зыков показывает трудную и порой драматичную историю жизни особо значимых исследователей Искера — М.С.Знаменского и В.Н.Пигнатти. Эти краеведы, будучи археологами-любителями, серьёзно занимались изучением памятника, оба планировали создать и издать свои книги по истории Искера. Исследованиям М.С.Знаменского помешали завершиться интриги тобольских чиновников, а работу В.Н.Пигнатти прервали революция и Гражданская война. Часть коллекции искерских находок была передана в Гельсингфорсский музей. В то время Гельсингфорс был территорией Российской империи. Впоследствии Финляндия получила независимость, и вещи,

привезённые из Тобольска, оказались собственностью другого государства. Так что данное издание — своеобразная дань памяти всем предшествующим исследователям города Сибирь.

Глава 3 «Итоги раскопок городища Искер 1988–1993 гг.» посвящена современным раскопкам, проведённым автором. Текст этой главы А.П.Зыков сопроводил подробными планами раскопов по строительным горизонтам, профилями раскопов и зачисток обрыва р. Иртыш, реконструкциями и цветными фотографиями городища в современном состоянии (на октябрь 2011 г., сделанными Л.Н.Сладковой). Фактор личного участия придаёт главе особое звучание. Надо отметить, что эти раскопки в истории исследования памятника были наиболее результативными и методически основательными.

В главах 4–7 представлено полное описание вещей с городища, хранящихся как в фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, так и представленных в таблицах альбома М.С.Знаменского и в финском каталоге А.М.Тальгрена. Главы разделены по назначению вещей: «Орудия и предметы труда» (глава 4), «Оружие и военное снаряжение» (глава 5), «Предметы быта» (глава 6), «Украшения и принадлежности головного убора, причёски, костюма и обуви» (глава 7). В этих главах подробно изложены полные сведения обо всех видах искерских вещей XIV–XVI вв. из разнообразных материалов (железа, камня, цветных металлов, кости, керамики, стекла, кожи), проведена типология, подобраны возможные аналогии и датировка. Для железных вещей представлены данные микроструктурного металлографического анализа, выполненного А.П.Зыковым.

В целом эти четыре главы содержат исследование полного комплекса предметов материальной культуры татарских жителей цитадели города Сибирь, а также вещей русских казаков и стрельцов, проживавших в нём на протяжении двух с половиной лет в 1582–1585 гг. Это самая

полная сводка по древностям XIV–XVI вв., наиболее «тёмного» периода в археологии России. Эти главы будут особенно интересны специалистам по данной эпохе и региону.

Глава 8 «Земледелие», созданная совместно А.П. Зыковым и П.А. Косинцевым, посвящена продовольственному вопросу. Имеются неоспоримые доказательства того, что у жителей Сибирского ханства ещё в «дорусский» период (т.е. до прихода отряда казаков Ермака) существовало вполне развитое зерновое пашенное земледелие. Выводы строятся на основе комплексного анализа отрывочных сведений русских письменных источников, искерских находок пашенных (лемех) и зерноборочных (серпы) железных орудий труда, каменных предметов для помола зерна (целые жернова и их обломки от ручных мельниц), а также, что особенно ценно, выявленных остатков зёрен ячменя, овса и мягкой пшеницы в образцах культурного слоя памятника. Таким образом, в период Сибирского ханства зерновое земледелие уже являлось важным стабилизирующим фактором пищеобеспечения. Вместе с тем в этой же главе приводятся факты, опровергающие мнение ряда специалистов о возможном мотыжном земледелии на данных территориях в раннем железном веке и в раннем Средневековье, т.е. в «дотатарский» период.

Глава 9 «Животноводство, охота и рыболовство (археозоологические материалы)» целиком создана П.А. Косинцевым. Следует отметить, что кости животных, птиц и рыб были одной из основных находок на памятнике, и Павел Андреевич лично принимал участие в разборе ямы В.Н. Пигнатти с захоронением находок костей из раскопок 1915 г., а затем провёл анализ костей.

Квалифицированный анализ остеологического материала позволил получить сведения о скотоводстве как о важнейшей отрасли пищевого хозяйства. Глава снабжена большим числом остеологиче-

ских таблиц, наглядно показывающих, каких животных использовали жители города Сибир. Особенно развито было коневодство, носившее преимущественно «военный» характер, а в пищу поступали выбракованный молодняк и старые особи. Число костей лошади на Искере оказалось преобладающим.

Жители городища занимались разведением крупного и мелкого рогатого скота. По числу костей крупный рогатый скот уступал лошадям. На третьем месте по количеству — кости мелкого рогатого скота (преимущественно овцы, в меньшем количестве — козы). А вот верблюдов, судя по малому количеству костей, на Искере не разводили, но эти животные приходили сюда со среднеазиатскими караванами. Любопытно, что на памятнике выявлены единичные кости свиньи, вероятно, занесённые случайно. По числу костей можно утверждать, что в городе было большое число собак и кур.

Жители Искера занимались охотой. Основными охотничьими трофеями были косули и лоси (95% охотничьей добычи); медведи, бобр, заяц единичны в находках костей. Так же добывали боровую и водоплавающую птицу.

В рационе питания жителей Искера важное место занимало рыболовство, что подтверждается находками предметов для рыбной ловли, описанными в главах А.П. Зыкова, а также костями, проанализированными П.А. Косинцевым.

Скрупулёзное комплексное историко-археолого-биологическое исследование позволяет рассмотреть феномен города Сибир и определить его роль в Сибирском ханстве.

Особенно хотелось бы отметить иллюстративный ряд книги. Здесь впервые публикуются цветные иллюстрации из неизданного альбома М.С. Знаменского. Это уникальные акварельные рисунки, подготовленные для альбома «Прогулка по историческим окрестностям города Тобольска». На них изображены,

в том числе, находки, переданные в Гельсингфорсский музей. Весьма отрадно, что в книге много графических рисунков, представлены почти все предметы, описанные А.П. Зыковым.

Учёные наконец-то получили долгожданный труд по одной из самых злободневных тем. Это стало возможным в результате огромного совместного труда историка, археолога и биолога.

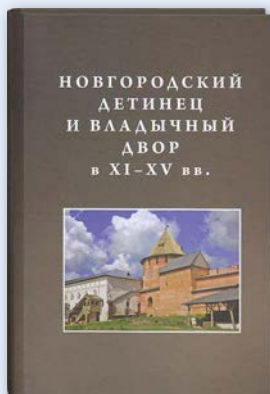
ENGLISH

Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. The Town of Sibir — Isker Fortress (Historical and Archaeological Research) / Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Institute of Russian History of the RAS; Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka — Vostochnaya Nauka, 2017. — 456 p.: ill.

Dmitry Alekseevich Redin — Dr. Sc. of History, Deputy Research Director of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian History chair, Ural Federal University.

E-mail: landrat14@mail.ru

Keywords: archeology, Western Siberia, the Urals, the Middle Ages, the history of the Russian peoples, formation of a multinational state, interethnic relations

Е.Н. НОСОВ*

Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М.А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 264 с.: ил.**

Ключевые слова: Древняя Русь, Новгородская земля, славянское расселение, скандинавы на Руси, торговые пути, урбанизация

Коллективная публикация, выполненная под руководством одного из ведущих археологов Новгородского государственного музея-заповедника М.А.Родионовой, представляет собой фундаментальный труд, посвящённый изданию и интерпретации археологического материала раскопок Новгородского детинца (Кремля) — исторического центра Северной Руси и Новгорода. При ограниченности письменных свидетельств по истории города, спорности многих вопросов его древнейшего прошлого именно постоянно пополняющиеся археологические данные позволяют конкретизировать целый ряд аспектов ранней топографии города, его социальной структуры, размещения культовых памятников, особенности материальной культуры и т.д.

Новгород по праву считается одним из наиболее археологически изученных древнерусских городов, а материалы

его раскопок признаются эталонными. Но самый его центр — детинец — гораздо менее археологически исследован по сравнению с участками Неревского и Людина концов или даже территориями Торговой стороны. Частично это объясняется тем, что широкие раскопки во второй половине прошлого века и начале нынешнего велись и ведутся там, где культурный слой в первую очередь может быть уничтожен в процессе развития городской инфраструктуры и плановой застройки широких территорий, а не там, где археологические работы могли бы дать ответ на принципиальные проблемы истории города. Такая ситуация не позволяет проверить те важнейшие участки, которые кажутся учёным наиболее перспективными с точки зрения фундаментальной науки. С этим, однако, приходится мириться.

Раскопки в Новгородском кремле были начаты Н.Г.Богословским и В.С.Пе-

* **Носов Евгений Николаевич** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института истории материальной культуры РАН, заведующий кафедрой археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: nosov.evg@gmail.com

**Проект 17-01-16039д.

редольским в конце XIX в. и ведутся на протяжении более 100 лет, тем не менее за это время было вскрыто не более 3% его общей площади. Всё сказанное ранее о неравномерной изученности Новгорода в полной мере касается его детинца. Здесь большая часть исследований имела разведочный или охранный характер или связана с реставрацией памятников архитектуры, а также прокладкой различного рода инженерных коммуникаций. Полная публикация материалов шурфов и траншей не проводилась, и результаты работ разных исследователей воедино не сведены.

В последние два десятилетия, уже XXI в., общая картина повторяла в значительной своей части то, что происходило ранее. В 2006–2012 гг. архитектурно-археологические работы во многом были связаны с решением задач, поставленных в связи с реставрацией Владычной (Грановитой) палаты (XV–XIX вв.), которые начались в 2005 г.

К сожалению, археологические работы чаще всего прекращались на уровне 1430-х гг., т.е. времени строительства Грановитой палаты, как требовалось по проекту, а интереснейшие, более древние, отложения остались не исследованными. Однако к западу от фасада Грановитой палаты в охранных целях необходимо было изучить весь культурный слой вплоть до материка. Так появился Кремлёвский раскоп площадью 60 кв. м. Конечно, эта цифра на фоне размаха ведущихся в городе исследований у человека, мало знакомого с ситуацией, может вызвать лишь снисходительную улыбку, но она будет несправедлива. В северной, древнейшей, части детинца Кремлёвский раскоп сейчас является самым большим по площади, и его материалы принципиальны для суждений о древнейшем городе. Археологические работы на Кремлёвском раскопе, продолжавшиеся в течение трёх полевых сезонов (2008–2010 гг.) возглавила М.А.Родионова. Опытный городской археолог, она в 1985 г. уже работала

в данной части детинца у Лихудова корпуса и смогла получить спилы с построек, относившихся к 60-м гг. X в., а ещё раньше — возглавляла один из раскопов на Рюриковом городище с разнообразными находками времени становления города.

Главной целью опубликованной книги является введение в научный оборот новейших результатов археологических и архитектурных раскопок на территории Новгородского кремля. Сама идея её создания, выработка структуры, подбор состава авторского коллектива принадлежат М.А.Родионовой. Она же подготовила значительную часть публикации, многие разделы написала в соавторстве и умело руководила всем творческим коллективом. При чтении работы и оценке выводов постоянно хотелось сказать — «в книге М.А.Родионовой», но это всё же не совсем точно. Это детище М.А.Родионовой, но труд коллективный.

М.А.Родионова решила не только исчерпывающе издать материалы Кремлёвского раскопа (что в последнее время для новгородских раскопов обычно не делается), но также собрать и суммировать все данные по истории раскопок Детинца. Первая часть книги, «Владычный двор в исторической топографии Новгородского кремля», включает три главы: об истории изучения Новгородского кремля и Владычного двора (гл. 1), о планировке и застройке Владычного двора в XI–XV вв. по данным письменных источников (гл. 2) и, наконец, очерк палеорельефа и геоморфологии территории Новгородского кремля (гл. 3).

Для написания части этого раздела был привлечён С.В.Трояновский. Он не только неоднократно участвовал в раскопках в Кремле, но и защитил диссертацию «Новгородский детинец в X–XV вв. по археологическим данным». Очень важно, что в этой части книги впервые, хотя очень кратко, упоминается о «недавней» находке в составе личных дел заместителя директора Новгородского музея П.А.Мартынова, переданных в архив,

полевой документации раскопок А.А.Строчкова и В.А.Богусевича. Эти раскопки проводились в южной части Кремля в 1938–1940 гг. и были самыми масштабными на данном памятнике. Долгие годы материалы предвоенных раскопок считались безвозвратно утерянными. Анализ этих документов может дать важные результаты для понимания древнейшей топографии Новгородского кремля.

Детальному рассмотрению топографии, стратиграфии, хронологии Кремлёвского раскопа, анализу этапов перепланировки, строительных горизонтов и отдельных комплексов посвящена вторая часть книги. Она полностью написана М.А.Родионовой. В результате раскопок выявлены шесть этапов перепланировки участка: от древнейшего, относящегося ко второй половине X – первой половине XI в. (I-й этап) до второй половины XIV – первой четверти XV в. (VI-й этап). К сожалению, нижняя датировка слоя основана лишь на собственно археологических материалах и широких радиоуглеродных датах, а спилов для дендрохронологии не было встречено. Не исключено, что ранние постройки «могли быть срезаны при строительстве первоначальных укреплений» (с. 200). Всего удалось получить дендродаты 67 образцов, среди которых самые ранние относятся к XII в.

Наиболее объёмную часть книги (III) составляет характеристика материальной культуры Владычного двора из раскопа 2008–2010 гг. Из 15 разделов шесть написаны М.А.Родионовой, пять – при её участии. Среди привлечённых авторов – А.А.Зализняк и А.А.Кудрявцев, А.А.Пескова и Л.В.Покровская, А.А.Гиппиус и А.В.Шуреев, Я.В.Френкель и Е.С.Зубкова, И.В.Волков и А.В.Жервэ. Обладая прекрасными знаниями конкретного археологического материала, М.А.Родионова вполне могла бы подготовить многие его характеристики единолично, но с присущей ей педантичностью, иногда даже излишней, она стремилась привлечь «лучших специалистов» почти для каждой категории артефактов.

Этот раздел книги дополняют результаты дендрохронологических, археозоологических, почвенно-геохимических и металлографических исследований, выполненных О.А.Тарабардиной, А.В.Долгих, К.С.Чугуновой, Л.В.Яворской, А.В.Панковой и Я.В.Френкелем и составляющих IV часть публикации. Характеристика находок сопровождается большим числом разнообразных иллюстраций, сделанных как в поле, так и в лабораториях, чертежей и диаграмм.

В результате материалы Кремлёвского раскопа представлены исчерпывающе. Местами информация даже избыточна. Явно не придают академизма чёрно-белые фото гвоздей, клиньев, скобочек, обломков неопределённых предметов, выплесков металла и т.д. Достаточно было бы словесного упоминания об их наличии и некоторой статистики.

На общем фоне работы нельзя не отметить блестящий этюд М.А.Родионовой и А.А.Гиппиуса о находке рукояти плети начала XIII в. (с. 133–142). Последняя представляет собой кленовый стержень длиной 36 см и диаметром до 3 см с металлическим навершием и втулкой внизу. Большая часть поверхности была покрыта плетёным орнаментом, в ткань которого помещены изображения льва, козла, оленя и стреляющего лучника, а в верхней части располагалась сюжетная сцена наказания плетью и не поддающаяся однозначному прочтению короткая надпись. Плеть, очевидно, служила средством наказания и принадлежала знатному новгородцу, входившему в состав городской администрации. Это выдающийся предмет средневекового прикладного искусства; одна его находка, образно говоря, уже оправдывает средства, вложенные в Кремлёвский раскоп.

В V части книги М.А.Родионова и И.В.Антипов рассмотрели вопросы начальной истории детинца и характера организации Владычного двора в XI–XV вв. Тщательно проанализировав все имеющиеся археологические данные, авторы пришли

к убедительному заключению, что северная часть Кремля (где обнаружены культурные отложения X–XI вв.) была заселена ещё до сооружения в середине XI в. древнейших укреплений детинца. От последних сохранились деревянные городни, засыпанные землёй и глиной. В дальнейшем авторы фиксируют несколько более поздних строительных периодов на площади Кремлёвского раскопа. Особое внимание уделено обнаружению ранее не исследованного памятника архитектуры первой половины – середины XIV в. к западу от Софийского собора – небольшой постройки размерами 7,5–8,0 м, которую можно соотнести либо с теремом 1341 г., либо с палатой 1350 г.

Завершает исследование лаконичное, но аргументированное заключение М.А. Родионовой, дающее взвешенное представление о современном состоянии изучен-

ности вопроса происхождения Новгорода, характера древнейших укреплений детинца и времени его возведения. Убедительно звучит вывод о том, что несмотря на различное функциональное назначение детинца как внутренней городской крепости, цитадели и Владычного двора, как места размещения церковного института и монастыря, на протяжении длительного исторического периода XI–XV вв. прослеживалась их неразрывная взаимосвязь.

Монография имеет чёткую структуру, написана ясным языком, сопровождается большим числом разнообразных иллюстраций. Несомненно, она займёт достойное место среди книг о древнем Новгороде и будет востребована специалистами и краеведами, а также широким кругом читателей, интересующихся прошлым нашего отечества.

ENGLISH

Novgorod Stronghold and the Prince Court in the 11th–15th Centuries. /
Editor-in-Chief M.A. Rodionova. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. — 264 p.: ill.

Evgeniy Nikolaevich Nosov — Dr. Sc. of History, associate fellow of the Russian Academy of Sciences, academic supervisor of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, head of the Archeology chair, Institute of History of St. Petersburg State University.
E-mail: nosov.evg@gmail.com

Keywords: Ancient Russia, Novgorod land, Slavic settlement, Scandinavians in Russia, merchant routes, urbanization

**Е.Ю. БАСАРГИНА,
А.Л. ХОСРОЕВ***

Жебелёв С.А. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Библиографический словарь членов РАО (1846–1924) / Отв. ред., сост., вступит. ст. И.В. Тункиной. М.: Индрик, 2017. — 672 с. (Серия Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 5)**

Ключевые слова: история науки, Академии наук, источниковедение

Впервые опубликованный исторический очерк «Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921» принадлежит перу классика отечественного антиковедения академика Сергея Александровича Жебелёва (1867–1941) и охватывает последние десятилетия существования общества. Автор, старейший сотрудник общества и его председатель, в последние годы был свидетелем и летописцем важнейших событий той поры. С.А. Жебелёв всю свою жизнь посвятил изучению античного мира и обогатил науку об античности исследованиями первостепенной важности.

Учёный пользовался репутацией непревзойдённого мастера биографического жанра. Современники называли его российским Плутархом — историографом классической филологии. И в самом деле, по словам самого С.А. Жебе-

лёва, ему «пришлось написать немало количество некрологов или поминальных статей». Более того, С.А. Жебелёв (и это едва ли не единственный случай в истории науки) к своему 65-летию написал не предназначавшийся для печати автонекролог.

На долю С.А. Жебелёва выпало написать «некролог» не только современных ему учёных, но и крупнейшего отечественного научного объединения, а именно Императорского Русского археологического общества. Созданное в 1846 г. в Санкт-Петербурге, общество внесло ценный вклад в развитие отечественной культуры, содействовало изучению славяно-русских, классических и восточных древностей и своей плодотворной деятельностью на пользу историко-филологических наук снискало себе уважение в научном мире.

За последнюю четверть века своего существования общество изменилось

* **Басаргина Екатерина Юрьевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.
E-mail: spbaran-publications@yandex.ru

Хосроев Александр Леонович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.
E-mail: akhos@mail.ru

** Проект 16-01-16509д.

до неузнаваемости: если в течение двух десятилетий описанного Жебелёвым периода оно успешно развивалось, приросло новым, Нумизматическим отделением, то за несколько лет после революции пришло в полный упадок. Трагическая судьба общества, так никогда и не возродившегося, подтверждает горькую истину, что любая сложная, взлелеянная трудами не одного поколения учёных и хрупкая по своей природе институция от невежественного властного вмешательства погибает в одночасье и не поддаётся восстановлению в прежнем виде.

С.А. Жебелёв стал свидетелем заката и гибели общества, на его глазах рушилось дело дорогих ему учителей, происходило крушение традиционных ценностей и идеалов. Будучи не в силах противостоять новым порядкам, он считал своим долгом стать последним летописцем общества и составить хотя бы краткий исторический обзор его деятельности; к этому учёного обязывало высоким ценимое положение председательствующего.

С Императорским Русским археологическим обществом С.А. Жебелёв был теснейшим образом связан с 1892 г., когда он, магистрант Санкт-Петербургского университета, удостоился избрания членом-сотрудником. Для него, как и для многих других начинающих учёных, это была своего рода инициация, означавшая, что он *dignus est intrare* – достоин вступить в научное сообщество. По словам самого С.А. Жебелёва, «всякий, удостоившийся избрания в члены общества, смотрел на это избрание как на высокую честь для себя, для начинающего учёного почти одинаковую с честью быть оставленным при университете» (с. 23). В конце 1894 г. он стал секретарём Классического отделения и вскоре был возведён в звание действительного члена. Обязанности секретаря отделения он сложил с себя в начале 1919 г. в связи с избранием помощником председателя общества с предоставлением ему звания председа-

тельствующего. Бремя председательствующего С.А. Жебелёв нёс в течение последних лет жизни общества. «Это были печальные годы, годы постепенного увядания общества, его агонии...», – напишет он в 1932 г. в заключительной главе с подзаголовком «вместо послесловия» (с. 93).

Основной же текст исторического очерка С.А. Жебелёв написал к 75-летию общества в 1921 г., причём «много лично для себя светлого и отрадного пережил он, составляя свой очерк» (с. 19). Образцом ему послужила книга Н.И. Веселовского «История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896» (СПб., 1900). Очерк С.А. Жебелёва, являющийся продолжением и завершением фундаментального труда Н.И. Веселовского, в отношении объёма и полноты изложения значительно уступает книге последнего, но обоим авторам роднит тщательность в отборе материала и строгое следование фактам, а главное – искренняя любовь к обществу и его деятелям.

Очерк С.А. Жебелёва имеет структуру, аналогичную книге Н.И. Веселовского, он состоит из 15 основных и одной дополнительной (написанной в 1932 г.) глав (с. 19–94). Здесь даны общая характеристика деятельности общества и обзор его научных трудов за третью четверть века его существования; представлены такие аспекты его жизни, как научно-организационная и издательская деятельность, раскопки, наградная система; освещены вопросы финансового положения, пополнения библиотеки и музейного собрания, даже территориального расположения общества. Четыре главы посвящены отделениям общества: Отделению русской и славянской археологии, Отделению восточному, Отделению археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской и, наконец, созданному в 1904 г. Отделению нумизматики. С.А. Жебелёв приводит перечень всех докладов и сообщений, прочитан-

ных в Общем собрании и в каждом отделении за 25 лет, в алфавитном порядке их авторов. И теперь исследователи имеют полное представление о повседневной жизни научного общества.

Очерк С.А. Жебелёва производит впечатление развёрнутого конспекта; для него характерен сдержанный, даже суховатый стиль. Автор хотел быть бесстрастным летописцем, дотошным историографом и объективным свидетелем «трудов и дней» общества, поэтому он ограничился изложением фактической канвы и избегал оценочных суждений. О таком самоограничении он предупредил будущего читателя в предисловии «От автора»: «О многом из жизни общества за истекшие годы автор мог бы вспомнить и порассказать. Но он стремился построить свой очерк не на воспоминаниях, а на фактических объективных данных» (с. 19). По счастью, С.А. Жебелёв то и дело нарушает свой запрет на воспоминания, и они вносят свежую струю в довольно-таки монотонное повествование.

Так, со свойственной ему теплотой С.А. Жебелёв кратко, но выразительно охарактеризовал председателя классического отделения, профессора Петербургского университета И.В. Помяловского, о котором в своё время написал проникновенный некролог. И.В. Помяловский «близко к сердцу принимал интересы отделения, ратовал за него, любил собрания отделения и со свойственным его любвеобильной натуре добродушием председательствовал на них и неизменно при встрече с секретарём отделения обращался к нему (т.е. к С.А. Жебелёву. — *Е.Б. и А.Х.*) с вопросом: “Когда думаете собрать отделение?” Разумеется, в последние годы жизни И.В. силы его были уже не прежние, и энергия его заметно угасала, но для всех членов общества отрадно было хотя бы видеть его — столько чарующей симпатии было в характерном облике И.В. Помяловского, олицетворявшего в себе наилучшие традиции и заветы любви и к просвещению, и к людям» (с. 59).

Или вспомним его задушевные слова о председателе Восточного отделения, профессоре Петербургского университета бароне В.Р. Розене, дающие представление и о Восточном отделении в целом, и о том месте, которое оно занимало в Императорском Русском археологическом обществе. «Шейх арабской филологии», по выражению одного из современников, и глава отечественных ориенталистов, «барон», как называли его за глаза коллеги и ученики, объединил разрозненные прежде силы востоковедов во круг созданных его усилиями «Записок Восточного отделения» — первого русского востоковедного журнала. Как пишет С.А. Жебелёв, «вечным идеальным памятником деятельности В.Р. Розена и в обществе, и в университете было то, что он создал тесную семью востоковедов, которая, пока он был жив, всецело была руководима им и всегда внимательно прислушивалась к его советам и указаниям, а после его смерти продолжала долго жить традициями, завещанными её славным и незабвенным наставником» (с. 48–49). Неудивительно, что Восточное отделение оказалось самым жизнеспособным и продолжало собираться даже после того, как другие отделения прекратили свою работу...

Труд по подготовке очерка С.А. Жебелёва к публикации взяла на себя историк науки д.и.н. Ирина Владимировна Тункина (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Этим изданием она продолжила добрую академическую традицию завершения незаконченных, а затем и забытых по условиям времени трудов своих великих предшественников. К научному наследию С.А. Жебелёва исследовательница впервые обратилась в середине 1980-х гг. и вскоре вместе с Э.Д. Фроловой опубликовала историографические этюды С.А. Жебелёва — ранее неизвестные очерки о Ф.Ф. Соколове, Я.И. Смирнове, Б.А. Тураеве, С.Ф. Ольденбурге. Тогда же она сообщила о том, что к печати готовится том «С.А. Жебелёв. Неиздан-

ные труды и материалы к биографии». Хотя осуществить это издание в том виде, в каком оно было задумано, не удалось, И.В.Тункина опубликовала львиную долю научного наследия С.А.Жебелёва. Многолетняя кропотливая работа по подготовке рукописи исторического очерка С.А.Жебелёва была реализована в фундаментальной публикации, вышедшей в серии «Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки» (Supplementum 5), основанной Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН.

Издание снабжено солидным научным аппаратом. Книгу открывает вступительная статья И.В.Тункиной «Русское археологическое общество в 1899–1924 гг.: Взгляд С.А.Жебелёва» (с. 7–15). В статье освещены основные вехи истории общества, установлена точная дата его ликвидации (5 апреля 1924 г.) и объяснены археографические принципы публикации рукописи исторического очерка С.А.Жебелёва, которая в настоящее время хранится в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН.

Исторический очерк публикуется в обрамлении сопутствующих материалов, которые в отношении объёма во много раз «перевешивают» основной текст очерка, что само по себе всегда приветствуется при исследовательской работе. Хотя сам С.А.Жебелёв, как уже говорилось, сознательно оставил свой очерк без комментариев, публикатор посчитала необходимым сделать это. В результате книга включает обширные научные комментарии об упомянутых в тексте фактах, учреждениях, а также библиографические данные о прочитанных докладах (с. 95–172). В подготовке этого раздела приня-

ли участие сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива РАН Л.Д.Бондарь и М.В.Поникаровская и профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета И.Л.Тихонов. Эти комментарии, бесспорно, представляют историко-научную ценность, так как они нередко являются результатами архивных поисков, сообщают о малоизвестных фактах.

В первом же комментарии говорится: «В оглавлении рукой С.А.Жебелёва зачёркнуты следующие строки: Приложения: 1. Число заседаний общества по отдельным годам за 1897–1921 гг.; 2. Число членов Общества по отдельным годам за 1897–1921 гг.; Указатель имён и предметов. Все эти приложения в машинописном тексте рукописи отсутствуют» (с. 95), но их отсутствие с лихвой компенсирует огромное Приложение составителей, имеющее самостоятельное значение: «Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)» (с. 173–640). Авторами биографических статей (а их около 800) являются И.В.Тункина (её перу принадлежит большая их часть), Л.Д.Бондарь, М.В.Поникаровская, Э.Ю.Светлова, В.Ю.Соболев, М.В.Медведева, Е.Г.Застрожная, Е.Ф.Королькова, Е.Н.Груздева. Издание сопровождается именным указателем и списком сокращений. Книга обильно иллюстрирована, и остаётся только пожалеть о том, что в ней нет списка иллюстраций с указанием их источников.

Нет никакого сомнения в том, что данное издание будет чрезвычайно полезно не только для профессиональных археологов и историков, но и для всех интересующихся историей гуманитарного знания.

ENGLISH

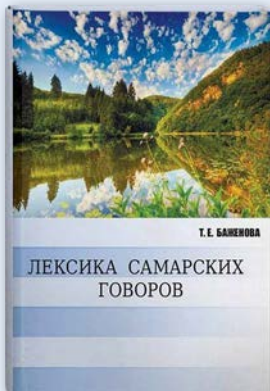
Zhebelyov S.A. Russian Archaeological Society in the Third Quarter Century of Its Existence. 1897–1921: Historical essay. Appendix: Bibliographic dictionary of the members of the Russian Academy of Education (1846–1924) / Editor-in-Chief, author, foreword by I.V. Tunkina. Moscow: Indrik, 2017. — 672 p. (Ad fontes series: Materials and research on the history of science. Supplementum 5)

Ekaterina Yuryevna Basargina — Dr. Sc. of History, chief researcher of St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: spbaran-publications@yandex.ru

Alexander Leonovich Khosroev — Dr. Sc. of History, chief researcher of the Institute of Oriental Manuscripts, the Russian Academy of Sciences.
E-mail: akhos@mail.ru

Keywords: history of science, Academy of Sciences, source studies

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-195-198

М.Н. БАРАБИНА*

Баженова Т.Е. Лексика самарских говоров: типологическое и лексикографическое описание. Самара: СГСПУ, 2017. — 190 с.: ил. **

Ключевые слова: русский язык, диалекты, диалектная лексика, лингвогеография, говоры территорий позднего заселения

Диалектная лексика любого региона всегда вызывала неизменный интерес языковедов, этнографов, историков, фольклористов. Более того, ею интересовались не только учёные, но и представители широкой общественности: любители словесности, русской языковой культуры, а также ценители народного русского слова. Это объясняется тем, что именно лексический пласт выявляет для говорящих наиболее очевидную самобытность языка, определяющую этноязыковую картину мира. В наше время необходимость сохранения диалектной лексики как для науки, так и для памяти народной ощущается особенно остро в связи с происходящими в языке неизбежными для своего времени изменениями. Работа Т.Е. Баженовой, выполненная на материале самарских говоров, соответствует этой чрезвычайно важной и насущной задаче сохранения живого народного слова.

Монография представляет собой фундаментальное и разностороннее описание лексики говоров самарского края. Это первое в истории региональной поволжской лингвистики исследование подобного рода. Его уникальность заключается не только в объёме охватываемого диалектного материала, но и в его комплексном изучении: лингвогеографическом, лексикографическом, типологическом, системно-структурном, семасиологическом, культурологическом, этнолингвистическом и др.

Выполненная работа актуальная, и вот почему: во-первых, диалектные слова являются важной и наиболее заметной составляющей в формировании нашего представления о региональной специфике говоров и уже поэтому требуют фиксации и оценки; во-вторых, вопрос о существовании системных отношений в лексике русских народных говоров является дискуссионным, и путь констру-

* **Барабина Мария Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва.
E-mail: mbarabina@yandex.ru

**Проект 16-14-63001а/р.

тивного и положительного решения этого вопроса означает подтверждение необходимости продолжения дальнейшего его изучения лингвистами; в-третьих, вопрос об адекватном отражении диалектной лексики словарями приобрёл в настоящее время особую остроту, и разработка модели регионального тематического словаря – ещё один шаг на пути разрешения этого вопроса; в-четвёртых, описание типологии лексико-семантических диалектных различий на новом материале позволяет расширить имеющееся в науке представление о русских народных говорах периферийных областей.

Автор выбрала наиболее верный путь к такому разностороннему описанию – тематический подход, позволяющий истолковать лексику отдельно взятого региона наиболее полно и с учётом объективно сложившихся системно-структурных связей.

Монография – результат огромного по объёму кропотливого труда. В ней систематизирован, классифицирован и квалифицирован материал по 25 лексико-тематическим группам более 1500 диалектных слов, большая часть из которых собрана самим исследователем на протяжении 15 лет в диалектологических экспедициях. Кроме того, учитывается лексический материал, накопленный в архиве диалектологического кабинета Самарского/Куйбышевского педагогического университета/института, начало которому было положено ещё в конце 1930-х гг. профессором В.А.Малаховским.

Содержание монографии Т.Е.Баженовой должным образом отражает результаты выполнения автором всего спектра поставленных задач.

В первой главе даётся анализ проблемы системных отношений в лексике, сделан обзор научной литературы по проблеме. Это позволяет рассматривать данную книгу как логическое продолжение теоретических работ предшественников.

Во второй главе определяется статус местных говоров по результатам их

лингвогеографического изучения самарскими диалектологами, дана история создания региональных атласов, ставших источниками первоначального представления о системных отношениях в самарских говорах. Для обоснования системных отношений в диалектной лексике автор обращается к результатам лингвогеографического изучения самарских говоров на материале других языковых особенностей. С учётом изоглосс основных фонетических различий Т.Е.Баженова устанавливает границы двух основных диалектных зон на территории самарского края, образуемые самарскими окающими и акающими говорами, сформировавшимися на основе материнских говоров различной типологии.

Для подтверждения существования окающей и акающей зон приводится карта типологии систем предударного вокализма, составленная с учётом данных соответствующей карты опубликованного в Самаре в 2009 г. «Атласа говоров самарского края» Т.Ф.Зибровой и М.Н.Барабиной. Затем автор привлекает сведения по предударному вокализму после мягких согласных, опираясь на данные опубликованных карт поволжских атласов и на результаты собственного лингвогеографического исследования, отражённые на соответствующей карте.

С учётом изоглосс типопределяющих особенностей вокализма после мягких согласных диалектный ландшафт территории предстаёт более сложным, и автор убедительно доказывает, что в пределах окающей и акающей зон на территории самарского края существуют более мелкие диалектные группировки, различные и по типологии фонетических диалектных различий, и по генезису, и по времени и характеру образования.

Для определения типологии говоров автор обращается к такому показательному системному явлению, как предударный вокализм после мягких согласных, что является новаторским подходом. Выводы этой части исследования Т.Е.Баженова

использует как фоновый языковой материал для последующего подтверждения системных отношений в диалектной лексике, поскольку большинство лексических изоглосс на территории самарского края соответствует объективно сложившейся картине основной дифференциации на северную, центральную и южную часть с учётом дополнительного противопоставления западной и восточной частей территории, составленной изоглоссами фонетических и морфологических особенностей.

Таким образом, системность диалектных черт изучаемых говоров в исследовании обосновывается не внеязыковыми (этнографическими или культурно-историческими) факторами, как обычно это делается при изучении переселенческих говоров, а выводится из анализа языкового материала различных уровней, включая лексический. Автор исследования утверждает правомерность привлечения данных о лексике, традиционно считавшейся в говорах наименее организованным языковым ярусом, для определения региональной специфики лингвистического ландшафта территорий позднего заселения.

Обзор итогов лингвогеографического изучения лексики самарских говоров представлен в третьей главе, начинающейся с классификации лексических диалектных различий. Выявленные факты лексических соответствий подтверждают существование на изучаемой территории основных диалектных зон, разграничиваемых по фонетическим изоглоссам (*ухв́ат – рогáч, ковш – корéц* и др.). В результате анализа многочисленных диалектных соответствий диалектных слов констатируется типологическое различие говоров западной и восточной части области. Обращено внимание на то, что во всех восточных самарских говорах следы межъязыковых контактов с нерусским населением Заволжья более заметны, чем в западной части территории. Автор делает вывод, что целый ряд

диалектных различий на уровне лексики имеет признаки системно-структурного соответствия другим лингвистическим особенностям самарских говоров, прежде всего особенностям фонетического уровня.

Четвёртая глава наиболее интересна своей новизной и полнотой регионального лексического материала. Словарный материал представлен с точки зрения структурно-типологического и лексикографического описания. В главе даётся обзор лексики самарских говоров, построенный по тематическому принципу. Автор показывает, что исследуемые им говоры сохраняют большой культурный слой диалектной лексики, которая во многом определяет основные черты регионального словаря. Часть этой лексики составляет пассивный словарный запас носителей говоров (наименования одежды, обуви, традиционных хозяйственных построек, ручных орудий труда), но многие слова до сих пор активно используются и, следовательно, живы в современных диалектах (лексика природы, характеристики человека, животноводства). Автор даёт всесторонний анализ тематических групп, особо выделяя узколокальную лексику и лексику, имеющую ареально-типологический характер.

Таким образом, новизна работы не только в том, что впервые в научный оборот вводится огромный новый фактический материал, не только в максимально возможном разностороннем его анализе, но и в решении многих существенных теоретических вопросов русской диалектологии и – шире – общего языкознания. Самый важный из них – подтверждение системного характера диалектной лексики как в разных её собственно лексических объединениях (в многочисленных лексико-тематических и семантических группах и подгруппах), так и на уровне связи с другими языковыми ярусами (прежде всего с фонетическим, на примере предупредительного вокализма после мягких согласных) и, следовательно, с языковой

системой в целом. Этот вывод Т.Е.Баженовой, как и другие немаловажные выводы и наблюдения исследователя, определяет несомненную научную ценность её капитального диалектологического труда.

Теоретическая значимость работы заключается также в системном лексикографическом представлении исследуемого лексического материала, в создании моделей толкования для выделенных семантических разрядов наименований тематических групп с учётом интегральных и дифференциальных семантических признаков. Разрабатывая модель тематического словаря, Т.Е.Баженова приходит к определению для каждой подгруппы своей модели, или «матрицы», описания, обусловленной спецификой материала. Следовательно, исследование имеет возможность продолжения.

Практическое значение монографии также многогранно. Это и разработанная методика лексикографического описания диалектной лексики в тематических объединениях для составления соответствующего словаря, и опыт применения картографирования к лексике говоров на территории позднего заселения в ус-

ловиях отсутствия здесь чётких ареалов и изоглосс, и возможность использования материалов исследования для создания пособия по русской диалектной лексикологии для студентов филологических факультетов университетов, а также для подготовки справочника по народной лексике самарского края для всех любителей русской словесности.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что результаты научной работы Т.Е.Баженовой не просто расширяют наше представление о лексике, функционирующей в русских народных говорах самарского края, но впервые в региональной лингвистике показывают её системный характер, а также последовательную типологическую и лингвогеографическую закреплённость.

Поскольку рецензируемая монография уникальна как по богатству обобщённого лексического материала, так и по значительности сделанных на его основе наблюдений и выводов (специально научных либо общекультурных), это делает её незаменимой не только для диалектологов, но и для широкого круга заинтересованных читателей.

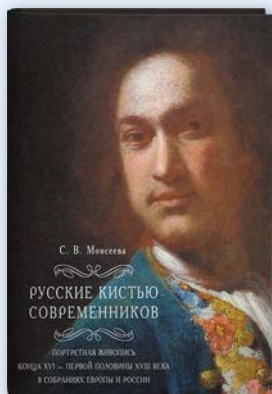
ENGLISH

Bazhenova T.E. Vocabulary of Samara dialects: typological and lexicographical description. Samara: Samara State University of Social Sciences and Education, 2017. — 190 p.: ill.

Maria Nikolaevna Barabina — Cand. Sc. of Philology, associate professor of the Russian Language and Mass Communication chair, Samara University.
E-mail: mbarabina@yandex.ru

Keywords: Russian language, dialects, dialectal vocabulary, linguogeography, dialects of territories of late settlement

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-199-202

Е.А. ТЮХМЕНЕВА*

Моисеева С.В. Русские кистью современников: Портретная живопись конца XVI – первой половины XVIII века в собраниях Европы и России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. — 304 с.: ил. **

Ключевые слова: русское искусство XVIII века, русское искусство Нового времени, Императорская Академия художеств, русская усадебная культура

Труд С.В.Моисеевой посвящён периоду становления одного из самых интересных явлений в истории художественной культуры Российского государства — портретной живописи. Её возникновение традиционно связывается с эпохой царствования Ивана Грозного (достижения Стоглавого собора 1551 г. и Собора 1553–1554 гг.), а существенные шаги в развитии — с деятельностью представителей новой царской династии Романовых, особенно Петра I.

Отмеченный период давно привлекал внимание специалистов, знатоков и любителей искусства. С выхода первой и, в сущности, до сих пор единственной обобщающей работы Е.С.Овчинниковой «Портрет в русском искусстве XVII века: Материалы и исследования» (М., 1955) прошло уже более 60 лет. За это время искусствоведческая наука накопила серьёзный опыт и, что не менее важно, обрела ощутимый багаж новых данных: были открыты неизвестные произведе-

ния и факты, проведены реставрации и технологические исследования, подготовлены тематические выставки, созданы каталоги музейных собраний, предложены новые атрибуции и датировки. Книга С.В.Моисеевой разрешила давно назревшую необходимость собрать и пересмотреть накопленный материал, оценив его с позиций современного искусствознания.

Издание представляет итоги многолетней работы. В его основе лежат отличное знание дореволюционной, советской и современной историографии, тщательное изучение разнообразных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, знакомство с результатами технологических экспертиз и новыми произведениями, в том числе фигурирующими на антикварном рынке, а главное — возможность автора постоянно находиться в тесном контакте с подлинниками. При атрибуции и датировке С.В.Моисе-

* **Тюхменева Екатерина Александровна** — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.
E-mail: tyukhmeneva@mail.ru

**Проект 17-04-16102д.

ева учитывала все возможные факторы: от происхождения и бытования (или, как говорят музейные сотрудники, провенанса) произведения до палеографии. В целом книгу отличает серьёзный аналитический подход и доскональная выверка сведений и фактов.

Структуру издания, не чуждую хронологическому принципу, составляют шесть глав, охватывающих ключевые моменты в истории развития отечественного портрета избранного периода, а также обширные Приложения и богатый иллюстративный материал.

Открывает книгу глава, которая знакомит читателя с уникальными живописными и графическими произведениями, выполненными за границей и представляющими наших соотечественников «со стороны», силами иностранных художников. С.В.Моисеева впервые освещает весь комплекс известных в настоящее время изображений русских дипломатов конца XVI–XVII вв., хранящихся в разных российских и зарубежных собраниях. Особый колорит повествованию придаёт воссозданный автором книги исторический «контекст» запечатлённых образов – подробная реконструкция русских посольств той эпохи, а также характеристика личностей самих послов, включая и впечатление, которое они производили на европейских современников.

Во второй главе прослеживается история возникновения и развития портретной живописи в России. В ней собраны и проанализированы имеющиеся ныне сведения об образах царей и их ближайших родственников XVII – начала XVIII в., исполненных преимущественно отечественными мастерами. При рассмотрении проблематики, связанной с поиском подхода к изображению человека того времени, большое значение придаётся первым русским теоретическим трактатам Иосифа Владимирова и Симона Ушакова середины 1660-х гг., определившим мемориальную и репрезентативную при-

роду царского портрета. С.В.Моисеева подробно разбирает такие разновидности портретной живописи, как надгробное изображение и портрет «во успении», а также прослеживает роль Титулярника в качестве практически единственного на тот момент иконографического прототипа царских образов.

В следующих главах автор книги смело обращается к самым загадочным, а потому наиболее притягательным для исследователей группам произведений, которые не дают покоя специалистам, знатокам и любителям искусства уже нескольких поколений, – к парсуне и Преображенской серии. Анализируя сохранившиеся источники и историографию вопроса, С.В.Моисеева доказывает правомерность использования термина «парсуна», бытовавшего ещё во второй половине XVII в., применительно к парадным портретам, носящим мемориальный характер и изображавшим царскую семью, церковных иерархов и знатных лиц той эпохи.

Настоящей удачей автора и сенсацией в современном искусствознании становятся новая атрибуция и датировка (вплоть до месяцев) известных портретов князей Репниных (Государственный Русский музей, ГРМ), выполненная исследовательницей в 2013–2015 гг. и принятая Атрибуционным советом ГРМ. Доводы С.В.Моисеевой основаны на скрупулёзном изучении и сопоставлении костюмов и аксессуаров моделей, надписей на портретах, фактов истории рода Репниных и биографий отдельных её представителей. Особое внимание в этой главе уделено и портрету воеводы И.Е.Власова (Нижегородский государственный художественный музей), атрибуция которого в последнее время была поставлена под сомнение.

Уникальный результат дала и работа автора книги над портретами Преображенской серии. Изучение известных, а также обнаруженных и введённых в научный оборот С.В.Моисеевой источников

позволило опубликовать новые сведения о моделях, уточнить датировку трёх портретов, а в случае с изображением Андрея Бесящего (ГРМ) – воссоздать историю появления произведения, предложить его точную датировку и даже предположить имя художника-исполнителя.

В этом же разделе говорится и о так называемом портрете напольного гетмана, традиционно приписываемом И.Н. Никитину и до сих пор, как справедливо пишет автор книги, продолжающем «оставаться одной из самых больших загадок собрания Русского музея». Проведённые в конце прошлого века технологические исследования выявили надпись, расположенную справа и слева от головы модели, которая близка надписям на портретах Преображенской серии. Опираясь на результаты экспертизы, историографию вопроса, а также на сохранившиеся и вновь найденные источники, С.В. Моисеева выдвигает две версии в определении модели.

Развивая идею Н.М. Молевой, что «напольный гетман» являлся певчим или музыкантом, автор книги предлагает уточнение – «певчим Романом», вероятно, очень ценным императорской четой. Либо он мог быть неким «етманом», одним из персонажей «Всешутейшего собора», упоминаемым в пояснительном тексте на знаменитой гравюре А. Шхонебека «Свадьба Филата Шанского» (1702).

Последние две главы книги представляют «разные обороты одной медали». Пятая глава посвящена иконографии Петра Великого, а шестая – живописцам императорского двора первой половины XVIII в., как русским, так и иностранным, большинство из которых начали свою деятельность в Петровское время. Следует подчеркнуть, что в пятой главе рассматриваются практически все известные на сегодня живописные и графические изображения российского императора, созданные со второй половины 1670-х гг. по 1725 г.

Отдельное внимание уделено истории создания и бытования посмертных портретов Петра I. В шестой главе, как и в предыдущих главах книги, особое освещение получают проблемы авторства и вопросы датировки приведённых произведений.

Весомыми составляющими вышедшего труда, имеющими определённую самоценность, оказываются девять Приложений и иллюстративный материал, насчитывающий более 200 единиц. В Приложениях публикуются редкие литературные источники XVII–XIX вв., дополняющие мысли автора и позволяющие ощутить атмосферу исследуемой эпохи. Иллюстративный материал, расположенный на вклейке, включает изображения практически всех работ, о которых говорится в книге, в том числе не дошедших до нас и известных по воспроизведениям прошлых веков. Там, где это необходимо, даны фрагменты произведений, обороты холстов, снимки в инфракрасном канале, наглядно подкрепляющие доводы С.В. Моисеевой.

Книга прекрасно издана. Формат и художественное оформление органично соотносятся с её содержанием. Весьма симптоматично, что на обложку книги вынесен портрет молодого человека в зелёном кафтане (ГРМ), находящийся в процессе реставрации, которая постепенно открывает особенности его мастерского исполнения. Факт принадлежности этого превосходного портрета кисти И.Н. Никитина имеет долгую историю атрибуции.

Монография С.В. Моисеевой, собравшая почти все известные на сегодняшний день портретные изображения наших соотечественников конца XVI – первой половины XVIII в., комментирующая и переосмысливающая сложившиеся атрибуции и публикующая новые данные (в том числе не вошедшие в последние музейные каталоги), может по праву считаться энциклопедией портретной живописи отмеченного периода. Этому объёмно-

му, насыщенному фактами и иллюстративным материалом изданию на долгие годы суждено стать настольной книгой как для специалистов, так и для знатоков и любителей искусства.

Издание открывает дальнейшие горизонты в исследовании портретной проблематики в художественной культуре России позднего Средневековья и начала Нового времени.

ENGLISH

Moiseeva S.V. Russians painted by contemporaries: Portrait painting of late 16th – first half of the 18th century in the collections of Europe and Russia. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017. — 304 p.: ill.

Ekaterina Aleksandrovna Tyukhmeneva — Cand. Sc. of Art Studies, senior research fellow, Research Institute of Theory and History of Fine Arts, Russian Academy of Arts.
E-mail: tyukhmeneva@mail.ru

Keywords: Russian art of the 18th century, Russian modern art, Imperial Academy of Arts, Russian manor culture

DOI: 10.22204/2587-8956-2018-092-03-203-206

М.В. МОСКАЛЮК*

Гольнец С.В. Лев Самойлович Бакст.
М.: БуксМАрт, 2017. — 408 с.: ил. **

Ключевые слова: Серебряный век, «Мир искусства», театральные декорации

Художник, выдающийся мастер балетных декораций и костюмов для Дягилевских сезонов Лев Самойлович Бакст (Лейб-Хаим Израилевич Розенберг, 1866–1924) — личность яркая и неординарная. Начиная с вдумчивого, проникновенного Александра Бенуа, сотоварища Бакста по художественному объединению «Мир искусства», художественная критика не обходила его вниманием, а вышедшие в 1913 г. в Париже и Лондоне объёмистые фолианты в полной мере закрепили при жизни всемирный успех его разностороннего творчества. И далее в российском искусствоведении внимание к художнику не угасало, отсутствие публикационной активности 1930–1950-х гг. объясняется скорее идеологическими установками советского времени, чем логикой развития художественных процессов.

В последующие десятилетия, особенно в 1990–2000-е гг., появляется большое число публикаций, изучающих отдельные стороны творческого наследия Бак-

ста, обобщающих творческий путь художника, оценивающих его вклад в историю искусства. В постоянном налаживании разнообразных диалогов с наследием конца XIX – начала XX в. становится всё более очевидно, что «эстетический вызов, брошенный художниками Серебряного века современной им действительности, близок нашему времени» (С.В. Гольнец). Доказательством служат масштабные выставочные мероприятия, фестивали, восстановление наиболее ярких театральных постановок, выход в свет уникальных российских и зарубежных изданий. Своеобразным катализатором в этих процессах во многом послужило 150-летие Льва Бакста, отмеченное российской и мировой художественной общественностью в 2014 г.

Монографию о Баксте С.В. Гольнца, вышедшую в издательстве «БуксМАрт» в 2017 г., можно рассматривать как некую «собирающую», подводящую итоги в современном этапе «бакстоведения» работу. Весьма значимый труд о Баксте

* **Москалюк Марина Валентиновна** — доктор искусствоведения, ректор Красноярского государственного института искусств.
E-mail: mawam@rambler.ru

** Проект 17-04-16066д.

на русском и французском языках был опубликован С.В.Гольнцом ещё в 1992 г. Проблематика художественного значения объединения «Мир искусства», Дягилевских сезонов (С.В.Гольнец был одним из инициаторов и организаторов Дягилевских чтений в Перми, ставших основой одноимённого международного фестиваля), в целом наследия Серебряного века являлась для исследователя важнейшей в его научной и просветительской деятельности.

Для нового издания о Льве Баксте более десяти лет уточнялись и проверялись все накопленные ранее материалы, открывались новые источники, касающиеся непосредственно данного мастера и эпохи в целом, посещались все основные выставки, научные конференции. С.Гольнец как учёный, безусловно, педант библиографии, и во вводной части данного издания он проанализировал и обобщил основные этапы сложения искусствоведческих знаний о Баксте, выявил и отметил достижения предшественников и всех ведущих современных исследователей.

Знакомство с любой книгой, а уж тем более посвящённой изобразительному искусству, где иллюстрации несут такую же важную информацию, как и вербальный текст, начинается с момента, как только берёшь её в руки. И здесь поговорка «не суди о книге по обложке», на наш взгляд, совершенно не работает. Перелистывая, рассматривая, глубоко изучая полновесную как по содержательным, так и по физическим параметрам монографию С.В.Гольнца о Баксте, хочется отдать дань признательности за качество издания «БуксМАрту» и, конечно же, опытнейшему дизайнеру В.И.Булатовой.

Полнота, последовательность, стилистическая ясность текстов автора-исследователя в полной мере поддержана логикой, чистотой, выверенностью дизайна. В книге более 450 полноценных иллюстраций, где в чередовании натуральных зарисовок, графических и живописных

портретов, журнальной графики, разнообразных театральных работ раскрывается всё многообразие бакстовских техник и масштабность его уникального дарования.

Основная часть разделена С.В.Гольнцом на достаточно большие блоки: «Становление художника», «Обретение себя» и «Мировая слава». В ряду биографических сведений о семье, о детстве и юности будущего художника автор монографии большое внимание уделил академической дружбе Льва Бакста и Валентина Серова. Бакст покинул Академию художеств, не завершив обучения, но навыки академического рисунка и композиционной выразительности в полной мере пригодились ему в будущем. Для С.Гольнца во всех случаях обращения к Серебряному веку важно было почувствовать, понять эпоху и «оживить» её для своих читателей. В данном случае воспоминания современников о Баксте-юноше, как и все последующие включения из мемуарных источников, делают текст повествования живым, близким и понятным.

Рассматривая достаточно сложный путь профессионального взросления мастера и долгих поисков оригинального художественного метода, С.В.Гольнец большое внимание уделяет анализу ранней графики художника, его тонально-штриховым иллюстрациям, акварельным работам, рисункам для «Мира искусства». Здесь сделаны настоящие открытия, показано, как из тематических предпочтений и индивидуальных особенностей языка начинающего Бакста разовьётся будущий законодатель стиля театрального и декоративного искусства, как из академических и передвижнических традиций зарождаются и выкристаллизовываются будущие завоевания художника модерна.

На протяжении всего повествования в тонких и точных искусствоведческих зарисовках прослежены портретные поиски художника в многочисленных графических работах и более редких живописных

холстах. Особого внимания заслуживает анализ знаменитого «Портрета Сергея Павловича Дягилева с няней» (1906), прозрачно-чувственного образа живописного полотна «Ужин» (1902) и др. По наблюдениям Гольнца, именно дарование портретиста, умение передать индивидуальность через особенности пластики человека сделали Бакста выдающимся художником сценического и светского костюма, художником моды.

Также последовательно рассмотрены непростые взаимоотношения Льва Самойловича с античностью, где художника не столько привлекает беломраморная классическая Эллада, сколько таинственная архаика, поклонение гибкой линии и чувственности Эгейского мира. Именно в увлечении Древней Грецией С. Гольнец видит ростки в неоклассицизм, которые плодотворно взойдут в будущей зрелой стилистике Бакста. Неоклассические тенденции прослеживаются не только в ретроспективе, т.е. в использовании античных сюжетов, но и в бакстовском культе «прекрасной линии», в приверженности ясной пластической форме. Не обойдены вниманием исследователя и символистские тенденции творчества Бакста.

Многие искусствоведческие умозаключения в опубликованном тексте исследования в полной мере подтверждаются обращением к теоретическим взглядам Бакста на искусство, выраженным в различных статьях, лекциях, письмах, в педагогической деятельности. Включение тех или иных цитат в текст является важной содержательной составляющей монографии. Так, например, склонность художника увлекаться новым, неординарным выразилась в том, что он первым в российской художественной среде положительно оценил фовизм, увлёкся творчеством Матисса, а в одной из своих лекций заявил, что в период «эстетики прямого угла тоскует об изогнутых линиях, о великолепных кривых».

С началом Русских сезонов С.П. Дягилева театр в творчестве Бакста вытесняет

все другие виды искусства. Среди художников легендарного дягилевского проекта Бакст царил также, как Нижинский среди танцовщиков. В программно претендующем на синтез искусств модерне Бакст наиболее полно и свободно осуществил союз танца, музыки и живописи, создал особый эстетический мир, обладающий своим измерением, своими внутренними законами.

Именно с этого момента к Баксту приходит так долго чаемая мировая слава. Не только балетные постановки в бакстовских декорациях, но и персональные выставки художника в 1910-х гг. проводились по всему миру. Долгие годы данный период был наиболее привлекательным для многих исследователей творчества Бакста. В общем контексте новой монографии Гольнца театральные достижения последовательно вписываются в общую логику художественного развития мастера, тщательно прослеженную учёным.

В поздние годы творческой и жизненной биографии Бакста С. Гольнец рассматривает его стремление «завоевать Америку», неоднократные поездки в США. Внимательно анализируются последние портретные произведения, а также работы по оформлению интерьеров, прежде всего серия из семи монументальных декоративных панно (более двух метров высотой) на тему сказки Шарля Перро «Спящая красавица», заказанная банкиром Ротшильдом в 1913 и законченная в 1922 г.

Нельзя не сказать о ещё одной уникальной части монографии — о «Летописи жизни и творчества». Летопись вроде бы и краткая, но богатая по материалу и вполне живая по своей подаче. Перед нами год за годом, шаг за шагом встают внимательно отобранные основные события жизни и творчества художника. Мы узнаём, над чем работает, с кем встречается Лев Самойлович. Всё это сопровождается интереснейшими документальными фотографиями, быстрыми портретными зарисов-

ками самого Бакста, А.Н. Бенуа, С.Ф. Малявина, Е.С. Кругликовой, В.А. Серова, П. Пикассо, Ж. Кокто.

В начале рецензионного обзора монографии о жизни и творчестве Льва Бакста мы говорили о ней как о своеобразной итоговой ступени современного «бакстоведения». Безусловно, на следующем этапе будут найдены новые ходы искусствоведческой интерпретации уникальных произведений художника, возможно, будут открыты новые документы, придут неординарные сопоставления и включения богатого бакстовского наследия в контекст современного Баксту искусства и искусства, современного нам.

Очевидно, что ни один серьёзный исследователь художественного наследия Серебряного века не сможет пройти мимо данного издания, вызывающего глубокое уважение своей академической значимостью и фундаментальной научностью. Ощущение итоговости данного труда, к глубокому сожалению, многократно усиливается тем, что для Сергея Васильевича Голынца (1939–2018), академика Российской академии художеств, заслуженного работника высшей школы, почётного профессора Уральского федерального университета, данное издание стало значимым и достойным завершением его творческой, научной и жизненной биографии.

ENGLISH

Golynets S.V. Bakst Lev Samoylovich.
Moscow: BuksMart, 2017. — 408 p.: ill.

Marina Valentinovna Moskalyuk — Dr. Sc. of Art Studies, principal of Krasnoyarsk State Institute of Arts.
E-mail: mawam@rambler.ru

Keywords: Silver Age, Mir Iskusstva, theatrical scenery

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Книжная выставка РФФИ в МИДе России

23–24 июля 2018 г. в Москве в пресс-центре МИДа России в рамках совещания руководителей представительств и представителей Россотрудничества за рубежом Российский фонд фундаментальных исследований организовал выставку книг, изданных при его поддержке.

Совещание было приурочено к десятилетию подписания Указа Президента России о создании Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), которое явилось преемником Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), Российского центра международного научного и куль-

турного сотрудничества при Правительстве России (Росзарубежцентр).

Экспозиция РФФИ объединила более 250 изданий, посвящённых русскому языку и литературе, истории и внешней политике России. Были представлены тематические журналы, освещающие деятельность РФФИ, а также подготовленные Фондом аннотированные каталоги «Революция 1917 года в России» и «Мир в исследованиях российских учёных», материалы о проведённом в мае с.г. в Москве заседании Глобального исследовательского совета.

Почётные гости совещания, в том числе первые лица Государственной Думы, Совета Федерации, МИДа России, с интересом ознакомились с книжной экспозицией Фонда и оставили записи в «Книге отзывов».

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2018, № 3 (92)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3003)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка К. Страодинский
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 14.09.2018. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 24,9. Уч.-изд. л. 18,0.
Печать офсетная. Бумага мелованная. Тираж 300 экз.